3 1761 04303 2093

D
377
.3
P87
1913a

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/panslavizmvprosh00pypi

This is an authorized facsimile of the original book, and was produced in 1972 by microfilm-xerography by University Microfilms, A Xerox Company, Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

Pypin, Aleksandr Nikolaevich
4641.

А. Н. Пыпинъ

Panslavizm v proshlom i nastoiashchem

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

(1878)

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

В. В. Водовозова

Книгоиздательство «Колосъ»
1913

LIBRARY
JUL 31 1972
UNIVERSITY OF TORONTO

D
377
.3
P87
1913a

Въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича продаются слѣдующія сочиненія

А. Н. ПЫПИНА:

Памятники древней письменности. 1883 г. Ц. 1 р.

Для любителей книжной старины. Библіографическій списокъ рукописныхъ романовъ, повѣстей, сказокъ, поэмъ и пр., въ особенности изъ первой половины XVIII вѣка. Изданіе Общества любителей росс. словесности. Москва 1888. 1 р.

Изъ исторіи народной повѣсти. Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ, и пр. Текстъ по рукописямъ XVIII вѣка и введеніе. Изданіе Имп. Общества любит. др. письменности. Спб. 1887. 75 к.

Дѣла о пѣсняхъ въ XVIII вѣкѣ (1704—1764). Спб. 1900. Ц. 30 к.

Сводный старообрядческій синодикъ. Второе изданіе синодика по четыремъ рукописямъ XVIII—XIX в. Изданіе Импер. Общества любителей древней письменности. Спб. 1883. 1 р.

Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Изд. 4-е. Спб. 1908. 3 р.

Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки. Изданіе четвертое, съ третьяго дополненнаго, безъ перемѣнъ. Спб. 1909. 3 руб.

Бѣлинскій, его жизнь и переписка. Изданіе 2-е, съ дополненіями и примѣчаніями. Книгоиздательство „Колосъ". Спб. 1908. 3 р. 50 к.

Н. А. Некрасовъ. Нѣсколько воспоминаній. — Историко-литературныя справки.—Письма Некрасова къ И. С. Тургеневу. 1847—1861.—Новѣйшая литература о Некрасовѣ. Съ тремя портретами. Спб. 1905. 2 р.

М. Е. Салтыковъ. — Идеализмъ Салтыкова. — Журнальная дѣятельность 1863—1864.—Библіографическая замѣтка.—Спб. 1899. 1 р. 50 к.

Исторія русской литературы. Четыре тома:

I. Древняя письменность.—II. Древняя письменность. Времена московскаго [illegible] III. Судьбы народной поэзіи. Эпоха преобра-

Вре-
ченіе
руб.

BEQUEATHED TO
THE BODLEIAN LIBRARY
BY
BENEDICT HUMPHREY SUMNER, M.A.
WARDEN OF ALL SOULS COLLEGE

А. Н. Пыпинъ

ПАНСЛАВИЗМЪ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ

(1878)

съ предисловіемъ и примѣчаніями

В. В. Водовозова

Книгоиздательство «Колосъ»
1913

24716б d. 14

BODLEIAN
LIBRARY

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время событія на ближнемъ Востокѣ снова пробудили живой и острый интересъ къ судьбамъ славянскаго міра. Къ сожалѣнію, недостаточное знакомство нашего общества съ политическими и культурными стремленіями славянскихъ народностей даетъ просторъ для пропаганды того шовинистскаго панславизма, который стремится придавать агрессивный характеръ русской политикѣ въ славянскомъ вопросѣ. Выясненіе вреда, наносимаго этой политикой дѣлу культурнаго сближенія Россіи съ славянскими народностями должно составить очередную задачу нашей прогрессивной публицистики.

Съ этой точки зрѣнія намъ представляется своевременнымъ напомнить всѣмъ интересующимся славянскимъ вопросомъ очерки покойнаго А. Н. Пыпина о панславизмѣ. Очерки эти въ высшей степени цѣнны потому, что Пыпинъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и, къ сожалѣнію, немногихъ у насъ знатоковъ славянства, и для ознакомленія русскаго общества съ нимъ онъ сдѣлалъ едва ли не больше, чѣмъ любой изъ нашихъ славянофиловъ. Не менѣе горячо, чѣмъ они, Пыпинъ любилъ славянъ и дорожилъ ихъ культурнымъ развитіемъ, но ему былъ со-

вершенно чуждъ тотъ шовинизмъ, который неизмѣнно окрашивалъ всѣ славянофильскія стремленія, и къ оффиціальной славянофильской формулѣ: „православіе, самодержавіе и народность“, онъ не питалъ ни малѣйшей симпатіи.

Настоящіе очерки Пыпина отличаются обычными чертами, свойственными всѣмъ его трудамъ—осторожностью въ выводахъ, строго объективнымъ изложеніемъ, серьезностью и глубиной историческаго анализа.

Наиболѣе существеннымъ и цѣннымъ въ этихъ очеркахъ должно быть признано произведенное авторомъ изслѣдованіе генезиса и развитія излюбленной славянофильской идеи въ ея различныхъ формахъ и развѣтвленіяхъ, отъ панславизма освободительнаго, подразумѣвающаго только культурное сближеніе различныхъ славянскихъ народовъ, при условіи сохраненія ихъ національныхъ особенностей, до панславизма шовинистическаго, основаннаго на политическомъ подчиненіи Россіи славянскихъ народностей. Пыпинъ превосходно выясняетъ, что развитіе славянскихъ народовъ шло у каждаго изъ нихъ своимъ собственнымъ путемъ, что если у нихъ существуетъ извѣстное стремленіе къ взаимному сближенію, то при непремѣнномъ условіи сохраненія ими политической, культурной и религіозной самостоятельности.

Напомнимъ, что настоящая работа Пыпина появилась въ печати тотчасъ послѣ окончанія русско-турецкой войны и послѣ берлинскаго конгресса, хотя отчасти лишившаго балканскихъ славянъ плодовъ тяжелаго возстанія и трудной войны, но все-таки призвавшаго къ самостоятельному политическому существованію одну изъ сильныхъ народностей съ богатымъ историческимъ прошлымъ — болгаръ, и къ новымъ условіямъ жизни

другую славянскую народность—сербовъ [1]). Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ 35 лѣтъ, и переживаемый нами политическій моментъ, когда выросшія и окрѣпшія славянскія государства взяли на себя инициативу новой войны, имѣетъ мало общаго съ тѣмъ моментомъ, когда въ такой же борьбѣ съ Турціей имъ приходилось прибѣгать къ помощи Россіи. Тѣмъ не менѣе многія страницы очерковъ Пыпина о панславизмѣ кажутся написанными точно вчера и потому печатаемая нами книга далеко не является только „историческимъ документомъ"; напротивъ она безъ всякаго сомнѣнія еще на долго сохранитъ свое значеніе для русскаго читателя.

Не посягая на какія-либо исправленія Пыпина, хотя бы и въ неизбѣжно устарѣлыхъ частностяхъ [2]), мы предлагаемъ его работу въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она впервые появилась въ печати; и лишь въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мы сочли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя—весьма немногія—указанія библіографическаго и пояснительнаго характера.

В. Водовозовъ.

---

[1]) Она появилась въ свѣтъ въ Вѣстникѣ Европы, 1878, №№ 9—12.

[2]) Такъ, напр., нельзя въ настоящее время говорить, что польская литература совершенно неизвѣстна въ Россіи, что западные славяне почти совершенно незнакомы съ Россіей и т. п.

Было время, когда въ европейской литературѣ много говорили о панславизмѣ; о немъ опять много говорилось по поводу послѣднихъ событій въ славянскомъ мірѣ, и большей частью толки были самые неблагопріятные. Всего чаще говорятъ о панславизмѣ, какъ объ опасномъ и зловредномъ политическомъ движеніи: англійскій первый министръ [1]), по словамъ газетъ, заботился объ уничтоженіи «панславистскаго заговора» на Балканскомъ полуостровѣ; разсказываютъ, что Бисмаркъ «ненавидитъ» панславизмъ; венгерскіе депутаты, а также, конечно, и первый министръ [2]), считаютъ необходимымъ положить конецъ «панславистскимъ проискамъ»; даже французскія газеты (напр. недавно Débats) находятъ, что противъ панславизма должно принять мѣры (теперь и приняты, съ разныхъ сторонъ, довольно сильныя мѣры, въ родѣ австрійской «оккупаціи» Босніи и Герцеговины) и т. д. Что̀ именно разумѣется здѣсь подъ панславизмомъ, рѣдко кто съ точностью объясняетъ; но обыкновенно подъ этимъ именемъ понимается ожидаемое политическое объединеніе и возвышеніе славянскаго міра подъ вліяніемъ Россіи, или, ближе, распространеніе надъ славянскимъ міромъ прямого (или въ крайнемъ случаѣ косвеннаго) господства Россіи, которая такимъ образомъ получитъ приращеніе къ своимъ и безъ того опаснымъ силамъ и наконецъ захватитъ себѣ Балканскій полуостровъ. Въ Европѣ, почти единогласно, желаютъ предотвратить или уничтожить этотъ ожидаемый фактъ. Что нѣмецко-венгерское общество въ Австро-Венгріи нимало не расположено къ «панславизму»,—это слишкомъ извѣстно; не менѣе

[1]) Лордъ Биконсфильдъ. [2]) Коломанъ Тисса. [*В. В—вв*].

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Введеніе	1
I.	Европейскія мнѣнія о панславизмѣ въ прежнее время	3
II.	Факты славянскаго возрожденія	16
III.	Общій характеръ и источники славянскаго возрожденія	46
IV.	Трудности вопроса	54
V.	Русскій панславизмъ	73
VI.	Славянофилы. —Славянскіе комитеты.—Съѣздъ 1867 г.	105
VII.	Политическое броженіе въ Австріи передъ 1848 г.—Славянскій съѣздъ въ Прагѣ.—Мнѣнія Штура	124
VIII.	Западно-европейскіе и славянскіе протесты противъ панславизма	145
IX.	Общія замѣчанія	162

извѣстно, что къ нему не расположены въ Германіи, въ томъ числѣ, какъ говорятъ, крайне не расположенъ такой могущественный политическій человѣкъ, какъ Бисмаркъ. Но если въ европейскихъ государствахъ мнѣнія страны имѣютъ въ концѣ концовъ большое вліяніе на ходъ политики — какое значеніе имѣлъ тройственный союзъ? [1]) Если онъ, тѣмъ не менѣе, существовалъ, не слѣдуетъ ли заключать, что Россія вовсе неповинна въ «панславизмѣ»? Но тогда откуда эти не перестающія требованія о необходимости его уничтоженія? Что же, наконецъ, представляетъ собою панславизмъ: существуетъ ли онъ дѣйствительно, можно ли и въ какомъ смыслѣ прилагать это названіе къ современному движенію славянства, — какова была и есть роль Россіи въ этомъ движеніи? На этихъ вопросахъ мы хотѣли остановиться въ настоящемъ трудѣ.

Событія, происходившія въ послѣдніе годы и относящіяся въ область «панславизма», были самаго потрясающаго свойства: они способны были возбудить и дѣйствительно возбуждали самыя живыя сочувствія и надежды, потомъ разочарованіе, негодованіе... Теперь, одинъ періодъ событій можно считать завершеннымъ, и не безполезно было бы обратиться къ историческому разъясненію предмета, которому до сихъ поръ давалось слишкомъ мало вниманія. На Балканскомъ полуостровѣ продолжаются потрясенія, которыя даютъ страшный комментарій и дополненіе къ прошедшему.

Въ своемъ изложеніи мы будемъ держаться фактовъ, хотя бы строгіе критики, какъ не разъ бывало, обвинили насъ за недостатокъ «чувства», докринерство и т. п. Относительно нашего «чувства» скажемъ только одно: оно ни-

[1]) Рѣчь идетъ не о тройственномъ союзѣ Германіи, Австріи и Италіи, (заключенномъ только въ 1882 г.), а о неоформленномъ какимъ-либо договоромъ политической дружбѣ между Россіей, Германіей и Австро-Венгріей, исходной точкой которой обыкновенно признается съѣздъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ въ 1872, и которая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была сильнымъ политическимъ факторомъ. [*В. В. вѣ*]

когда не было то, какое выставляли на показъ хвастливые шовинисты и нѣкоторые новообращенные любители славянства—поддѣлки подъ чувство были намъ всегда ненавистны; мы не считали возможнымъ и не брали на себя говорить отъ имени русскаго народа, или даже общества; а то, что говорили три года тому назадъ, сказали бы и теперь. Наши взгляды на славянское дѣло мы, кажется, высказывали довольно вразумительно.

I.

Европейскія мнѣнія о панславизмѣ въ прежнее время.

Слово «панславизмъ» впервые появилось, кажется, съ тридцатыхъ годовъ, когда внутреннее движеніе славянскаго міра обратило на себя вниманіе европейскихъ политиковъ и публицистовъ. Первыя десятилѣтія нашего вѣка были особенно исполнены національнаго броженія, первымъ источникомъ котораго были умственное движеніе и политическіе перевороты конца прошлаго столѣтія. Во внѣшнемъ политическомъ быту въ средней Европѣ послѣ вѣнскаго конгресса наступило время полнѣйшаго господства такъ называемаго «полицейскаго государства», которое имѣло международный фундаментъ въ «Священномъ Союзѣ»; но жизнь переростала эту политическую форму, и подъ реакціоннымъ гнетомъ, подъ усиленнымъ стараніемъ подавить «либерализмъ», въ европейскихъ обществахъ все сильнѣе сказывалась потребность въ иномъ устройствѣ и національно-политическихъ и внутреннихъ отношеній. Идеи политической свободы пріобрѣтали все большую силу; рядомъ съ ними шло стремленіе къ національному освобожденію и объединенію: еще было много остатковъ средневѣкового феодализма, который держалъ разбитыми на клочки народы, чувствовавшіе свое тожество, и единственнымъ путемъ для общественнаго развитія казалось національно-политическое

объединеніе, которое одно обѣщало дать удовлетвореніе національному чувству и политическую свободу. Такое движеніе шло въ Германіи и въ Италіи — у нѣмцевъ путемъ теоретической политики, у итальянцевъ путемъ практической революціи, карбонарскихъ заговоровъ и маццинизма; возбужденіе умовъ было, наконецъ, столь сильно, что французская революція 1848 г. тотчасъ отозвалась и въ Германіи, въ Италіи и въ самой Австріи. Насколько, съ національной стороны, въ этомъ движеніи обнаруживались самые глубокіе инстинкты народной жизни, показалъ результатъ, свидѣтелями котораго мы были—объединеніе Италіи и объединеніе Германіи.

Національное движеніе происходило и въ славянскомъ мірѣ: оно замѣчено было съ начала столѣтія, со времени сербскаго возстанія; его видѣли потомъ въ ряду другихъ фактовъ, и оно-то названо было «панславизмомъ». По идеямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, оно не могло имѣть иного смысла, кромѣ стремленія славянскаго міра къ объединенію, какъ стремились къ подобному объединенію Германія, Италія, какъ даже на сѣверѣ Европы возникала идея скандинавскаго единства.

Слово составлено было теоретически, по предположенію; оно было неопредѣленно, какъ еще были неопредѣленны понятія объ элементахъ и дѣйствительныхъ силахъ этого движенія—не только у его постороннихъ наблюдателей (писателей нѣмецкихъ, французскихъ и пр.), но и у самихъ тѣхъ, въ чьей средѣ оно происходило. Въ самомъ дѣлѣ, движеніе въ славянскихъ народахъ было несомнѣнно: оно обнаруживалось многими фактами — политическими, какъ освобожденіе (хотя еще не полное) Сербіи, возстаніе Польши; общественными, какъ оживленіе славянскаго элемента въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ; и образовательными, какъ возникновеніе цѣлаго ряда славянскихъ литературъ, заявленіе стремленій къ между-славянской солидарности и т. п.; но въ чемъ состояла истинная сущность и цѣль движенія, какой связи и объединенія искали славян-

скіе народы—этого еще не знали они сами; еще менѣе знали ихъ наблюдатели.

Эта неопредѣленность, собственно говоря, продолжается и до сихъ поръ. Правда, съ тѣхъ поръ, съ тридцатыхъ годовъ и донынѣ, было высказано не мало теорій, объяснявшихъ, какъ и въ какой формѣ должно совершиться объединеніе, не разъ дѣлались идеальныя истолкованія славянскаго національнаго существа и того, чѣмъ долженъ стать славянскій міръ для себя самого и для всей европейской цивилизаціи; но теоріи были противорѣчивы, строились на очень несходныхъ основаніяхъ, еще ни кѣмъ не были примирены, и славянское единство доселѣ остается мудренымъ вопросомъ—какъ въ теоріи, такъ и въ самой общественно-политической борьбѣ. Понятно, что тридцать-сорокъ лѣтъ тому назадъ вопросъ былъ еще темнѣе, и практическое положеніе вещей еще менѣе давало указаній на возможное рѣшеніе.

У европейскихъ публицистовъ преобладало мнѣніе, что «панславизмъ» есть стремленіе славянскаго міра къ объединенію подъ предводительствомъ Россіи и именно такъ, что, быть можетъ, не столько сами славянскія племена ищутъ этого объединенія, сколько идетъ къ нему сама Россія, которой вообще приписывался тогда характеръ завоевательнаго государства, порядочно дикаго, но могущественнаго и грозящаго свободѣ чуть не всей Европы. Другіе, не сомнѣваясь въ тенденціяхъ панславизма, находили болѣе естественнымъ и желательнымъ иной видъ панславизма, гдѣ центромъ могла стать Польша, которая, вмѣстѣ съ западнымъ славянствомъ, составила бы, напротивъ, оплотъ Европы отъ русскаго нашествія. Польша еще не погибла подъ русскимъ владычествомъ, союзъ съ славянствомъ увеличитъ ея силы, а историческая вражда съ Россіей не можетъ дать ей иной роли, кромѣ борьбы противъ русскаго напора: на этомъ основаніи для Европы была бы выгоднѣе эта форма славянскаго объединенія. Третьи, особенно между самими славянами, думали, что наилучшей формой славянскаго един-

ства было бы ни то, ни другое, а свободная славянская федерація. Таковы былы главныя темы, которыя развивались въ многоразличныхъ разсчетахъ и фантазіяхъ о будущей судьбѣ славянскаго міра.

Дальше увидимъ, насколько эти планы отвѣчали дѣйствительности; но для европейскихъ публицистовъ, какъ вообще ни мало они знали о славянскихъ народахъ и ихъ отношеніяхъ, были видимыя основанія какъ задать себѣ вопросъ, такъ и предполагать его рѣшеніе. Съ начала столѣтія славянство — не говоря о Россіи — различнымъ образомъ обращало на себя вниманіе политическими проявленіями своей жизни.

Во-первыхъ, *Россія*. До Петра Великаго извѣстная въ Европѣ немногимъ больше, чѣмъ имперія Великаго Могола, Россія вступила съ тѣхъ поръ дѣятельнымъ образомъ въ кругъ европейской политики и стала надвигаться къ югу и къ западу. Возвращеніе русскихъ земель отъ Польши, занятіе Прибалтійскаго края, утвержденіе на Черномъ морѣ съ покореніемъ Крыма,—наконецъ, послѣдовательные раздѣлы самой Польши поставили Россію въ непосредственное сосѣдство съ «Европой». Времена Екатерины окончательно ввели Россію въ кругъ европейскихъ политическихъ интересовъ; это была сила, съ которой нужно было считаться; она обнаружила и блескъ, и могущество, которое могло быть очень серьёзно страшно. Берлинъ уже бывалъ въ русскихъ рукахъ. Политическое возрастаніе Россіи шло быстрѣе, чѣмъ внутреннее развитіе и образованность: Европа видѣла военную и политическую силу, но еще не видѣла самостоятельной образованности, общественной жизни; видѣла поверхностное вліяніе европейскихъ обычаевъ на-ряду съ первобытной дикостью, и не только при Екатеринѣ, но и при Александрѣ, когда Россія была одно время центромъ европейскихъ событій, когда ея борьба съ Наполеономъ была рѣшающимъ моментомъ европейской исторіи,—даже въ это время въ Европѣ не отвыкли отъ старыхъ представленій о «варварской», «полу-азіатской» Россіи. При всей

политической силѣ, Россія оставалась несимпатична Европѣ чертами своего быта и нравовъ, съ предполагаемой или дѣйствительной азіатской грубостью и суровостью. Этого впечатлѣнія не могли устранить ни ухаживанье Екатерины за философами и энциклопедистами, ни льстивые комплименты Вольтера, ни «Наказъ», переведенный на европейскіе языки; всѣ эти блестки европейской образованности оставались въ глазахъ Европы анекдотомъ, исключеніемъ, личнымъ капризомъ (и дѣйствительно, «Наказъ» остался лишь литературнымъ произведеніемъ, а затѣмъ вкусы самой Екатерины измѣнились, и кромѣ періода филантропическихъ мечтаній у императора Александра, исторія не представляетъ потомъ ни малѣйшихъ примѣровъ чего-либо похожаго на дружбу Екатерины съ Вольтеромъ и Дидро). Напротивъ, довольно было нѣсколькихъ разсказовъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Россіи, нѣсколькихъ «Relations intimes», «Histoires Secretes», «Voyages» — которыхъ, съ одной стороны, никто не опровергалъ, а съ другой и нельзя было иногда опровергнуть—чтобъ это старое впечатлѣніе поддерживалось и даже усиливалось по мѣрѣ того, какъ въ то же время приходилось чувствовать дипломатическій и военный гнетъ «полу-азіатскаго» государства на собственныхъ дѣлахъ. А это стало чувствоваться нерѣдко. Та Россія, которую едва признавали принадлежащею къ Европѣ, настойчиво вмѣшивалась во внутреннія дѣла средней Европы, со временъ революціи была всегда на сторонѣ консервативныхъ и реакціонныхъ партій, и русскія войска еще тогда доходили до Италіи и до Голландіи. Раздѣлъ Польши, который, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ, вышелъ гораздо больше изъ прусской иниціативы, чѣмъ изъ русской, былъ весь поставленъ на счетъ Россіи, какъ фактъ національнаго насилія. Въ борьбѣ съ Наполеономъ забыто было, что упорство Россіи принесло пользу европейскимъ народамъ и самой Франціи—пораженіемъ военной диктатуры; но очень помнилось (естественно, впрочемъ, потому что это былъ не случайный, а преднамѣренный результатъ войны), что Священный

Союзъ, въ основаніи котораго императоръ Александръ былъ первымъ дѣйствующимъ лицомъ, сталъ на десятки лѣтъ опорою реакціи, источникомъ политическаго и общественнаго гнета: русскія арміи готовы были для подавленія либеральныхъ движеній; русскій авторитетъ осуждалъ итальянскія возстанія противъ себялюбивыхъ мелкихъ тираній, осуждалъ греческое возстаніе противъ турокъ, которыхъ онъ признавалъ *законными* властителями. Теперь извѣстно, что русская политика въ этихъ дѣлахъ не была даже самостоятельна, и часто только исполняла планы, задуманные въ Вѣнѣ;—для Россіи это было, въ сущности, еще хуже и, во всякомъ случаѣ, не уменьшало раздраженія, какое производила въ либеральныхъ партіяхъ и въ лучшихъ умахъ реакціонная роль русской государственной силы... Слѣдующая четверть столѣтія измѣнила многое: Россія перестала отчасти смотрѣть на турецкія безобразія какъ на «законную» власть и подала помощь Греціи, — обратила больше вниманія на южно-славянскія отношенія; но въ европейской политикѣ хранила преданія Священнаго Союза. Возстаніе и усмиреніе Польши, съ уничтоженіемъ ея конституціонныхъ учрежденій; помощь, поданная Австріи противъ венгерскаго возстанія (причемъ однако замѣшанные здѣсь интересы австрійскаго славянства ничего не выиграли, и повидимому, даже совсѣмъ и не имѣлись въ виду); продолжавшійся союзъ съ нѣмецкимъ консерватизмомъ, — все это окончательно укрѣпило въ европейскомъ либерализмѣ враждебное отношеніе къ Россіи... То, что узнавали въ Европѣ о внутреннемъ бытѣ Россіи, о полномъ господствѣ безусловной власти, объ отсутствіи какой-либо общественной самодѣятельности, о поверхностной образованности высшихъ классовъ, о рабствѣ милліоновъ крѣпостныхъ людей, о суровости законодательства и администраціи, довершало убѣжденіе, что въ Россіи Европа не можетъ видѣть однородную страну, что имѣетъ въ ней опасное сосѣдство, страшную военную массу, враждебную и слѣдовательно угрожающую европейскому прогрессу.

Почти напрасно было бы подтверждать сказанное примѣрами изъ европейской литературы того времени; ихъ безчисленное множество: какъ общій выводъ, довольно указать страницы, посвященныя Россіи въ книгѣ знаменитаго нѣмецкаго историка и одного изъ самыхъ характерныхъ представителей нѣмецкаго либерализма,—Гервинуса [1]).

При этихъ понятіяхъ о политической роли Россіи, при ея абсолютной монархіи и извѣстномъ милитарномъ характерѣ, при господствѣ надъ Польшей, которое ставилось Россіи (и обыкновенно одной Россіи) въ укоръ какъ коварный, насильственный захватъ, при нѣкоторомъ участіи Россіи къ судьбѣ южнаго, балканскаго славянства,—составилось предположеніе, что Россія только и помышляетъ, что о дальнѣйшемъ движеніи на югъ и западъ, о захватѣ и поглощеніи остальныхъ славянскихъ племенъ—которыя и сами идутъ къ ней навстрѣчу для освобожденія своего отъ турокъ и нѣмцевъ—и что затѣмъ Россія будетъ неминуемо грозить самой Европѣ.

Во-вторыхъ, *Польша*. Съ тѣхъ поръ, какъ южно-славянскія царства пали въ борьбѣ съ турками, и въ началѣ XVII-го вѣка Чехія подпала австрійскому игу, Польша и Россія оставались единственными независимыми государствами славянскаго племени. Въ 1772 году произошелъ первый раздѣлъ Польши, затѣмъ — другіе, потомъ, послѣ кратковременныхъ надеждъ на самостоятельность при Наполеонѣ, съ вѣнскаго конгресса — основаніе царства Польскаго съ конституціонными учрежденіями, и небольшой республики въ Краковѣ. Извѣстно, что взгляды самого императора Александра I были таковы, что поляки имѣли основаніе думать о возвращеніи прежняго политическаго значенія ихъ страны, и въ Европѣ поддержано было представленіе объ историческомъ правѣ Польши, когда его призналъ даже русскій императоръ, согласившійся ограничить

[1]) Geschichte des neunz. Jahrh. I. Einleitung. Сколько помнимъ, этихъ страницъ не находится въ русскомъ переводѣ Гервинуса.

для него свою власть въ царствѣ Польскомъ. Поэтому, когда вспыхнуло возстаніе 1830—31 года, и польская конституція окончила свое существованіе, этотъ фактъ понятъ былъ въ Европѣ не съ точки зрѣнія русской власти, а именно съ польской точки зрѣнія. Европейская дипломатія признала этотъ фактъ, какъ желала этого Россія; но европейское общественное мнѣніе, подъ вліяніемъ давнихъ взглядовъ на Россію, усматривало въ немъ новое доказательство того, что Россія преслѣдуетъ народныя свободы и «поглощаетъ». Въ Европѣ тогда, да и теперь, не замѣчали, что Пруссія «поглощаетъ» поляковъ несравненно дѣйствительнѣе Россіи—сами поляки еще не замѣчали этого,—но по всей Европѣ разносились жалобы эмиграціи и вопли ненависти, которые находили себѣ подготовленную и благопріятную почву. Какъ извѣстно, польская эмиграція нашла покровительство во Франціи; здѣсь основался очагъ ея, гдѣ сильнымъ аристократическимъ центромъ былъ князь Адамъ Чарторыжскій, и центромъ литературнымъ—высшій представитель польской поэзіи, Мицкевичъ. Парижъ сталъ однимъ изъ главныхъ средоточій польской эмиграціонной литературы, которая, вмѣстѣ съ литературой польской Галиціи и Познани, имѣла обширное вліяніе какъ въ самой Польшѣ на умы старыхъ и новыхъ поколѣній, такъ отчасти и въ европейской публицистикѣ. При неизвѣстности дѣйствительныхъ отношеній Польши и Россіи бросался въ глаза внѣшній фактъ — возстанія и подавленія конституціонныхъ учрежденій; симпатіи (хотя симпатіи къ самой Польшѣ—напримѣръ, въ Германіи — кажется, всегда были очень умѣренны) были на сторонѣ Польши. Россія была всегда слишкомъ далека отъ Европы—и географически, и исторически; нѣкогда самая территорія Россіи считалась въ Азіи; притомъ, это была страна «схизматическая»—обстоятельство чрезвычайной важности для общественнаго мнѣнія въ католическихъ странахъ, и не лишенное важности даже въ глазахъ протестантовъ, которые осуждали въ «схизмѣ» преданія Византіи; наконецъ, Россія была страна полнѣй-

шей автократіи. Съ другой стороны, Польша была всегда ближе къ Европѣ; это была страна католическая, стоявшая въ давнихъ историческихъ связяхъ съ нѣмцами и ихъ имперіей,—знакомая съ латинской наукой; наконецъ, Польша была страна конституціонная, храбро бившаяся за свою свободу, побѣжденная и — несчастная. Это былъ взглядъ почти всеобщій въ Европѣ. Распространеніе его, быть можетъ, всего больше принадлежитъ польской эмиграціи, ея литературѣ и ея связямъ въ европейской публицистикѣ. Въ этой средѣ и образовалась та панславистическая теорія, что если Россія грозитъ Европѣ, то прочнѣйшимъ оплотомъ противъ нашествія можетъ служить возстановленная Польша, которая могла бы ста во главѣ федераціи славянскихъ племенъ. Было столько фактовъ, свидѣтельствовавшихъ объ исторической и современной враждѣ и противоположности Польши и Россіи, что представленіе о Польшѣ какъ оплотѣ противъ Россіи принято было неразъ и европейскими публицистами, которые иногда, видимо, повторяли мнѣнія и разсказы эмиграціи. И въ этой теоріи Россія разсматривалась какъ полуазіатское царство, грозящее цивилизаціи; въ этомъ качествѣ она исключалась изъ славянскаго союза, который—подъ руководствомъ Польши—долженъ былъ вполнѣ примкнуть къ европейской цивилизаціи.

Далѣе. *Южное славянство* въ началѣ столѣтія было вообще мало извѣстно не только европейскимъ публицистамъ, но и самимъ единоплеменникамъ; но со времени русско-турецкихъ войнъ временъ Екатерины оно болѣе и болѣе выдвигается на политическую арену. Съ одной стороны, борьба Сербіи за независимость, и потомъ основаніе княжества; борьба черногорцевъ съ турками, ихъ сопротивленіе французамъ; кратковременное существованіе «Иллиріи», основанной Наполеономъ,—все это открывало новый славянскій элементъ на югѣ, который потребовалъ себѣ мѣста и вниманія. Съ другой стороны, произвелъ впечатлѣніе фактъ совершенно иного порядка,—это изданіе серб-

скихъ народныхъ пѣсенъ знаменитаго Вука Стефановича Караджича. Это было невиданное явленіе богатаго народнаго поэтическаго творчества, изумившаго своей гомеровской оригинальностью и сьѣжестью, и — что́ было опять замѣчательно—повторявшагося въ самыхъ событіяхъ сербскаго освобожденія, въ подвигахъ Милоша и Чернаго Георгія, въ героическихъ битвахъ черногорцевъ. Поэзія, открытая Европѣ въ изданіяхъ Вука, давала нравственно-поэтическую окраску подвигамъ народа, выступавшаго изъ четырехъ-сотъ-лѣтняго забвенія на историческое поприще. Войны Россіи съ Турціей съ прошлаго вѣка; замѣченныя уже тогда симпатіи балканскихъ православныхъ народовъ къ Россіи; участіе Россіи въ освобожденіи Сербіи — болѣе и болѣе наводили на мысль, что здѣсь можетъ открыться политическая связь, которая или усилитъ Россію сочувствіями христіанскихъ населеній Турціи, или даже возбудитъ въ Россіи (предполагаемую всегда) страсть къ завоеванію, и отдастъ въ ея руки Балканскій полуостровъ и Константинополь. Какъ ни были слабы прямыя связи Россіи съ южно-славянскимъ міромъ, въ европейской публицистикѣ эти связи не только скоро были замѣчены, но имъ придана такая важность, о какой въ ту минуту не подозрѣвала (за двумя-тремя исключеніями) вся масса русскаго общества и къ которой само правительство относилось весьма хладнокровно.

Въ тридцатыхъ годахъ началось новое движеніе, въ другой области того же племени, у хорватовъ. Вызванное властолюбивыми національными притязаніями мадьяръ къ такой же національной оппозиціи, это движеніе возрастало по мѣрѣ давленія съ другой стороны, и когда національныя стремленія мадьяръ разрѣшились, наконецъ, возстаніемъ противъ Австріи, отвѣтомъ на него было народное вооруженіе хорватовъ противъ Венгріи. Въ промежутокъ времени, съ начала этого броженія до войны, вопросъ дѣятельно разбирался съ обѣихъ сторонъ въ австрійской публицистикѣ, а затѣмъ перешелъ и ея предѣлы. Та часть

австрійскаго славянства, которая политически зависѣла отъ венгровъ, именно австрійскіе сербы, хорваты, словаки, настойчиво защищали свои національныя права и достоинство, и въ разгарѣ полемики съ извѣстной племенной гордостью указывали на свое родство съ великой русской имперіей и народомъ; для ихъ противниковъ это былъ достаточный поводъ говорить о подозрительной приверженности южнаго и западнаго славянства къ Россіи и о коварныхъ замыслахъ послѣдней. Позднѣе, вмѣшательство Россіи въ венгерскую войну подтверждало для публицистовъ какъ эту связь Россіи съ славянствомъ, такъ и то, что Россія всегда готова служить къ подавленію свободы,—венгры, конечно, думали, что защищаютъ дѣло свободы, забывая только свое отношеніе къ хорватамъ, сербамъ, словакамъ.

Къ концу тридцатыхъ и началу сороковыхъ годовъ относятся путешествія первыхъ русскихъ славистовъ по славянскимъ землямъ. Вся дальнѣйшая дѣятельность этихъ славистовъ достаточно показала, что это были дѣйствительно ученые, отчасти самые настоящіе и кабинетные, не только не получавшіе политическихъ порученій, но и послѣ отгонявшіе отъ себя всю политическую сторону славянскаго вопроса. Между тѣмъ, не только въ нѣмецко-венгерскомъ мірѣ были увѣрены, что это были политическіе эмиссары, но и другимъ казалось мало-вѣроятнымъ, чтобы Россія разсылала ученыхъ, а не политическихъ агентовъ; подобное мнѣніе существовало и между тѣми славянскими патріотами, которымъ тогдашняя политическая роль Россіи не была сочувственна. Такія предположенія мы слышали, напр. (въ концѣ 50-хъ годовъ), отъ знаменитаго хорвато-итальянскаго писателя и патріота Томмасео (Томашича).

Чешское движеніе въ національномъ смыслѣ не имѣло до 1848 г. яснаго политическаго характера, но оно производило впечатлѣніе замѣчательною дѣятельностью своихъ ученыхъ. Знаменитый Шафарикъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи «панславизма»,—и въ той исторіи, какая писалась съ излагаемой теперь точки зрѣнія, и въ

той, которая говоритъ о дѣйствительномъ развитіи славянскаго самосознанія. Шафарикъ,—за исключеніемъ одного момента во время славянскаго съѣзда въ Прагѣ, въ 1848—не высказывался какъ публицистъ, но его гигантскіе труды по славянской древности, литературѣ и этнографіи были національнымъ подвигомъ, дѣйствіе котораго шло далеко за предѣлы книжной учености. Это были первые ученые труды панславянскаго значенія, обнимавшіе древность и настоящее славянскихъ племенъ, ихъ старыя общія воспоминанія, сведеніе ихъ родственныхъ счетовъ, ихъ современную этнографію и статистику. Положивши прочное основаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій славянства, труды Шафарика имѣли сильное нравственное дѣйствіе: они дали славянству сосчитать свои силы, помогли взаимному ознакомленію племенъ, воскрешали давнее прошедшее и старые подвиги, обѣщали будущее. Съ ученой славой Шафарика еще не равнялась слава другого славянскаго ученаго: академіи и университеты звали его въ Москву, въ Петербургъ, въ Берлинъ, Вѣну. Онъ сталъ всеобщимъ, безспорнымъ авторитетомъ для своихъ и для чужихъ; его литературная заслуга стала и признакомъ развитія панславизма, и нравственнымъ доказательствомъ въ его пользу.

Такое же доказательство видѣли въ другомъ чешско-славянскомъ писателѣ—Колларѣ. Это не былъ ученый,—онъ писалъ, правда, и ученыя сочиненія о славянской древности, но въ нихъ такъ преобладаетъ фантазія, что ихъ и не считаютъ въ наукѣ,—это былъ поэтъ, восторженный защитникъ и проповѣдникъ славянскаго единенія. Колларъ высказалъ тѣ первые порывы славянскаго сознанія, въ которыхъ именно было еще гораздо больше поэтическаго исканія и надеждъ, чѣмъ реальной увѣренности въ своихъ средствахъ и своей цѣли. Въ Колларѣ было нѣчто общее съ Державинымъ: у обоихъ поэзія настроена на высокій, торжественный тонъ оды и диѳирамба; у того и у другого былъ свой предметъ поклоненія, наполнявшій ихъ поэтическимъ восторгомъ, у Державина—русское величіе, какъ

онъ его понималъ; у Коллара—слава и величіе славянства, которыхъ онъ искалъ въ прошедшихъ его судьбахъ и въ идеалахъ будущаго. Поэма Коллара, «Дочь Славы», какъ ученые труды Шафарика, была произведеніемъ панславянскимъ по своему содержанію и по возбужденіямъ къ труду для національнаго блага. Тотъ же Колларъ первый сталъ говорить о «литературной взаимности», необходимой для поддержанія въ славянскомъ мірѣ сознанія его единства и для успѣха образованности и литературы частныхъ племенъ.

Имена Шафарика и Коллара опредѣляли стремленія чешскаго славянства и вмѣстѣ обозначали литературный «панславизмъ». Эти имена бывали обыкновенно знакомы всѣмъ иноземнымъ публицистамъ, которые брались за объясненіе панславизма.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, тѣ внѣшнія основанія, на которыхъ въ европейской публицистикѣ строилось представленіе о панславизмѣ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ. Какъ мы замѣтили, оно было очень неопредѣленно, какъ были еще неопредѣлённы самые факты движенія. Ближайшіе судьи, писатели славянскіе и не-славянскіе въ самой Австріи, видѣли вещи, разумѣется, ближе, хотя и они, по новости національнаго движенія, вѣроятно не могли составить себѣ яснаго понятія о его размѣрахъ и возможномъ дѣйствіи; у писателей иноземныхъ изложеніе дѣла не обходилось безъ ошибокъ, даже чрезвычайно грубыхъ (напр., одинъ изъ тогдашнихъ французскихъ «спеціалистовъ» по славянству, Кипріанъ Роберъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ причислялъ къ славянамъ венгерцевъ; Эдгаръ Кинé не всегда различалъ чеховъ отъ цыганъ и т. п.),—но высказывалось (иногда угадывалось) не мало вѣрныхъ замѣчаній о между-славянскихъ отношеніяхъ, и въ большинствѣ мнѣній о «панславизмѣ» уже тогда обозначались черты, которыя остались до нашихъ дней въ толкахъ иностранной публицистики о славянскомъ вопросѣ и послѣдней войнѣ. Эти черты—присвоеніе (можетъ быть, иногда только раз-

считанное) Россіи завоевательныхъ видовъ на Балканскій полуостровъ и Константинополь, крайне враждебное отношеніе и къ ней, и къ самому освобожденію южнаго славянства.

II.

Факты славянскаго возрожденія.

Въ чемъ же на самомъ дѣлѣ состояло то славянское движеніе, котораго такъ пугались въ Европѣ подъ формой «панславизма»? Гдѣ его начало, какой былъ его объемъ, были ли въ немъ поводы къ опасеніямъ за европейскую цивилизацію?

Не имѣя въ виду цѣлой исторіи панславизма, мы ограничимся только самыми общими указаніями [1]).

Основнымъ фактомъ, изъ котораго вышли предположенія о «панславизмѣ» у европейскихъ публицистовъ и мечты о національномъ единствѣ (форма оставлялась будущему) у самихъ славянскихъ патріотовъ, было то всеобщее обновленіе славянскихъ народностей, которое возникаетъ съ конца прошлаго вѣка и означается обыкновенно именемъ славянскаго возрожденія. На всемъ пространствѣ славянскаго племени, отъ самыхъ крупныхъ его представителей, какъ русскій народъ, до самыхъ мелкихъ его единицъ, отъ политически сильныхъ и независимыхъ до самыхъ угнетенныхъ, возникаетъ одно общее стремленіе, которое чѣмъ дальше, тѣмъ больше усиливается и становится, наконецъ, господствующей идеей наиболѣе образованныхъ людей, а затѣмъ и болѣе или менѣе сознательнымъ стремленіемъ цѣлыхъ обществъ. Это была мысль о своемъ народѣ, объ его свободѣ, развитіи и просвѣщеніи. Эта мысль проявлялась различными способами, смотря по различію положенія

[1]) Намъ случалось уже говорить (хотя и неполно) объ этомъ предметѣ, и объяснительныя подробности читатель можетъ найти въ «Обзорѣ исторіи слав. литер.» Спб. 1865 г. (второе изданіе въ 2 томахъ, Спб. 1879—81. *Изд.*).

племенъ, ихъ исторіи и современнаго характера. Главное различіе было въ положеніяхъ Россіи и всѣхъ остальныхъ племенъ. Въ то время, когда начиналось это движеніе (съ конца XVIII в.), одна Россія была національно-свободной, независимой страной. Польша уже дѣлилась; у всѣхъ прочихъ славянъ было только воспоминаніе о прошлой независимости и тягостное сознаніе національнаго упадка, несвободы, безсилія вернуть это прошлое. Чехія, нѣкогда въ лицѣ Гуса ставшая во главѣ европейской оппозиціи противъ папства, давшая начало реформѣ, послѣ своего паденія была въ рукахъ іезуитовъ, которые старательно истребляли всѣ воспоминанія объ этихъ славныхъ временахъ, составляли длинные списки запрещенныхъ чешскихъ книгъ—тѣхъ, которыя были лучшимъ преданіемъ и славой старочешской литературы — и жгли ихъ тысячами. Во второй половинѣ прошлаго вѣка у чеховъ еще продолжалось это подавленное состояніе ихъ народности. У сербо-хорватовъ, имѣвшихъ нѣкогда свой блестящій періодъ дубровницкой литературы XV—XVII столѣтій, едва тянулись слабые, безжизненные отголоски ея. У словинцевъ, на крайнемъ славянскомъ западѣ, гдѣ въ XVI вѣкѣ реформація вызвала отпоръ католическому застою и создала замѣчательный, хотя кратковременный расцвѣтъ національной литературы, — іезуитская реакція временъ Фердинанда II задушила эти начатки, и славянская народность снова впала въ сонное полузабытье. Славянскій югъ, за исключеніемъ маленькой Черногоріи, находился съ конца XIV вѣка въ полномъ рабствѣ: историки указываютъ, что вначалѣ, сравнительно съ позднѣйшими временами, турецкое господство было еще довольно сносно; но и это «сносное» иго было ужасно: правда, турки были тогда беззаботнѣе, меньше мѣшались въ народный бытъ, но «райя» была только терпима, меньшая степень гнета основывалась на томъ, что при покореніи, напр., болгарскомъ, были сразу уничтожены тѣ высшіе классы, въ которыхъ существовала нѣкогда образованность и которые могли быть какой-нибудь опорой для національности —

они были истреблены при послѣдней борьбѣ, или приняли магометанство, и стали злѣйшими врагами своего собственнаго народа... Но въ XVIII вѣкѣ и это безпомощное состояніе народа сдѣлалось еще хуже: вмѣстѣ съ тѣмъ какъ стало упадать политическое могущество Турціи, угнетеніе славянства усиливалось, особенно при сотрудничествѣ греческихъ фанаріотовъ, которые сдѣлали откупъ изъ церковнаго управленія Болгаріи и бывали для болгаръ хуже турокъ. Почти такое же положеніе вещей было въ земляхъ сербскаго племени: магометанская аристократія нынѣшней Босніи идетъ отъ старыхъ славянскихъ родовъ, принявшихъ магометанство въ XV столѣтіи.

Но среди этого крайняго бѣдствія, забвенія національнаго достоинства, литературнаго паденія многихъ нарѣчій, среди политической разорванности и безсилія славянскаго міра,—когда нѣкоторыя изъ племенъ, напр., болгары, забитые и безправные, должны были видѣть въ своей народности только тяжелую судьбу, приносившую одно несчастіе и рабство; когда у другихъ, какъ у чеховъ, хорватовъ, словинцевъ, общественная жизнь, высшая образованность были возможны лишь съ переходомъ въ нѣмецкую среду, слѣдовательно, на условіи удаленія отъ своего народа и народнаго преданія, на условіи—примириться съ ихъ паденіемъ и даже содѣйствовать ему; когда народныя силы и средства должны были служить національно-чужой и враждебной государственной силѣ; когда, въ странную параллель съ этимъ положеніемъ вещей, въ Польшѣ, еще полу-независимой политически, и въ самой независимой Россіи народная масса, которая и есть, однако, настоящая сила «націи», находилась въ безвыходныхъ условіяхъ крѣпостного состоянія, и въ славныя времена Екатерины закрѣпощеніе шло все впередъ—среди такого неблагопріятнаго положенія «народности», съ разныхъ сторонъ возникаютъ отдѣльныя, разрозненныя стремленія, которымъ предстояло обновить и оживить глухое существованіе славянскаго міра. Они исходили изъ разныхъ историческихъ мотивовъ, но въ своемъ

дѣйствіи представляли много замѣчательныхъ параллелей, и къ тридцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія они собирались въ замѣчательное историческое явленіе, оказавшееся на пространствѣ цѣлаго племени.

Въ самомъ дѣлѣ, явленіе было замѣчательное, и ему справедливо даютъ названіе «возрожденія».

Въ *Болгаріи* были подавлены всѣ стороны народной жизни; народъ былъ простой рабочей силой, отданной на произволъ всякому любому правовѣрному; у него не было школы, почти не было даже письменности, и никакой защиты; оставалось лишь одно, въ чемъ народъ сознавалъ себя — церковь. Въ этой области и явились первыя попытки возрожденія. Самая церковь была въ рукахъ греческой іерархіи, которая, съумѣвши давно обдѣлать свои дѣла въ Константинополѣ, не только угнетала, но и презирала болгарскій народъ, какъ низшее племя, которому должно отказаться отъ своей «варварской» національности и стать греками. Но низшее и среднее духовенство оставалось болгарское, и въ его средѣ, во второй половинѣ XVIII вѣка, явилось, наконецъ, первое слово въ защиту болгарскаго народа: это была рукописная «Исторія» іеромонаха Паисія, писанная на полу-церковномъ языкѣ, въ стилѣ средневѣковой поучительной литературы. Въ самомъ упадкѣ болгарской письменности, на Аѳонѣ, какъ видно, сберегалась нить стараго болгарскаго преданія, и въ духѣ этого преданія Паисій обратилъ къ своимъ соотечественникамъ горячее воззваніе; оскорбляемый на самомъ Аѳонѣ пренебреженіемъ другихъ православныхъ, грековъ, сербовъ, русскихъ, говорившихъ, что у болгаръ не было церковныхъ и царскихъ преданій, Паисій сталъ разыскивать болгарскую исторію, и изъ старыхъ книгъ, иностранныхъ лѣтописцевъ собралъ свидѣтельства, что у болгаръ, теперь угнетенныхъ и обезславленныхъ, были свои великіе цари, которые бывали страхомъ для самой Византіи, были свои славные іерархи и святые, и призывалъ народъ вспомнить эту старую славу и быть достойнымъ своего прошедшаго. Къ этимъ возбу-

жденіямъ присоединились новыя. Нѣсколько богатыхъ болгарскихъ купцовъ, въ Молдавіи и Валахіи, подъ вліяніемъ патріотизма, внушеннаго извѣстной долей европейскаго образованія, стали основывать школы для своего народа. Наконецъ, въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія началась дѣятельность знаменитаго Венелина, родомъ карпатскаго русина, и одного изъ первыхъ энтузіастовъ славянства. Полу-историкъ, полу-поэтъ, онъ отдался изученію древнихъ временъ славянства; это привело его къ болгарской исторіи, и онъ, увлеченный древностью, и въ то же время сочувствіемъ и состраданіемъ къ гибнущему народу, поставилъ себѣ цѣлью возбужденіе въ болгарскомъ народѣ національнаго сознанія. Венелинъ писалъ, дѣйствовалъ и — бѣдствовалъ въ Россіи, и болгары долго даже не знали о немъ, но когда узнали, его энтузіазмъ къ болгарскимъ преданіямъ и его призывы къ просвѣщенію имѣли очень сильное дѣйствіе: съ тѣхъ поръ болгарское «возрожденіе» было обезпечено. Обстоятельства все еще были невозможныя, но болгары показали здѣсь много характера: цѣной упорныхъ усилій они достигли обширнаго распространенія народной школы; многіе изъ ихъ юношества учились въ Россіи или въ европейскихъ университетахъ; въ послѣдніе годы началась довольно оживленная литературная дѣятельность; болгарскіе патріоты начали національную борьбу — прежде всего съ греками, по церковному вопросу, и добились національно-церковной автономіи; войны Россіи съ Турціей еще раньше дѣйствовали на умы; нетерпѣливое ожиданіе политической свободы производило возстанія, за которыя турки страшно мстили; наконецъ, въ наши дни болгарское освобожденіе вызвало русско-турецкую войну съ ея извѣстными результатами.

Такимъ образомъ, въ національномъ возрожденіи дѣйствовали здѣсь параллельно и самостоятельные проблески народнаго сознанія въ стремленіи напомнить и обновить историческія воспоминанія о временахъ старой славы, и вліянія новой образованности, вызывавшія филантропиче-

скую заботу о просвѣщеніи народа; наконецъ, отголоски цѣлаго славянскаго возрожденія. Политическія событія, особенно войны Россіи съ Турціей, способствовали движенію, когда съ одной стороны все виднѣе становилось ослабленіе стараго угнетателя, съ другой — встрѣча съ родственнымъ и единовѣрнымъ народомъ подтверждала темныя надежды, что отъ него придетъ помощь и освобожденіе. Общеславянская наука оказала великую услугу болгарскому возрожденію. Для изученія болгарской исторіи всего меньше сдѣлано самими болгарами: болгарская древность реставрирована, главнымъ образомъ, учеными западно-славянскими (какъ Шафарикъ, Копитаръ, Иречекъ-младшій и др.) и особенно русскими (Востоковъ, Калайдовичъ, Григоровичъ, Бодянскій, Срезневскій, Гильфердингъ, Ламанскій, Порфирій Успенскій и др.), и эти труды уже успѣли послужить и послужатъ особенно теперь для болгарскаго образованія, которому они доставили одно изъ необходимѣйшихъ средствъ — историческое изученіе. Подъ вліяніемъ общеславянской науки начались у болгаръ собственные труды по изученію народности, которое всегда сопровождало пробужденіе народнаго сознанія у славянскихъ племенъ.

Въ послѣднія десятилѣтія, въ образованномъ кругѣ болгаръ національное стремленіе достигло уже полной опредѣленности. За невозможностью пока политическаго освобожденія, болгары подняли и съ замѣчательнымъ единодушіемъ провели вопросъ церковной автономіи. Политическая свобода была задушевной идеей всякаго,—не только въ образованномъ классѣ, но и въ народной массѣ, которая уже вела съ турками партизанскую гайдуцкую войну. Молодое поколѣніе, учившееся въ Россіи или въ западныхъ университетахъ, не могло безопасно жить на родинѣ; оно поневолѣ становилось эмиграціей; въ своихъ патріотическихъ мечтаніяхъ, оно питалось уже европейскими идеями, когда на народной массѣ лежали еще страшныя и гнусныя путы...

У *сербовъ* національное возрожденіе совершалось иначе и успѣшнѣе. Положеніе ихъ никогда не было такъ тяжело,

какъ положеніе болгаръ. Они были дальше отъ турецкаго центра, ихъ политическая полу-независимость сохранилась долѣе; племя было раскинуто шире, и между прочимъ на такія страны, куда турецкое господство почти не достигало, напримѣръ, въ Адріатическомъ Приморьѣ, въ австрійскихъ земляхъ, которыя только на время подпадали турецкой власти; издавна начались политическія отношенія къ Австріи, которыя оставляли надежду на какую-нибудь помощь съ этой стороны; выселенія сербовъ въ австрійскія земли еще съ первой половины XVII вѣка образовали здѣсь небольшой сербскій центръ, — гдѣ народность — при всѣхъ внѣшнихъ невзгодахъ — была свободна и гдѣ впослѣдствіи завязались дѣйствительно начатки возрожденія.

Первые опыты сербовъ стряхнуть слѣды пережитаго ига и дать своей новой жизни опору благоустроеннаго просвѣщенія начались опять съ обновленія историческихъ преданій и связей. Какъ выходцы изъ Старой-Сербіи устроили себѣ новый народно-историческій палладіумъ на Фрушкой-горѣ, гдѣ основали монастыри съ именами древнихъ сербскихъ монастырей, куда перенесли останки князя Лазаря, такъ ихъ первая книжность въ прошломъ столѣтіи почерпнута была изъ стараго православнаго источника. Съ упадкомъ книжности подъ турецкимъ игомъ, къ сербамъ шли книги изъ Россіи; теперь первые учители новыхъ сербскихъ школъ были вызваны изъ Кіева; первыя сербскія книги, преимущественно церковнаго содержанія, были отчасти просто перепечатки славяно-русскихъ книгъ, или же были писаны полу-церковнымъ, «славено-сербскимъ» языкомъ, въ родѣ того славяно-русскаго, какимъ еще писали у насъ до Ломоносова. Этой первой школѣ сербскихъ писателей казалось, что ихъ «славено-сербскій» языкъ и долженъ быть настоящимъ языкомъ сербской книги. Это было пока прямое продолженіе средневѣкового литературнаго стиля, когда церковно-славянскій былъ общимъ языкомъ церковной письменности у русскихъ, сербовъ и болгаръ; была при этомъ и неясная мысль, что народы, соединенные нѣкогда одной

(тогда исключительно церковной) письменностью, могутъ и впредь сохранить свою образовательную связь. Нѣчто подобное произошло въ XVIII столѣтіи, когда сначала выѣхали къ австрійскимъ сербамъ кіевскіе ученые, а въ концѣ столѣтія переѣхало въ Россію нѣсколько славянскихъ ученыхъ — русины: Лодій, Орлай, Балугьянскій, а также и извѣстный сербъ Янковичъ изъ Миріева (у насъ, на тогдашній французско-нижегородскій ладъ называвшійся Янковичъ де-Миріево). Янковичъ оставилъ заслуженное имя въ исторіи русскаго школьнаго образованія, между прочимъ, какъ авторъ школьной книги «о должностяхъ человѣка и гражданина», изданной во времена либерализма имп. Екатерины, а потомъ отбираемой; теперь, почти черезъ сто лѣтъ, наша народная школа не имѣетъ ничего подобнаго этой книгѣ.

Между тѣмъ въ турецкой Сербіи начались волненія, изъ которыхъ выросло возстаніе. Тревога, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ, сильно возбуждала національное чувство, и съ основаніемъ сербскаго княжества, хотя еще не вполнѣ независимаго, національное возрожденіе укрѣпилось сознаніемъ выдержанной борьбы. Это и сказалось тѣмъ, что сербская литература уже вскорѣ приняла новое направленіе, которое характеризуется уже не однимъ повтореніемъ старины, не подчиненіемъ народнаго языка и образованія «славено-сербскому» направленію, а стремленіемъ раскрыть и возвысить именно чистую сербскую стихію, освободить ее отъ искусственнаго архаизма, заставить литературу говорить подлиннымъ языкомъ самого народа, основать ее на изученіи его собственнаго содержанія и на понятіяхъ новой образованности.

Эту задачу исполнили два замѣчательные человѣка, Досиѳей Обрадовичъ и Вукъ Караджичъ, оба — полу-народные люди, вышедшіе изъ самыхъ нѣдръ народной массы, долго въ ней вращавшіеся, вполнѣ знавшіе ее, но въ то же время стоявшіе на уровнѣ своего времени и высоко цѣнившіе просвѣщеніе и науку. Обрадовичъ, сначала полу-монахъ, свя-

щенникъ, потомъ въ качествѣ учителя странствовавшій отъ Сербіи и Тріеста до Малой Азіи, и оттуда до Лейпцига, Галле, гдѣ онъ слушалъ университетскія лекціи, бывавшій и въ западной Россіи, бѣднякъ, жившій своими уроками и въ зрѣлыхъ лѣтахъ ставшій писателемъ, практическій философъ и вмѣстѣ идеалистъ во вкусѣ XVIII вѣка, соединявшій жизненную опытность и здравый смыслъ съ ученіями современной философіи,—таковъ былъ писатель, начавшій сербскую литературу книгами, доступными для грамотнаго человѣка и передававшими ученія гуманистической нравственности, внушавшими понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, вѣротерпимость, любовь къ просвѣщенію. О дѣятельности Вука мы выше упоминали. Она была вообще великой его заслугой передъ сербскимъ народомъ; народная поэзія, раскрытая имъ въ такой красотѣ и богатствѣ, произвела въ славянствѣ и въ литературахъ Европы впечатлѣніе, которое отразилось на оцѣнкѣ самого народа. Для самихъ сербовъ труды Вука были цѣлой энциклопедіей этнографическихъ свѣдѣній о своемъ народѣ; не только у сербовъ онъ былъ первымъ начинателемъ подобныхъ изысканій, но въ цѣлой европейской наукѣ онъ былъ однимъ изъ первыхъ писателей, которые требовали внимательнаго изслѣдованія народности и научали уваженію къ народной жизни, ея содержанію и обычаю. Наконецъ, Караджичъ произвелъ въ самыхъ литературныхъ идеяхъ переворотъ, завершившійся уже въ наше время. Любовь къ своему народу, инстинктъ и, конечно, еще сильный умъ внушили Караджичу высокое представленіе о народности, и съ первыхъ своихъ трудовъ онъ высказалъ требованіе, что книги должны существовать для народа, и что поэтому ихъ надо писать на языкѣ народа. Словомъ, онъ вдругъ заявлялъ ту реформу литературнаго языка, какая у насъ произошла въ періодъ отъ Карамзина до Гоголя включительно. Съ этимъ вмѣстѣ вносилось и новое направленіе литературы. Старая, «славено-сербская» партія (нѣчто въ родѣ нашего Шишкова и его послѣдователей) возстала противъ Караджича, какъ противъ

еретика; принципъ, имъ выставленный, не былъ ясенъ его современникамъ—на него напали защитники высокаго слога и реторики, называвшіе его народный языкъ языкомъ свиныхъ пастуховъ (въ Сербіи очень распространено свиноводство) и обвинявшіе его въ неуваженіи къ книжнымъ преданіямъ старины; его строго осудили и русскіе славянофилы (въ лицѣ Гильфердинга), утверждая—еще при жизни Вука—что требованіе народнаго языка выставлялось имъ съ цѣлью разорвать церковно-книжное преданіе, связывавшее сербовъ съ Россіею, что это дѣлалось въ видахъ Австріи, орудіемъ которой въ этомъ случаѣ былъ будто бы ученый Копитаръ, преданный слуга Австріи, имѣвшій на Вука большое вліяніе... По внушеніямъ «славено-сербской» партіи книги и правописаніе Вука были запрещены въ княжествѣ Сербіи (самъ онъ жилъ и работалъ большею частью въ Вѣнѣ), и, несмотря на всѣ усилія образованнѣйшихъ сербовъ, это запрещеніе снято было лишь къ концу жизни Вука, въ шестидесятыхъ годахъ, а окончательно уже послѣ его смерти.

Противники Вука, даже ученые славянофилы, какъ Гильфердингъ, не хотѣли видѣть, что реформа Вука была только однимъ изъ явленій, происходившихъ тогда во всѣхъ возрождавшихся славянскихъ литературахъ. Вся сущность славянскаго движенія заключалась въ поднятіи національнаго чувства, въ пробужденіи безсознательнаго дотолѣ общества и народа, слѣдовательно, въ распространеніи книжности, образованія; она состояла далѣе въ томъ, чтобы внушить уваженіе къ народнымъ силамъ, къ живому обычаю, чтобы не смотрѣть свысока на народъ, а служить его благу и интересамъ: не естественно ли было придти къ заключенію, что книга, обращенная къ этому народу, должна говорить его языкомъ - придти не по какому-нибудь демократическому капризу или по какой-то политической интригѣ, а по совершенной необходимости, потому что народъ не понималъ бы иного языка? Такой смыслъ и имѣла дѣятельность Вука. Можетъ быть, что въ литературной системѣ

Вука были свои преувеличенія, что, погнавшись за «народнымъ» такъ, какъ оно есть въ настоящую минуту, онъ забылъ, что въ сербскомъ языкѣ былъ извѣстный процентъ историческихъ элементовъ, которые также надо было взять въ соображеніе; но реформа давалась ему, какъ мы видѣли, только тяжелой борьбой, и этимъ преувеличенія объясняются. Въ основной мысли онъ остался правъ, и, какъ мы замѣтили, она имѣла важное значеніе и въ средѣ самого сербскаго развитія, и въ общеславянскомъ вопросѣ.

Дѣло въ томъ, что возвышеніе народныхъ языковъ на степень языковъ литературныхъ повторилось во всемъ славянскомъ мірѣ; въ общемъ счетѣ явилось десятка полтора славянскихъ литературъ,— къ старымъ, которыя шли издавна, прибавились новыя, только-что возникавшія; подлѣ литературъ обширныхъ были микроскопическія —и по числу тѣхъ, для кого онѣ предназначались, и по числу и даже качеству произведеній, ихъ составлявшихъ; каждое отдѣльное нарѣчіе, небольшой оттѣнокъ племени искали своего литературнаго выраженія. Явленіе было такое общее, что въ немъ, очевидно, дѣйствовала не прихоть писателей, а самая реальная общая причина. Въ самомъ дѣлѣ, это была естественная необходимость: пробужденіе національнаго чувства прежде всего сказалось потребностью говорить съ народомъ на его языкѣ; литература должна была спуститься до народа, и въ то же время возвышала доселѣ пренебрегаемый языкъ массы до книги, до выраженія высшихъ понятій образованности. У сербовъ повторялось то же. Старая «славено-сербская» школа не удовлетворяла именно потому, что языкъ ея не былъ живой; это была искусственная смѣсь, на которой писались книги, но никто не говорилъ (въ родѣ того, какъ галичане пишутъ донынѣ «по-россійски»).

Но въ вопросѣ языка была и другая сторона. Старая сербская школа и русское славянофильство обвинили Вука за удаленіе (по ихъ мнѣнію, злонамѣренное) отъ церковно-славянской старины, сближавшей сербовъ съ русскими: предполагалось, что Вукъ измѣняетъ этимъ славянству и слу-

житъ противо-славянскимъ, австрійскимъ, западнымъ интересамъ, что онъ дѣлитъ славянство, вмѣсто того, чтобъ соединять его. Это обвиненіе ходитъ подлѣ дѣйствительнаго факта, но пристрастно толкуетъ или не понимаетъ его. Реформа Вука, какъ она разумѣлась имъ и особенно его послѣдователями, обозначала и нѣчто болѣе обширное, чѣмъ одно чисто литературное преобразованіе, именно, что, *прежде* какихъ-либо общеславянскихъ комбинацій, сербы въ своей литературѣ должны выразить свою національность, свои народныя особенности, свободно и независимо отъ какихъ-либо чужихъ притязаній, и сколько возможно самостоятельно искать образованія. Славянофилы чувствовали, что направленіе Вука отдаляло сербскую образованность отъ русскихъ вліяній, но могло ли быть иначе? могла ли, должна ли была сербская образованность оставаться на «славено-сербской» дорогѣ, довольствоваться тѣмъ, что могъ дать ей тотъ союзъ, какого славянофилы очевидно требовали? Что представляла русская литература того времени, когда началась дѣятельность Вука, т.-е. въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ? Она сама еще не выбилась изъ-подъ чужихъ западныхъ вліяній, и въ формахъ и въ содержаніи; она занята была своими собственными, отчасти еще элементарными вопросами, едва предчувствовала тѣ общеславянскія идеи, которыя однѣ—въ соединеніи съ общественной свободой и самодѣятельностью — могли быть посредствомъ между ней и другими славянскими литературами; наконецъ, и это существенно,—не въ состояніи была доставить тѣхъ образовательныхъ и научныхъ свѣдѣній, какія были сербамъ нужны и для которыхъ имъ, какъ и намъ, приходилось обращаться къ европейскимъ источникамъ. Внутреннее положеніе русской литературы и еще десятки лѣтъ позднѣе было таково, что въ ней невозможно было ожидать какой-либо свободной науки, свободной художественной литературы, свободнаго общественнаго сознанія, а только при этомъ она могла бы пріобрѣсти въ славянскомъ мірѣ тотъ авторитетъ, какой безъ сомнѣнія желателенъ, но какого

славянофилы потребовали слишкомъ рано. И до послѣдняго времени не разъ высказывалось у насъ неблаговоленіе, даже негодованіе къ тѣмъ сербамъ, которые предпочитали искать образованія не въ Москвѣ, а въ Вѣнѣ, Берлинѣ, или Парижѣ. Дѣйствительно, чужое вліяніе не обходилось безъ своихъ неудобствъ: пребываніе подъ дѣйствіемъ иного міра и иныхъ понятій ослабляло связи съ народной жизнью, — но очевидно, что виноваты не Берлинъ или Парижъ, а недостатокъ собственной свободной науки и литературы. Умы безхарактерные увлекались поверхностнымъ перениманіемъ чужихъ нравовъ; но для умовъ серьёзныхъ здѣсь находились могущественныя возбужденія, которыя шли только на пользу. Славянофилы сказали бы неправду, если бъ утверждали, не только тогда, но и теперь, — что у насъ была такая самобытная и широкая наука и литература, которыя могли бы сдѣлать для сербовъ ненужнымъ обращеніе къ наукѣ западной,— хотя и по нашему мнѣнію литературныя связи особенно южнаго славянства съ нашей образованностью могли бы принесть большую пользу обѣимъ сторонамъ; но для этого нужны самой литературѣ условія существованія (modus vivendi, какъ нынче любятъ говорить), какихъ она, къ сожалѣнію, еще далеко не имѣетъ...

Такимъ образомъ, сербская литература развивалась отдѣльно, безъ всякихъ особенныхъ связей съ русской, испытывая непосредственно вліянія чужой науки и чужой школы, и вмѣстѣ разработывая данныя своего быта и исторіи. Фактъ, быть можетъ, прискорбный, что солидарности не было; но онъ не подлежитъ сомнѣнію, и, какъ видѣли, имѣлъ свои достаточныя основанія.

Къ шестидесятымъ годамъ въ сербской литературѣ стало обнаруживаться движеніе такъ-называемой «омладины»; оно было дѣломъ молодого сербскаго поколѣнія тѣхъ годовъ. Національно-политическіе интересы омладины шли въ томъ спеціально сербскомъ направленіи, которое было намѣчено дѣятельностью Вука. Мало-по-малу, въ старыхъ и молодыхъ кругахъ политическая цѣль сербскихъ національныхъ

стремленій выработалась въ видѣ «пан-сербизма», объединенія сербскаго племени, разбитаго между Сербіей, Черногоріей, Турціей и Австріей.

Самое новое сравнительно было возрожденіе *хорватское*. Нѣкогда это было одно изъ древнѣйшихъ славянскихъ королевствъ, но обступленное Византіей, франками, венграми, оно сохранилось потомъ лишь въ соединеніи съ «короной» венгерской, а потомъ и австрійской. Въ область королевства входили и собственные хорваты (особая отрасль цѣлаго сербо-хорватскаго племени), и отдѣльныя части сербскаго племени, на которыя вслѣдствіе того также распространялось имя хорватовъ. Нѣкогда и въ хорватскихъ земляхъ были начатки греко-восточнаго христіанства и славянской литургіи; но они держались недолго и уступили римскому католицизму. Въ сербо-хорватскихъ земляхъ Адріатическаго Приморья и особливо въ сосѣднемъ Дубровникѣ издавна возникла замѣчательная образованность и литература, блестящимъ періодомъ которыхъ были XV — XVII столѣтія. Въ XVIII вѣкѣ литература имѣла уже только немногихъ замѣчательныхъ представителей, и къ нынѣшнему столѣтію лишь вяло продолжалась старая традиція, не одушевляемая вопросами жизни или образованности. Новый и замѣчательный порывъ сербо-хорватскаго возрожденія начинается въ тридцатыхъ годахъ—опять въ особой формѣ. Здѣсь не было надобности разыскивать «начала» своего народа: прошедшее было достаточно извѣстно; хорватское политическое устройство построено было на фактахъ этой прошедшей исторіи, которая была такимъ образомъ основаніемъ государственнаго хорватскаго права. Память о дубровницкомъ періодѣ никогда не прерывалась совсѣмъ; но національное чувство было вяло и недѣятельно. Оно пробудилось почти внезапно, когда ему данъ былъ толчокъ національными притязаніями венгровъ. Хорваты, по принадлежности къ венгерской «коронѣ», участвовали въ венгерской политической жизни; политическая связь не обходилась безъ того, что хорваты принимали венгерскую націо-

нальность, или оставались наполовину хорватами и мадьярами; но мадьярское національное вліяніе не распространялось на массы. Извѣстно, что политическимъ языкомъ венгровъ была латынь, оставшаяся отъ среднихъ вѣковъ; та же латынь была языкомъ церкви,—двѣ народности венгерско-хорватской «короны» сходились на этомъ нейтральномъ полѣ. Но у венгровъ открылось, наконецъ, свое національное движеніе: латынь смѣнилась языкомъ венгерскимъ, который долженъ былъ стать въ венгерской «коронѣ» языкомъ управленія, школы и т. д. Это было нововведеніе, которое и всегда было неудобно и тяжело для не-венгровъ этой «короны», — но въ ту пору, когда національный инстинктъ вообще сталъ особенно воспріимчивъ, и когда къ вопросу о языкѣ присоединились еще другія политическія притѣсненія, хорватская оппозиція стала высказываться съ невиданнымъ прежде упорствомъ. Съ обѣихъ сторонъ раздраженіе все усиливалось и перешло въ открытую борьбу, сначала въ политической полемикѣ, въ уличныхъ демонстраціяхъ, а наконецъ съ оружіемъ въ рукахъ. Результатомъ, какъ мы упоминали, было два возстанія — венгровъ противъ Австріи и хорватовъ противъ венгровъ.

Эти частныя отношенія хорватовъ вскорѣ получили и ту окраску, которую называли «панславизмомъ». Что въ хорватскомъ движеніи выразилась давно созрѣвавшая потребность, для которой внѣшнія обстоятельства только дали толчекъ, видно было уже изъ того, что оно съ перваго появленія произвело цѣлый рядъ даровитыхъ поэтовъ, публицистовъ и ученыхъ, какъ главный основатель новохорватской литературы Людевитъ Гай, потомъ Мажураничъ, Боговичъ, Кукульевичъ, Станко Вразъ и другіе. Мысль о своемъ народѣ, его историческомъ правѣ, національномъ достоинствѣ повела къ мысли о цѣломъ славянствѣ. Труды чешскихъ панславянскихъ ученыхъ и поэтовъ пришли кстати: вмѣстѣ съ собственными сербо-хорватскими воспоминаніями изъ старой исторіи и литературы, они доставили то представленіе о цѣломъ славянствѣ, которое дало подкладку

для патріотическихъ увлеченій и, правда, болѣе поэтическую, чѣмъ реальную надежду на политическую или нравственную помощь единоплеменниковъ. Хорватскіе патріоты и популярные писатели съ жаромъ говорили своимъ читателямъ о колоссѣ, занимающемъ пространство отъ Камчатки до Адріатическаго моря, о пробужденіи этого колосса, о братскомъ чувствѣ, которое должно соединять славянскія племена и т. д.

Въ самомъ началѣ хорватскаго движенія, въ половинѣ 30-къ годовъ, его литературные предводители (они же были и предводители политическіе) приняли одно рѣшеніе, которое очень содѣйствовало расширенію національной пропаганды. Именно, они рѣшили оставить то мѣстное собственно-хорватское нарѣчіе, какимъ они начали-было писать въ своихъ книгахъ и газетахъ, и замѣнили его болѣе распространеннымъ—сербскимъ языкомъ (хотя писали его латинскими буквами), который установленъ былъ въ литературѣ Вукомъ: этотъ языкъ, во-первыхъ, сближалъ новѣйшее мѣстное хорватство съ преданіями старой далматинской литературы (въ которой господствовалъ одинъ изъ оттѣнковъ сербскаго языка); во-вторыхъ, размножилъ ихъ публику сербскими читателями. Это пожертвованіе своей мѣстной народностью для болѣе широкой народности—сербской представляетъ въ славянской литературѣ очень рѣдкій примѣръ литературнаго самоотреченія: оно объясняется малочисленностью собственнаго хорватства и меньшимъ литературнымъ развитіемъ ихъ нарѣчія, но тѣмъ не менѣе замѣчательно, такъ какъ сербы и хорваты вообще не любятъ другъ друга по національному соперничеству. Между хорватами и сербами начиналось теперь сближеніе, которое, если бъ развивалось сильнѣе, послужило бы великимъ благомъ для обоихъ племенъ. Во время венгро-хорватской войны не только австрійскіе сербы держали сторону своихъ хорватскихъ единоплеменниковъ, но изъ самаго княжества Сербіи явился вспомогательный отрядъ. Къ сожалѣнію, древнее зло славянскихъ обществъ, неспособныхъ къ

союзному дѣйствію, и частное соперничество сказалось и на отношеніяхъ сербовъ и хорватовъ; какъ ни очевидна была бы для нихъ польза политической солидарности, они не могутъ сойтись на среднемъ терминѣ, который могъ бы примирить ихъ. Напротивъ, между ними и ранѣе шелъ, и теперь далеко не заглохъ споръ объ историческомъ значеніи и современныхъ притязаніяхъ того и другого племени. Доходило даже до того, что древнее сербское царство, несомнѣнно сербское и по топографіи, и по православію, и по литературнымъ памятникамъ, присвоивалось хорватами, какъ *ихъ* царство, изъ чего выводилось въ настоящемъ право на первенство въ сербо-хорватскомъ мірѣ. Противъ «пан-сербизма», ставящаго себѣ идеальной политической задачей объединеніе сербскаго племени, выступаетъ «пан-хорватство». Выигрываютъ, конечно, нѣмцы и венгры.

Можно изъ этого видѣть, на какой степени стоялъ въ дѣйствительности тотъ «панславизмъ», о которомъ въ то время разсказывали столько страшнаго публицисты нѣмецкіе, венгерскіе, французскіе, а также и польскіе (у которыхъ французскіе заимствовали). Эта степень обнаруживалась и участіемъ Россіи въ австро-венгерской войнѣ. Съ виду выходило, что Россія присоединялась къ славянскому интересу; противъ венгровъ защищали тогда свою національность славянскія племена — хорваты, сербы, словаки; Россія, укрощая венгровъ, повидимому, помогала славянству, но на дѣлѣ славянскій интересъ былъ здѣсь ни при чемъ. Россія совсѣмъ не ставила и вопроса объ этомъ и помогала только австрійскому правительству по традиціямъ Священнаго Союза. Извѣстно, что хорватское возстаніе противъ венгровъ, которое было такъ полезно для Австріи, не принесло самимъ хорватамъ никакой пользы. Австрія, постыдно переказнивши венгерскихъ предводителей, взятыхъ въ плѣнъ русскими, впослѣдствіи однако гораздо больше сдѣлала для венгровъ, показавшихъ ей очень чувствительно свою энергію, чѣмъ для хорватовъ, которые ей услужили; а Россія, въ отплату за спасеніе Габсбурговъ, получила

извѣстную «неблагодарность», которая должна была «удивить міръ»,—а въ наше время получила эту же неблагодарность вторично...

У *чеховъ* возрожденіе шло своими путями, опять отдѣльно, и проистекало изъ ихъ собственныхъ данныхъ и условій. Чехи нѣкогда имѣли свое славянское королевство, нѣкогда къ нимъ проникло ненадолго восточное христіанство съ славянской литургіей. Сосѣдство съ Германіей привело, во-первыхъ, вліяніе нѣмецкихъ политическихъ силъ, нѣмецкихъ нравовъ, образованности и языка; во-вторыхъ, открыло дорогу западному духовенству и церкви, слѣдовательно католицизму и латыни. Въ связи съ этимъ, и въ средневѣковомъ католическомъ духѣ у чеховъ развилась замѣчательная образованность и литература на народномъ языкѣ. Основаніе Пражскаго университета сдѣлало Прагу однимъ изъ важныхъ умственныхъ центровъ средней Европы. Съ образованностью развивалось и національное направленіе и въ концѣ XIV столѣтія возникло то многозначительное движеніе, представителемъ котораго сталъ знаменитый Гусъ. Утверждаютъ (главнымъ образомъ наши славянофильскіе писатели), что религіозная идея Гуса была прямымъ историческимъ развитіемъ давняго православнаго зерна, упавшаго въ Чехіи въ IX—X вѣкѣ; но идеи Гуса нимало не были сходны съ идеями тогдашняго славянскаго православія. Дѣятельность Гуса имѣла двѣ стороны: одной—она заняла великое историческое мѣсто въ цѣломъ европейскомъ развитіи, какъ могущественная оппозиція папскому игу; другой, она представляла собой чисто-національную оппозицію нѣмецкимъ вліяніямъ, возбужденіе народныхъ силъ къ самобытному развитію. Усиленная національная жизнь, вызванная Гусомъ, охватила въ періодъ гуситства весь чешскій народъ; но принципы, одушевлявшіе его и переданные имъ своимъ преемникамъ, въ обоихъ направленіяхъ, и образовательно-религіозномъ, и чисто-національномъ, встрѣтили такое сопротивленіе въ католической Европѣ, сжегшей Гуса, что для народной жизни, поднятой его идеями, эти вѣка

были временемъ страшной борьбы, религіозной и національно-политической: крайняя экзальтація тѣхъ вѣковъ, политическія опасности, окружавшія чеховъ, не дали національнымъ стремленіямъ спокойно утвердиться и стать основаніемъ политическаго развитія Чехіи. Послѣ многоразличныхъ перемѣнъ счастья, удачъ и бѣдствій, энергическихъ взрывовъ и утомленія, въ началѣ XVII столѣтія борьба, поднятая въ концѣ XIV вѣка, окончилась страшнымъ пораженіемъ, подорвавшимъ народную силу и матеріально, и нравственно. Послѣ печально-знаменитой у чеховъ Бѣлогорской битвы (1620) Чехія потеряла и внутреннюю политическую автономію, и всѣ результаты своей религіозной борьбы, и свою литературу. Господство іезуитовъ прошло надъ Чехіей, какъ моровая язва; тѣ изъ чеховъ, которые не хотѣли принять католичества, должны были покинуть родину, и такимъ образомъ запасъ нравственной силы, образованія, который они съ собой уносили, или пропадалъ, или пошелъ на пользу инымъ народамъ; дома же истреблялись всѣ воспоминанія славнаго прошлаго, и въ ихъ числѣ вся старая литература гуситства. Чехія перестала считаться въ европейскомъ политическомъ мірѣ; это была безгласная провинція имперіи Габсбурговъ.

Состояніе чешскаго народа было таково, что трудно было ждать чего-нибудь, кромѣ все большаго упадка національности, и, наконецъ, обнѣмеченія. Но когда дѣло было, повидимому, безнадежно, именно являются первые признаки возрожденія. Это были времена Іосифа II. Его либеральное настроеніе открывало новую свободу для общественности и литературы, открывало притокъ освободительныхъ идей; съ другой стороны, относительно чеховъ онъ являлся германизаторомъ, и инстинктъ національнаго самосохраненія, поддержанный тогдашней гуманитарной образованностью, въ первый разъ съ XVII вѣка обратилъ чешское общество къ своему народу, его прошедшему—и положилъ первыя основанія широко-развившемуся литературному возрожденію. Не такъ, какъ у сербовъ или болгаръ, здѣсь старина оказа-

лась ближе, изученіе оказалось легче, потому что, хотя множество старыхъ памятниковъ погибло, а другіе надо было разыскивать,—у чеховъ нашлось не мало людей съ современной ученостью, особенно исторической, которые скоро оріентировались въ забытой старинѣ. Чешскіе ученые прошлаго вѣка, еще не думавшіе о возрожденіи, изслѣдовали старину по историческому интересу, писали по-нѣмецки свои книги, но предметъ оказывался близокъ ихъ сердцу, и ихъ разсказъ о паденіи старой Чехіи принималъ элегическій тонъ. Одинъ изъ первыхъ панславянскихъ ученыхъ, знаменитый Добровскій, былъ католическій аббатъ, считалъ исторію своего народа конченнымъ дѣломъ, писалъ свои сочиненія по-латыни и по-нѣмецки (онъ умеръ въ 1829), но тѣмъ не менѣе его собственная дѣятельность послужила одной изъ первыхъ научныхъ опоръ панславянскаго и спеціально чешскаго возрожденія. Его ученики, личные и неличные, были уже энтузіастами возрожденія.

По самому положенію вещей, здѣсь, какъ у сербовъ и болгаръ, главные дѣятели возникавшаго народнаго сознанія выходили нерѣдко изъ самой народной массы; высшій слой былъ — обнѣмеченное дворянство, помнившее только по историческимъ свѣдѣніямъ и по своимъ помѣстьямъ и генеалогіямъ о своемъ чешскомъ происхожденіи. Біографія многихъ изъ первыхъ дѣятелей новой чешской литературы начинается рожденіемъ въ бѣдной деревенской семьѣ, продолжается ревностнымъ трудомъ и лишеніями, и завершается иногда по-истинѣ великими заслугами для образованія своего народа. Нѣмцы издавна и до сихъ поръ были опаснѣйшими врагами чешской народности; но нѣмецкая школа много помогла чешскому возрожденію. При первыхъ его проблескахъ, здѣсь, больше чѣмъ у какого-нибудь племени юго-западнаго славянства, нашлись замѣчательныя ученыя силы, работавшія не только для своей народности, но и для самосознанія цѣлаго славянства. Таковы были Шафарикъ, уже не разъ названный; Палацкій, исторіографъ Чехіи; Юнгманнъ, поэтъ и ученый, составитель громаднаго

словаря, какихъ въ другихъ мѣстахъ еще не умѣли составить цѣлыя академіи; Ганка; Челяковскій; Эрбенъ и проч. Чешскіе, да и другіе славянскіе патріоты въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, нѣкоторые даже и донынѣ, ради этихъ именъ считали чеховъ передовымъ народомъ славянства, лучшими представителями его національнаго сознанія. Чешское движеніе быстро разросталось въ различныхъ направленіяхъ: рядомъ съ научными историческими и этнографическими изученіями, развивалась обширная литература беллетристики, популярныхъ и общеполезныхъ книгъ; основывался театръ; распространялась чешская школа; учреждается чешскій «музей», собраніе національныхъ достопримѣчательностей, древностей, рукописей, книгъ и пр.; для удешевленія книгъ—вопросъ, очень важный для вообще небогатой, особенно народной публики — устроилось своеобразное учрежденіе «Матица» (общество, члены котораго вносятъ ежегодную скромную подписку и затѣмъ получаютъ по дешевой цѣнѣ его изданія), потомъ «Матица для народа»; устроивались разныя общественныя собранія, чтенія, балы, гдѣ долженъ былъ господствовать чешскій языкъ, и т. д. Чешская публика въ состояніи была въ шестидесятыхъ годахъ поддержать изданіе «Научнаго Словника», обширнаго энциклопедическаго словаря, до сихъ поръ единственнаго въ своемъ родѣ во всей славянской литературѣ... Мало-по-малу стала догадливо возвращаться къ народности и чешская аристократія.

Между тѣмъ событія шли. Европейскія волненія 1848 года отразились и на австрійскомъ славянствѣ. Въ Вѣнѣ вспыхнула революція; начиналась хорватско-венгерская борьба; правительство растерялось (хотя, впрочемъ, ему скоро помогли) — былъ моментъ, когда національно-общественные элементы были предоставлены самимъ себѣ, могли и даже были вынуждены высказаться и позаботиться о себѣ сами. Въ Прагѣ собрался славянскій съѣздъ — изъ представителей славянскихъ племенъ въ Австріи, съ однимъ случайнымъ русскимъ посѣтителемъ. Одной изъ главныхъ цѣлей съѣзда

было противодѣйствовать нѣмецкимъ революціонерамъ Австріи, которые посылали своихъ депутатовъ во Франкфуртъ и настаивали на нѣмецкомъ единствѣ, при чемъ славянамъ также приходилось бы считаться за нѣмцевъ. Чехи возстали противъ этого, и въ то время сказано было знаменитое изреченіе, что «если бы не было Австріи, ее нужно было бы создать». Славянскій съѣздъ высказалъ свою политическую программу въ особомъ манифестѣ къ европейскимъ народамъ, изложилъ свои желанія внутренней свободы и равноправности для народовъ славянскихъ въ Австріи, въ проектѣ адреса къ австрійскому императору. Австрійскіе славяне обнаружили самое мирное и вѣрноподданное настроеніе, но это не помогло ихъ дѣлу. Какъ у хорватовъ, такъ и у чеховъ вѣрноподданность не принесла результатовъ, какихъ они, повидимому, были въ правѣ ожидать. Славянскій съѣздъ былъ безъ церемоній закрытъ, а послѣ укрощенія Венгріи и полнаго возстановленія «порядка»— чехамъ пришлось расплачиваться за минутную свободу годами реакціи и оскорбительныхъ притѣсненій.

Съѣздъ только указалъ возможность соглашенія и союза между австрійскимъ славянствомъ, едва намекнувъ на связи съ славянствомъ не-австрійскимъ; но выраженныя имъ стремленія остались на бумагѣ, за ними не было никакой реальной силы, которая могла бы поддержать ихъ, и австрійское правительство приняло ихъ за нуль. Въ дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ, австрійскіе славяне остались столько же раздѣленными, сколько были: чехи въ разладѣ съ вѣнскимъ рейхсратомъ; хорваты, сербы, словаки и венгерскіе русины въ разладѣ съ мадьярами; галицкіе русины съ поляками, оставались всѣ одиноки и безпомощны, и не видно до сихъ поръ, чтобы между славянствомъ начиналась какая-нибудь солидарность противъ общихъ опасныхъ враговъ. Съ шестидесятыхъ годовъ, при новомъ конституціонномъ устройствѣ Австріи, чехи направили свои усилія на защиту историческихъ правъ «чешской короны»; но до сихъ поръ ихъ усилія не имѣли большого успѣха; они устранились изъ импер-

скаго рейхстага, но дѣла только стали рѣшаться безъ нихъ. Наконецъ, въ нынѣшнемъ дуализмѣ, имперія подѣлена между нѣмцами и венграми. Славянство, гораздо болѣе многочисленное въ Австріи, чѣмъ нѣмцы или венгры, остается подчиненнымъ,—потому что не представляетъ ни компактной массы, ни политическаго единодушія и энергіи.

У *поляковъ* панславянскія идеи были всего слабѣе. Поляки не участвовали въ славянскомъ возрожденіи,—хотя въ ихъ образованности и литературѣ былъ бы очень желателенъ элементъ, ему соотвѣтствующій. Въ ихъ новѣйшей исторіи не было недостатка въ національномъ возбужденіи—напротивъ, господствовало постоянное лихорадочное возбужденіе, но оно направилось опять совсѣмъ иначе, своеобразно и исключительно.

Польская исторія шла особнякомъ и отъ южнаго, и отъ западнаго славянства: съ первымъ у поляковъ не было историческихъ встрѣчъ и не могло быть сочувствія и по религіознымъ отличіямъ; съ западнымъ, именно съ чѣхами, поляки имѣли историческія связи, но онѣ потомъ забылись; гуситское движеніе имѣло отголоски въ Польшѣ, гдѣ одно время значительно распространялась и реформа, но эти вліянія оказались поверхностными. Съ другой стороны, Польша имѣла особенныя роковыя отношенія къ славяно-русскому востоку—къ Кіевской Руси, къ Литовско-русскому княжеству, къ Малороссіи. Въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ Западный и Южный Край, издавна русскіе по народности, были политически связаны съ Польшей, и хотя равноправность была первоначальнымъ условіемъ соединенія, она кончилась политическимъ господствомъ Польши и польскаго элемента. Здѣсь явился предметъ національнаго спора и потомъ страшной борьбы: Польша ассимилировала высшіе классы, распространяла католицизмъ или унію — но народъ не покорился: за нарушеніе равноправности онъ отплатилъ возстаніемъ и присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ.

Исторія создала въ Польшѣ національное чувство очень сильное, но и одностороннее и исключительное: «народомъ»

считалась въ ней собственно многочисленная шляхта и ея вельможные предводители. Въ національномъ представленіи поляковъ неизмѣнно присутствуетъ представленіе о «свободѣ»—но въ немъ были странныя преувеличенія и противорѣчія: въ старой Польшѣ свобода принадлежала въ сущности одному классу или даже только вельможной олигархіи, доходя до возможности liberum veto, т.-е. безконтрольнаго произвола каждаго, и никакъ не распространялась на народныя массы; съ другой стороны, свобода совмѣщалась съ преслѣдованіемъ диссидентовъ, т.-е. русскаго православнаго населенія. Давняя историческая антипатія Польши и Руси въ теченіе среднихъ вѣковъ ихъ исторіи возрастала больше и больше: первая никакъ не хотѣла признать притязаній Москвы на «Литву» и южную Русь, которыя, конечно, не принадлежали Москвѣ, но которыя тянуло къ ней по единству народности и религіи; средневѣковая Польша стояла выше Москвы по своей образованности, и съ пренебреженіемъ смотрѣла на ея дикость и невѣжество; католицизмъ внушалъ пренебреженіе и ненависть къ «схизмѣ»; наконецъ, все это завершалось разницей нравовъ. Все это падало въ усиленной степени на южный и западный край, русскій и православный; когда боярство этихъ земель ополячилось и приняло католицизмъ, поляки сочли (и обыкновенно до сихъ поръ считаютъ) эти земли—русскія по большинству населенія — польскими землями, составляющими неотъемлемую принадлежность Польши. Со времени перваго раздѣла, въ теченіе цѣлаго столѣтія польскіе патріоты мечтали о новомъ свободномъ бытіи польскаго королевства не иначе какъ въ границахъ 1772 года. Это—одинъ изъ существенныхъ предметовъ «домашняго спора» между Россіей и Польшей.

Съ XVIII вѣка, и еще ранѣе, въ польскомъ обществѣ не было недостатка въ серьезныхъ голосахъ, предупреждавшихъ объ опасности того порядка вещей, который казался «польской свободой». Но эти голоса оставались вопіющими въ пустынѣ. Болѣе справедливыя идеи начинали брать

верхъ лишь тогда, когда Польша уже не распоряжалась своей судьбой. Національныя представленія большинства остановились на томъ, на чемъ застало ихъ паденіе государственной независимости. Обстоятельства помогали тому, что они не принимали другого направленія, болѣе близкаго къ исторической, политической и національной истинѣ, и болѣе полезнаго для польскихъ интересовъ. Когда произошелъ первый раздѣлъ и къ Россіи присоединены были области, исторически русскія, съ кореннымъ населеніемъ — въ огромномъ большинствѣ русскимъ, правительство временъ Екатерины II не думало, однако, взглянуть на нихъ съ этой точки зрѣнія, и русское населеніе западнаго края осталось, при русской государственной власти, подъ польскимъ господствомъ помѣщичьимъ, общественнымъ, религіознымъ и образовательнымъ. Край считался польскимъ и при императорѣ Александрѣ I. Основаніе царства Польскаго не удовлетворяло поляковъ, и одной изъ главнѣйшихъ причинъ недовольства было отдѣленіе отъ него западныхъ губерній, которыя они считали также Польшей: это обстоятельство постоянно волновало польскихъ патріотовъ и заявилось въ возстаніи 1830 — 31 года. Въ самомъ дѣлѣ, происходило странное явленіе: въ русскомъ государствѣ польскій элементъ западнаго края вполнѣ господствовалъ надъ массой мѣстнаго русскаго населенія. Власть не противорѣчила этому господству въ отношеніяхъ соціальныхъ и подавляла только чисто политическія движенія. Само русское общество только съ возстанія 1863 года вспомнило, что это край русскій... Понятно поэтому, что полякамъ никогда не приходила мысль о дѣйствительномъ положеніи вещей въ этомъ краѣ; говоря о западномъ краѣ, они продолжали считать присоединеніе его къ Россіи споліаціей «польской» земли. Эта двоякая, странная и противорѣчивая постановка польскаго элемента къ русскому, сложившаяся исторически, не могла, разумѣется, способствовать примиренію русско-польскихъ отношеній. Дѣло могло разъясниться только подъемомъ самаго русскаго элемента въ

краѣ вмѣшательствомъ общественной дѣятельности изъ русскихъ центровъ, свободнымъ разсчетомъ и размежеваніемъ двухъ обществъ и національностей; но въ тѣ годы ни то, ни другое не было возможно. Политическіе предметы были абсолютно недоступны для русскаго общества; оно не имѣло никакой возможности иниціативы,—и вопросъ, чрезвычайно важный для всей цѣлости междуславянскихъ отношеній, оставался внѣ иниціативы самого общества и рѣшался только административнымъ порядкомъ.

Отсутствіе русскаго общественнаго вмѣшательства въ отношенія западнаго и юго-западнаго края (тогда, правда, и въ русскомъ обществѣ поднятъ былъ вопросъ о народности, но касаться ея можно было только въ мѣру) и въ то же время несомнѣнно польскія качества высшаго класса въ западномъ краѣ; ревностныя заботы, принятыя тогда поляками въ дѣлѣ школы и образованія (дѣятельность Ѳаддея Чацкаго и др.) и т. п., заставляли даже русскихъ смотрѣть на этотъ край, какъ на польскій... Словомъ, здѣсь не было ни взаимнаго пониманія двухъ родственныхъ племенъ, ни равноправности (здѣсь въ особенности странно нарушавшейся) и ничего «панславянскаго».

Другое обстоятельство еще усложняло это между-племенное недоразумѣніе. Съ конца прошлаго вѣка, въ Польшѣ, уже падающей, умы заняты были комбинаціями ея возстановленія; трудно было достигнуть его открытой борьбой, собственными силами; помощи ни откуда не предвидѣлось, когда у поляковъ мелькнула надежда, что эту помощь принесетъ имъ Наполеонъ. Надежда разросла потомъ въ увѣренность; поляки ревностно служили подъ знаменами Наполеона, ожидая отъ него возстановленія своей родины, и не перестали вѣрить въ него даже тогда, когда онъ видимо лишь эксплуатировалъ и обманывалъ, вѣрили и тогда, когда онъ палъ. Они привыкли соединять имя Польши съ именемъ Франціи; послѣ неудачи возстанія въ 1831 г. польская эмиграція направилась особенно во Францію; извѣстная поддержка, которую нашла здѣсь эмиграція, еще больше

утверждала поляковъ въ надеждѣ, что изъ Франціи должно придти освобожденіе. Возстановленіе имперіи снова подняло эти мечты... Казалось бы, что общественныя идеи обѣихъ странъ были слишкомъ несходны, чтобы можно было представить между ними дѣйствительную солидарность: внутренній характеръ французскаго общества, свобода философской мысли, науки и литературы, смѣлая критика старыхъ идеи и формъ не вязались съ упорнымъ шляхетскимъ консерватизмомъ и католичествомъ общества польскаго. Но вопросъ обыкновенно и не доходилъ до этихъ подробностей: одна сторона умалчивала о нихъ, другая—ничего не знала; католицизмъ поляковъ во Франціи былъ дѣйствительнымъ, или условнымъ правомъ на участіе; наполеоновская легенда была тогда (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) во Франціи очень популярна, и обѣ стороны сходились на лозунгѣ свободы для угнетеннаго народа. Въ этомъ настроеніи поляки, естественно, не были расположены разъискивать славянское родство; они предпочитали мнимое духовное родство съ Франціей, и на нее возлагали свои упованія. Отсюда возникали странныя теоріи, какъ теорія Духинскаго, имѣвшія успѣхъ только у французовъ и поляковъ, и та форма панславизма, о которой выше упоминалось — гдѣ Польша, во главѣ западнаго славянства, должна была стать оплотомъ для Европы противъ Россіи. Двѣ теоріи были параллельны и дополняли одна другую. Ученіе Духинскаго (какъ извѣстно, оно вовсе не было его первымъ изобрѣтеніемъ и высказывалось раньше) говорило, что русскіе—племя вовсе не славянское, а фино-монгольское, туранское, съ славянской примѣсью, что они злоупотребляютъ славянскимъ именемъ, присвоивая его себѣ и т. д.,—ученіе, происшедшее отчасти изъ незнанія а главное — изъ политическаго раздраженія.

Факты не подтверждали ни исторической теоріи, ни этой формы панславизма. Научная филологія и этнографія не считаютъ даже нужнымъ упоминать о теоріи Духинскаго. Отношенія Польши стали разъясняться, и польскія дѣла находили, наконецъ, строгихъ критиковъ между самими

французами (назовемъ Прудона). Событія показывали, что Европа чувствуетъ себя достаточно сильной противъ Россіи и безъ того оплота, какой предполагалось, могла доставить Польша, и дѣйствительно—во время послѣдняго возстанія Европа не сдѣлала шагу въ ея пользу.

Во всемъ этомъ, какъ видимъ, нѣтъ ничего «панславянскаго»: никакой славянской солидарности, дѣйствительно, и нельзя построить на такомъ странномъ основаніи, какъ доставленіе Европѣ оплота противъ Россіи — потому, что именно само западное славянство стоитъ беззащитнымъ передъ Европой, и — по всѣмъ вѣроятіямъ — рискуетъ гибелью, если не найдетъ дѣйствительной, серьёзной поддержки Россіи. Есть довольно фактовъ, которые опредѣляютъ положеніе славянства именно въ этомъ свѣтѣ.

Отдѣльность польскихъ тенденцій отъ славянскаго міра обнаружилась и въ теченіе послѣдней знаменательной борьбы. Отдадимъ должную честь и славу тѣмъ польскимъ людямъ, которые въ рядахъ русскаго войска положили свой трудъ и жизнь на помощь балканскому славянству, но трудно не видѣть, что большинство польское, у насъ и за границей, осталось безучастнымъ или выжидающимъ зрителемъ этой борьбы.

Упрекать въ этомъ поляковъ очень мудрено; ихъ сдержанность имѣетъ свои историческія основанія. Можно сожалѣть объ этомъ положеніи вещей, надо желать, чтобъ оно измѣнилось, но, съ ихъ точки зрѣнія, настоящее пока еще не даетъ возможности другого взгляда. Мы не сомнѣваемся, что придетъ время, когда ходъ исторіи объяснитъ взаимныя отношенія, примиритъ вражду и положитъ основаніе иному порядку вещей. Могутъ, во-первыхъ, измѣниться общественныя отношенія польской народности въ русской Польшѣ. Система обрусенія, выставленная въ шестидесятыхъ годахъ, какъ увидимъ далѣе, не внушала у насъ сочувствія даже писателямъ, самымъ требовательнымъ въ русскихъ національныхъ вопросахъ (назовемъ Погодина, Самарина, Гильфердинга). Устраненіе этой системы, вы-

ніе въ Польшѣ бо̀льшаго простора для общественности, удовлетворяющаго потребностямъ національнаго чувства, расширеніе общественной свободы и самодѣятельности въ само̀й русской жизни, создадутъ ту почву, на которой два общества могутъ вступить въ дѣйствительную солидарность, одинаково полезную для обѣихъ сторонъ. У насъ, какъ мы сказали, такой взглядъ высказывался людьми самой крайней національной школы — славянофилами, и онъ же раздѣляется людьми совсѣмъ иныхъ понятій. Съ другой стороны, самимъ полякамъ вѣроятно больше, чѣмъ теперь, выяснится общее положеніе ихъ національнаго вопроса: для ихъ народности гораздо опаснѣе не обрусеніе, а обнѣмеченіе, и это сознаніе можетъ вѣрнѣе направить ихъ національныя усилія. Безпристрастная оцѣнка фактовъ, вѣроятно, объяснитъ имъ также, что, защищая свое національное право, они должны уважать и чужое. Отношеніе польскаго элемента къ западно-русскому и южно-русскому въ Россіи, къ русинскому въ Галиціи есть именно пунктъ, гдѣ поляки грѣшатъ тѣмъ самымъ, въ чемъ винятъ русскихъ. На необходимость измѣнить это отношеніе можетъ указать даже разсчетъ практической политики, если ужъ не теоретическое разсужденіе и историческая наука. Въ западно- и южно-русскомъ племени поляки видѣли почву, легко поддающуюся ихъ вліянію, и причислили его къ своему владѣнію, не желая признать, что это было, однако, племя совсѣмъ отличное, и считая за простой хлопскій бунтъ возстаніе народа, мстившаго за нарушеніе своего національнаго права. Историческая наука могла бы побудить взглянуть съ бо̀льшей критикой и на свое прошедшее. Въ тяжелые періоды національныхъ испытаній историки, какъ и цѣлое общество, вездѣ и всегда склонны подъ вліяніемъ чувства переносить свои патріотическіе идеалы въ прошедшее, поэтизировать и прикрашивать его. Такъ говорилось въ польской литературѣ о добрыхъ старыхъ временахъ, о свободѣ, о блестящей веселой жизни старой Польши, при чемъ забывалось, что эти блескъ и свобода

принадлежали, собственно говоря, одному олигархическому магнатству, что веселая жизнь шляхты покупалась угнетеніемъ и нищетой массъ, что общее положеніе вещей было— страшная безурядица, которая, наконецъ, открыла въ Польшу свободный путь иноземному господству.

Эти и подобныя ошибки и самообольщенія не могли не давать цѣлому національному сознанію ложнаго, и вреднаго для него самого, направленія, — которое, между прочимъ, не понятно у насъ, привыкшихъ, при всей общественной слабости нашей литературы, къ гораздо болѣе смѣлой критикѣ прошедшаго и настоящаго. Но есть данныя, указывающія въ польской литературѣ возможность поворота, который мы считали бы чрезвычайно благотворнымъ и который, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы большія сочувствія — поворота къ настоящей критикѣ и въ исторіи, и въ современности: онъ былъ бы и задаткомъ общеславянской солидарности.

Итакъ, польская литература менѣе всѣхъ другихъ обнаружила интересъ къ славянскому возрожденію,— отвлеченная своими заботами и тревогами въ иную сторону. Но въ то самое время, въ первой половинѣ столѣтія, въ ней явились, однако, замѣчательные ученые, стоявшіе на этой дорогѣ: таковы были, напр., Суровецкій, Доленга, Ходаковскій, Кухарскій, въ особенности Линде (знаменитое имя въ панславянской литературѣ), Мацѣёвскій и др. Въ польской литературѣ относительно слабѣе и по объему, и по научности обработки отдѣлъ этнографіи, который въ другихъ славянскихъ литературахъ занималъ и занимаетъ такое важное мѣсто. Въ послѣднее время въ этомъ отдѣлѣ появляются труды съ большими научными достоинствами. Изученія историческія издавна велись въ польской литературѣ въ обширномъ размѣрѣ; въ послѣдніе годы началась и здѣсь реакція противъ условныхъ историческихъ понятій и стремленіе поставить на ихъ мѣсто здравую историческую критику и устранить вредное вліяніе историческихъ заблужденій и фикцій (назовемъ сочиненія краковскаго профес-

сора Шуйскаго). Въ новѣйшей польской литературѣ и публицистикѣ вообще начинается движеніе, совсѣмъ иное по своей тенденціи — внести начала новѣйшей европейской мысли въ общественное міровоззрѣніе, доселѣ, скажемъ прямо, подавленное фиктивными историческими понятіями и католической узкостью и нетерпимостью.

III.

Общій характеръ и источники славянскаго возрожденія.

Мы скажемъ далѣе о развитіи русскаго панславизма. Мы не упоминали и о томъ, какъ обнаруживалось возрожденіе у мелкихъ отдѣльныхъ славянскихъ племенъ, напр., словинцевъ или лужичанъ; какъ потрѣбность заявить народную личность вызывала литературныя попытки, болѣе или менѣе обширныя, въ частныхъ племенныхъ отдѣлахъ, не хотѣвшихъ довольствоваться литературой большого, имъ непосредственно близкаго племени—напр. у словаковъ, которые не довольствовались чешской литературой, у южно-руссовъ, которые не довольствовались одной литературой велико-русской. Общій характеръ явленія остается и здѣсь тотъ же—стремленіе выразить свою народную особность.

Разсматривая это явленіе въ цѣломъ, прежде всего нельзя не увидѣть, что національное возрожденіе хотя начиналось у славянскихъ племенъ почти въ одно время, именно со второй половины XVIII столѣтія, но у каждаго возникало отдѣльно, безъ какой-нибудь связи съ другимъ племенемъ, у каждаго по своимъ особымъ причинамъ, и съ особымъ характеромъ. Болгары не имѣли понятія о томъ, что дѣлается у чеховъ или словинцевъ; чехи не знали, что дѣлается у сербовъ и болгаръ. Мало того, иныя племена едва знали о существованіи другъ друга: о болгарахъ даже величайшій въ свое время знатокъ славянства, Шафарикъ, думалъ, что ихъ не болѣе шестисотъ тысячъ, тогда какъ ихъ считается до шести милліоновъ, или даже болѣе; пер-

выя свѣдѣнія о ново-болгарскомъ языкѣ являются въ славянской наукѣ только въ двадцатыхъ годахъ; сербы въ прошломъ столѣтіи переселились въ Россію массой до ста тысячъ, но ихъ появленіе не возбудило въ тогдашнемъ обществѣ ни малѣйшаго интереса, такъ что даже прямая встрѣча племенъ не внушала мысли о племенномъ единствѣ и той нравственной связи, какую стали выводить изъ него впослѣдствіи, и т. д. Были отдѣльные случаи, гдѣ это единство замѣчалось и даже производило извѣстное впечатлѣніе; отдѣльные ученые люди знали о родственныхъ племенахъ, но это знаніе и интересъ не проникали въ массу общества. Знали, на западѣ и особенно на югѣ, довольно твердо одно—существованіе сильнаго русскаго государства, отъ котораго православное южное славянство издавна получало нѣкоторую церковную помощь и отъ котораго, со временъ русско-турецкихъ войнъ, стало надѣяться своего освобожденія.

Итакъ, каждое изъ славянскихъ племенъ, отдѣльно отъ другихъ, собственными силами и на свой страхъ приходило къ національному сознанію и работало для его укрѣпленія. Но главные источники движенія были сходны: униженіе народности, доходя до своего предѣла, наполняло лучшіе умы тяжелымъ чувствомъ, горячимъ желаніемъ помочь соотечественникамъ, вывести ихъ изъ рабскаго состоянія физическаго или нравственнаго. Для этого представлялось два главные пути: во-первыхъ, надо было ободрить ихъ, напомнить, что у ихъ народа бывали свои славныя времена, было могущество, просвѣщеніе, богатство, уваженіе сосѣдей, были великіе люди, цари, полководцы, писатели, святые. Обращеніе къ старинѣ вездѣ было обычной чертой и средствомъ національнаго возрожденія. Во-вторыхъ, надо было дать народу образованіе: когда вмѣстѣ съ порваннымъ преданіемъ старой политической жизни порывалось и преданіе литературное, необходимо было начинать литературу вновь. Старая литература, если бъ и не была забыта, не могла служить для потребностей новаго времени — она могла дать

лишь историческія опоры: народный языкъ, развиваясь внѣ книги, такъ удалился отъ прежней книжной рѣчи, что послѣдняя становилась совсѣмъ устарѣвшей, новую литературу надо было основывать на живомъ народномъ языкѣ; иначе она была бы непонятна для народа. Отсюда то вновь возникшее множество крупныхъ и мелкихъ литературныхъ языковъ, которое привело, наконецъ, въ недоумѣніе друзей славянскаго единства.

Конецъ XVIII вѣка еще не стремился къ осуществленію національнаго принципа. Первые славянскіе патріоты, начинатели возрожденія, думали гораздо больше только о просвѣщеніи народа съ общечеловѣческой точки зрѣнія, какъ Досиней Обрадовичъ; но мало-по-малу патріотическій интересъ перешелъ на національную точку зрѣнія. Историческія воспоминанія вызывали чувство національной гордости; событія, какъ сербское освобожденіе, ставили прямо вопросъ о національной цѣльности и независимости; наполеоновскія войны, перетряхнувшія свою среднюю Европу, заставили думать о новыхъ національно-политическихъ комбинаціяхъ; шумная и блестящая роль Россіи въ событіяхъ 1812—1814 годовъ наполняла славянство гордостью за единоплеменный народъ, и мысль о томъ, что славянству еще предстоитъ широкая историческая судьба, все больше укрѣпляется съ тѣхъ поръ въ умахъ славянскихъ племенъ, соединяясь съ надеждами на Россію какъ на предводителя въ этомъ историческомъ будущемъ.

Съ первой четверти столѣтія въ процессъ развитія мысли о всеславянскомъ цѣломъ входитъ еще одинъ сильный элементъ—научное изслѣдованіе. Собственно говоря, оно впервые дало вопросу о всеславянствѣ нѣкоторую опредѣленность. Изслѣдованіе шло въ особенности на почвѣ исторіи, языкознанія и этнографіи. Исторія каждаго отдѣльнаго племени восходила къ одной и той же славянской древности, гдѣ славянство представлялось единымъ, еще не раздѣлившимся цѣлымъ; такимъ образомъ, всѣ нынѣшнія племена имѣли одну колыбель, были дѣтьми одной семьи. Филологія,

занявшись впервые научнымъ образомъ славянскими нарѣчіями, открыла между ними тѣсное родство, указывавшее на тотъ же общій источникъ, открыла, что въ древнюю пору славянской письменности, въ IX—X столѣтіи, нарѣчія были еще такъ близки одно къ другому, что, вѣроятно, были взаимно понятны. Когда къ славянской филологіи примѣнены были пріемы сравнительнаго языкознанія, родство нарѣчій и, слѣдовательно, племенъ обнаружилось еще ярче, и ученые пытались даже по даннымъ языка реставрировать общеславянскую бытовую старину — общее преданіе всѣхъ существующихъ теперь славянскихъ племенъ. Еще болѣе замѣчательныя параллели оказались въ изученіяхъ этнографическихъ, въ сравненіи миѳическихъ преданій и повѣрій, народныхъ обычаевъ, пѣсенъ, сказокъ и вообще произведеній народной поэзіи: племена, раздѣленныя далекими пространствами и долгими вѣками исторіи, при всѣхъ случайностяхъ чужихъ вліяній, при всѣхъ измѣненіяхъ своего политическаго быта, сохраняли въ своихъ преданіяхъ и народной поэзіи элементы старины, которыя для современнаго славянства давали общую нить народнаго преданія и въ которыхъ, безъ сомнѣнія, заключается извѣстное основаніе для взаимнаго пониманія и сближенія въ настоящее время. Такова въ особенности общность племенныхъ преданій у народовъ восточнаго славянскаго отдѣла—русскаго, сербскаго, болгарскаго. (Извѣстно, съ какой пріятной неожиданностью русскіе простые люди и солдаты въ послѣднія войны встрѣчали въ сербахъ и болгарахъ родственныя народныя черты, какъ въ южно-славянскомъ бытѣ и характерѣ оказалось много общаго съ русскимъ и особливо малорусскимъ). Начало изученій этой старины славянства (въ десятыхъ, двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ) совпало съ общеевропейскимъ романтизмомъ, мечтавшимъ о среднихъ вѣкахъ, о поэтической прелести патріархальнаго быта, о героическомъ періодѣ народовъ, и совпало также съ первыми научными изслѣдованіями этого быта, съ дѣятельностью Якова Гримма и его школы. Ученый романтизмъ не

меньше романтизма литературнаго восторгался всѣмъ простымъ, первобытнымъ, народнымъ, и такой же восторгъ возбуждала славянская поэтическая старина, въ которой притомъ нашлись столь поэтическія произведенія, какъ чешскій «Судъ Любуши» и Краледворская рукопись, какъ «Слово о Полку Игоревѣ», и въ особенности, какъ открытая Вукомъ ученому міру богатая, крайне оригинальная народная эпопея и лирика сербовъ.

Упомянутые выше труды Шафарика имѣли поэтому обширное научное и вмѣстѣ національно-нравственное значеніе. Они собрали факты славянскаго прошедшаго единства, высчитали современное славянство какъ одно племя, дали общее обозрѣніе всѣхъ славянскихъ литературъ. Это послужило фундаментомъ и исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій. Съ тѣхъ поръ славянскій филологъ, археологъ, этнографъ искалъ своего матеріала не въ однѣхъ границахъ своего племени, но у всѣхъ родственныхъ племенъ—только этимъ способомъ онъ надѣялся достигнуть полноты изслѣдованія. Таковы филологическіе труды самого Шафарика, Востокова, Шлейхера, Миклошича; миѳологическія и этнографическія изысканія Срезневскаго, Гануша, Эрбена, Штура, Котляревскаго, Аѳанасьева, Буслаева; таковы изученія древняго славянскаго права у Палацкаго, Мацѣёвскаго, Богишича и т. д. и т. д. Прежде чѣмъ сознаніе единства могло выразиться въ образовательной и общественно-политической солидарности современнаго славянства, оно было пріобрѣтено въ области изученія древности. Поэтому, справедливо можно было сказать, что панславизмъ прежде всего былъ археологическимъ открытіемъ. Вопросъ долго былъ въ этомъ состояніи; у нѣкоторыхъ изъ нашихъ славистовъ онъ такъ и остался на этой ступени,—и политическое значеніе славянскаго вопроса до сихъ поръ есть предметъ порядочно темный, напр., и для большинства тѣхъ, кто у насъ въ послѣдніе годы проповѣдывалъ о немъ съ наибольшимъ азартомъ...

Но дѣло не остановилось на одной археологіи. Какъ въ

европейскомъ романтизмѣ то, что казалось литературной модой, произволомъ школы, было на дѣлѣ сложнымъ процессомъ общественной идеи, съ одной стороны—консервативнымъ, а съ другой—демократическимъ, такъ въ славянскихъ литературахъ увлеченіе народной стариной и народнымъ современнымъ бытомъ у однихъ осталось платонической фантазіей, политически индифферентной или консервативной, но у другихъ развивалось въ болѣе глубокое сочувствіе къ народному быту и къ народу. Не говоря о внѣшнихъ политическихъ возбужденіяхъ, какимъ былъ, напр., 1848 годъ, народная идея развивалась и сама собою, по логическому требованію. Чистый идеализмъ, или идеальничанье не могли удержаться долго; сочувствія къ народному, племенному должны были, наконецъ, придти къ постановкѣ реальнаго вопроса: что же нужно для того, чтобы то содержаніе, какимъ увлекались въ сферѣ народной мысли и поэзіи, воплотилось въ самой жизни, чтобы славянскіе народы, къ которымъ питали столько сочувствій, пріобрѣли въ общечеловѣческой жизни значеніе, какого заслуживали? И платоническое увлеченіе народностью становилось политическимъ стремленіемъ.

Оно обнаруживалось и въ желаніи достигнуть свободы внутренней и свободы отъ прямого иноплеменнаго ига. Внутренней свободы,—кромѣ патріархальной Черногоріи,—не имѣло ни одно изъ славянскихъ обществъ; иноплеменное иго, въ варварской азіатской формѣ, тяготѣло надъ цѣлой большой областью сербскаго племени, надъ всѣмъ племенемъ болгарскимъ; въ другой формѣ доселѣ несутъ иго и остальные австрійскіе и другіе славяне,—хотя, впрочемъ, въ Австріи славянство могло пользоваться иногда конституціонными правами, которыя приносили свою пользу его политическому развитію.

Политическая постановка славянскаго вопроса сильно подвинула славянское самосознаніе, но отсюда было и есть еще очень далеко до осуществленія «панславизма». Въ прежнее время и западнымъ публицистамъ, и нашимъ сла-

вянскимъ патріотамъ не представлялось черезчуръ труднымъ слить въ русскомъ морѣ славянскіе ручьи; теперь, когда политическія отношенія выясняются или ставятся прямо, представить это «сліяніе» труднѣе, чѣмъ когда-нибудь. Для этого, прежде всего, слишкомъ мало физической возможности по общему положенію европейскихъ дѣлъ; къ этому не можетъ стремиться и, кажется, не имѣетъ охоты, сама Россія, въ ея современномъ внутреннемъ состояніи; наконецъ, славянскія племена, при всемъ тяготѣніи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Россіи, повидимому, нисколько не расположены жертвовать своей особностью,—что грозило бы имъ при сліяніи, — и, напротивъ, всего болѣе проникнуты ближайшей заботой о развитіи и объединеніи своихъ частныхъ народностей, и въ этомъ видятъ ручательство за будущее... Однимъ словомъ, «панславизмъ» остается вопросомъ.

Такимъ образомъ, панславизмъ по своему происхожденію былъ естественнымъ слѣдствіемъ національнаго возрожденія славянскихъ племенъ съ конца прошлаго столѣтія. Его политическая будущность темна; настоящее неопредѣленно, какъ неустановившееся броженіе національной стихіи въ племенахъ, хотя и родственныхъ, но очень различныхъ по исторической судьбѣ и современному быту; но какъ стремленіе славянства создать себѣ политическое существованіе, скрѣпить между-племенныя отношенія въ прочную нравственную и политическую солидарность,—панславизмъ имѣетъ за собой полное право. Это—то же право, какое имѣла за себя борьба за національное единство у нѣмцевъ или итальянцевъ. Его источникъ — тотъ же глубокій національный инстинктъ и стремленіе къ народно-общественной свободѣ. Его первыя средства лежатъ въ національномъ преданіи и въ освободительныхъ идеяхъ европейской образованности, которая непосредственно вдохновляла многихъ дѣятелей славянскаго возрожденія съ конца прошлаго вѣка. Цѣли истиннаго панславизма—освобожденіе

цѣлыхъ племенъ, влачившихъ полу-сознательное существованіе подъ всякаго рода физическимъ и нравственнымъ угнетеніемъ, и въ особенности освобожденіе племенъ южно-славянскихъ—какъ бы затѣмъ ни установились формы ихъ политическаго существованія,—и прежде всего ихъ солидарность національно-образовательная, которая указывается племенными и историческими связями.

Наши сочувствія къ славянскому движенію могутъ, такимъ образомъ, оправдываться не только племенными инстинктами, церковными связями, но и сочувствіемъ къ человѣчному характеру цѣлаго движенія: съ этой стороны, при всей страшной политической враждѣ, какую возбуждаетъ славянское движеніе въ Европѣ по разнымъ причинамъ (главное, по враждѣ къ Россіи, которую, какъ предполагается, это движеніе должно усиливать), оно привлекаетъ къ себѣ и въ Европѣ самыя теплыя симпатіи между лучшими безпристрастными умами, которые взяли на себя трудъ познакомиться съ историческимъ явленіемъ, происходящимъ въ славянскомъ мірѣ.

Но чтобы наши симпатіи приносили всю свою практическую пользу, не довольно самоуслаждаться нашими хорошими чувствованіями,—надо понять положеніе вещей, меньше говорить о нашихъ «миссіяхъ» и составлять широкіе планы, а больше дѣлать. Какъ слабо поставлена наша славянская «миссія», видно уже изъ того, что со временъ Рюрика интересъ къ славянству обнаружился въ нашемъ обществѣ съ нѣкоторой силой только въ послѣдніе четыре года; и какъ неровно шелъ этотъ интересъ, какъ мало имѣетъ онъ существенной опоры въ общественной жизни, сколько обнаружилось незнанія нашихъ «братьевъ», сколько сдѣлано изъ-за этого частныхъ и общихъ ошибокъ, — это извѣстно. Скажутъ, что и славяне знаютъ насъ мало; да, но это плохое оправданіе для насъ, потому что мы и «старшіе» братья, и «болѣе сильныя руки».

Далѣе обратимся къ другимъ сторонамъ и къ современному положенію панславизма.

IV.

Трудности вопроса.

Принципъ панславизма есть національный (не религіозный, и не другой) принципъ. Это вообще принимается и его сторонниками и противниками; въ такой постановкѣ панславизма есть однако трудности, въ которыхъ надо отдать себѣ отчетъ, чтобы не впасть въ ошибку о сущности дѣла.

Насколько простирается *этотъ* принципъ въ вопросѣ славянскаго объединенія; не соединяется ли онъ съ другими мотивами, напр., религіознымъ, и въ какой мѣрѣ; можно ли сравнивать «славянское чувство» съ тѣмъ національнымъ чувствомъ, которое непосредственно и живо связываетъ нѣмцевъ или итальянцевъ въ дѣйствительное единство,—такое единство, которое изъ вчерашней раздѣльности можетъ проявиться вдругъ, какъ только сломлены внѣшнія помѣхи, и которое само и сламываетъ ихъ; насколько стремленіе къ единству ослабляется или нейтрализуется противоположнымъ стремленіемъ къ сохраненію своей племенной особности, насколько, поэтому, можно думать о возможности самаго осуществленія панславизма какъ дѣйствительнаго объединенія?

Практическіе факты славянской жизни, давней и современной, способны возбудить по этимъ вопросамъ большія сомнѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, если въ славянскомъ мірѣ существуетъ стремленіе къ образованію одного цѣлаго,—отчего оно выражается такъ неровно и такъ неустойчиво? Въ старыя времена племенное единство едва помнилось; племена такъ разошлись, что потеряли всякую мысль о возможности союза и общаго дѣйствія; когда у отдѣльныхъ племенъ національная борьба доходила до высшаго предѣла, до послѣдняго напряженія народныхъ силъ, какъ у чеховъ въ

эпоху гуситства, у южныхъ славянъ въ періодъ борьбы съ турками, у русскихъ въ разныя тяжелыя эпохи ихъ старой исторіи и т. д., эти національные взрывы въ свое время не находили отголоска въ родственныхъ племенахъ, были имъ взаимно очень мало или совсѣмъ неизвѣстны. Бо́льшая степень взаимнаго знанія и интереса начинается лишь съ конца прошлаго столѣтія, но и здѣсь интересъ былъ очень неровный, долго не доходилъ въ массу общества, напр. русскаго, иногда почти отсутствовалъ совсѣмъ, какъ въ обществѣ польскомъ,—и въ минуты сильнѣйшаго возбужденія, какъ, напр., съ начала русско-турецкой войны и донынѣ, представлялъ много странныхъ противорѣчій, заставляющихъ недоумѣвать — насколько же дѣйствительно сильны наши между-славянскія сочувствія, что́ же, наконецъ, происходило предъ нашими глазами?

Можно было просто принять какъ историческій фактъ и помириться съ тѣмъ, что славяне въ теченіе своей средневѣковой исторіи не знали другъ друга—живя отдѣльною жизнью и за собственными бѣдами не имѣя никакой возможности думать другъ о другѣ. Но славянофильскіе поэты, отъ Коллара до Ѳ. Тютчева, и панславянскіе историки-публицисты самый фактъ ставятъ совсѣмъ иначе: они съ самаго начала видятъ въ славянствѣ одну семью родныхъ братьевъ, всегда другъ другу близкихъ, но разлучаемыхъ только злобой враговъ, которая и теперь только одна не даетъ имъ слиться въ прежній братскій союзъ, въ одно цѣлое. Между тѣмъ, доселѣ самое стремленіе къ такому союзу еще недостаточно выяснилось. Угнетенныя турками, мадьярами или нѣмцами, славянскія національности въ бо́льшей или меньшей степени были бы расположены воспользоваться политическимъ могуществомъ Россіи для своего освобожденія—вотъ все, что́ до сихъ поръ имѣется въ виду. Но затѣмъ самое стремленіе къ *совмѣстному* съ Россіей политическому существованію остается еще вопросомъ. Только будущее можетъ выяснить этотъ вопросъ; но не трудно предвидѣть, что онъ можетъ быть рѣшенъ въ смыслѣ утвер-

дительномъ не иначе, какъ послѣ значительной внутренней работы Россіи надъ самой-собою, т.-е. надъ тѣми условіями своего быта, которыя могли бы сдѣлаться чувствительными для славянъ, вступившихъ съ нею въ политическую связь.

Другіе наблюдатели указываютъ, что славянское движеніе нельзя сравнивать, напр., съ нѣмецкимъ или итальянскимъ. Итальянцы искали собственно не національнаго, а только *политическаго* единства, а единство національное давно уже не составляло для нихъ вопроса и давно заявлялось и существовало въ образованности и литературѣ. Также и у нѣмцевъ: цѣль нѣмецкихъ «національныхъ» направленій была только *политическая* — удаленіе средневѣкового феодализма, который внѣшнимъ образомъ дѣлилъ нѣмецкій народъ на множество кусковъ, не давалъ возможности широкаго общественно-политическаго развитія и, отдавая народъ на произволъ и жертву мелкихъ династическихъ разсчетовъ и дипломатическихъ интригъ, оставлялъ Германію безсильной какъ государство и иногда дѣлалъ ея политическую роль въ Европѣ довольно жалкой; но *нація* была давно готова. Нѣмецкая образованность была издавна общенѣмецкая, была дѣломъ людей всѣхъ нѣмецкихъ странъ, расходилась по всѣмъ странамъ нѣмецкаго языка. Великія имена нѣмецкой науки и поэзіи еще съ среднихъ вѣковъ были всеобщей гордостью и всеобщимъ поученіемъ.

Было ли что подобное въ славянскомъ мірѣ? Очевидно, нѣтъ. Славянофильская школа нашла въ славянской древности только два пункта, и лишь трехъ людей, которымъ придавала значеніе всеславянское или по крайней мѣрѣ значеніе возможной связи и посредничества между славянскими западомъ и востокомъ. Во-первыхъ, это—дѣятельность Кирилла и Меѳодія, которая, по ихъ изысканіямъ, простиралась прямо или косвенно на всѣ славянскія племена древности, и если удержалась только на востокѣ и югѣ, то для другихъ по крайней мѣрѣ дала указаніе истиннаго пути развитія, именно развитія чисто славянскаго, не-

зависимаго отъ запада и латыни и представляющаго глубокій задатокъ для будущаго всеславянскаго [1]). Во-вторыхъ, дѣло Гуса изображается какъ слѣдствіе этого стараго общеславянскаго православнаго преданія, сохранившагося въ Чехіи отъ проповѣди Кирилла и Меѳодія. Но извѣстно, что, несмотря на то, славянскій міръ издавна подѣлился между греческимъ и римскимъ христіанствомъ и всю свою историческую жизнь провелъ въ этомъ церковномъ дѣленіи, съ которымъ соединилось дѣленіе культурное и политическое. Славянофилы хотѣли искать славянскаго объединенія въ православіи [2]),—съ его распространеніемъ уничтожилась бы одна изъ крупныхъ причинъ разъединенія; но до сихъ поръ, въ этомъ направленіи, кромѣ «возсоединенія» западнаго края изъ уніи (сдѣланнаго не совсѣмъ въ томъ же духѣ и не тѣми пріемами, какіе отвѣчали бы общеславянской точкѣ зрѣнія), не сдѣлано было ничего. Отсюда произошло, что вѣроисповѣдный элементъ занялъ въ теоріи славянофильства мѣсто первостепенное. Казалось логичнымъ— разъединеніе, поддерживаемое разновѣріемъ, устранить объединеніемъ въ самой вѣрѣ. Въ дѣйствительности же тутъ была и важная логическая ошибка. Именно потому, что религіозная особность, являясь культурнымъ элементомъ,

[1]) Ср. Соч. Гильфердинга, I, стр. 331—340.

[2]) Какъ видимъ, они имѣли для этого основаніе, но только они дѣлали при этомъ практическія ошибки, по какимъ вообще ихъ направленіе оставалось доселѣ исключительно теоріей кружка. Прежде всего, люди другихъ мнѣній и особенно враги, съ которыми имъ нужно бороться, не убѣдятся той теоріей мистическихъ предопредѣленій, какою они доказываютъ необходимость православія для всего славянства. Далѣе, отталкивающая и постоянная ошибка есть противоположеніе славянской цивилизаціи и западной, когда первая еще не существуетъ, какъ нѣчто равномѣрное со второй. Наконецъ, въ славянофильской теоріи нѣтъ тѣни указанія на ея практическое выполненіе; между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что въ нынѣшнемъ состояніи нашей общественной и церковной жизни толки о распространеніи православія и осужденія западнаго славянства за католицизмъ скучно безплодны: «врачу, исцѣлися самъ» — могутъ сказать, и, къ сожалѣнію, очень справедливо.

исторически обратилась въ одну изъ важнѣйшихъ чертъ самихъ національныхъ разновидностей, предпринимать искусственное объединеніе посредствомъ единовѣрія—значило бы посягать на самыя національныя особи, на самое чувство національности,—а между тѣмъ только изъ него и могло бы истекать стремленіе къ общеславянскому союзу для огражденія отдѣльныхъ національныхъ организмовъ. Если національность есть организмъ, какъ принимаютъ славянофилы, то попытки къ измѣненію этого организма въ видахъ политическихъ означали бы такое же насиліе, какое, по ихъ ученію, «петербургскій періодъ» совершалъ надъ русской стариной. Искусственное объединеніе посредствомъ одновѣрія противорѣчило бы самымъ цѣлямъ объединенія, противорѣчило бы тому чувству исторической національности, изъ котораго только и можетъ проистекать сознаніе нужды въ объединеніи политическомъ. Такимъ образомъ, вѣроисповѣдный элементъ, вносимый славянофилами въ ихъ ученіе, на дѣлѣ оказался бы скорѣе принципомъ разъединенія, чѣмъ средствомъ собиранія родственныхъ національностей.

Въ наше время, чтобы устранить политическія несогласія изъ-за разновѣрія, остается одно вѣрное средство: совсѣмъ устранить изъ политической программы вопросъ религіозный—или, другими словами, покрыть противорѣчіе болѣе широкимъ началомъ—полной религіозной свободы. Необходимо имѣть въ виду, что самая вражда родственныхъ національностей изъ-за разновѣрія была обусловлена въ дѣйствительности именно тѣмъ, что народы служили орудіями для борьбы духовныхъ кастъ и правительствъ, подпадавшихъ вліянію этихъ кастъ.

Славянская образованность, хотя имѣла много замѣчательныхъ лицъ и фактовъ, сдѣлала важные, иногда первостепенной цѣны, вклады въ исторію европейскаго знанія и цивилизаціи, тѣмъ не менѣе не представляетъ ничего цѣльнаго, исключительно, своеобразно славянскаго. О ней нельзя говорить, какъ о нѣмецкой, французской, итальянской образованности. Славянскія племена шли врозь, — въ

то время, какъ одни достигали большой высоты образованія, другія были въ крайнемъ, безнадежномъ упадкѣ: образованность чешская съ XIV вѣка, польская далматинская были неизвѣстны одна другой; славныя имена науки и поэзіи у одного племени были пустымъ звукомъ для другого,—ничего цѣльнаго, никакой преемственности, никакихъ общихъ нравственныхъ результатовъ давняго образовательнаго преданія. Напримѣръ, была ли чѣмъ-нибудь для насъ изящная поэзія старыхъ далматинцевъ, древнихъ чешскихъ поэтовъ, польскихъ писателей золотого вѣка, и т. д.? Совершенно ничѣмъ, потому что въ свое время мы о ней не имѣли никакого понятія. Мало того, доставляетъ ли нашему развитію что-нибудь современная славянская литература внѣ области чисто научной, гдѣ являлась общность историческихъ и археологическихъ вопросовъ? Очень немного; даже ближайшая къ намъ и одна изъ сильнѣйшихъ славянскихъ литературъ, польская, извѣстна у насъ доселѣ крайне мало. Почти единственный періодъ, гдѣ въ одной части славянства была извѣстная литературная солидарность, — есть періодъ древней православной письменности, которая черезъ посредство церковно-славянскаго языка была общею для болгаръ, для русскихъ и для сербовъ. Но и здѣсь національное было не главнымъ, а только счастливымъ удобствомъ для главнаго -для церковности. Даже русская современная литература, которая, повидимому, должна бы представлять для славянства важный интересъ по его ожиданіямъ отъ русскаго государства, народа и общества, извѣстна въ славянскомъ мірѣ самымъ отрывочнымъ образомъ, и можно сказать положительно, что ея существенные вопросы,— именно внутренніе, отъ которыхъ зависитъ и способъ отношенія русскаго общества къ славянскому дѣлу,—до сихъ поръ очень мало занимали западную славянскую литературу—разумѣется, къ ущербу обѣихъ сторонъ, и особенно послѣдней.

Все это не представляетъ ничего похожаго на ту исторію національной образованности, какая у германцевъ или итальянцевъ даетъ литературѣ, а слѣдовательно вообще

національной жизни характеръ цѣльности и единства, и, несмотря на политическое дробленіе, дѣлала изъ произведеній отдѣльныхъ краевъ одно національное наслѣдство. Солидарность національнаго сознанія, взаимное изученіе начинаются въ славянствѣ только въ новѣйшее время и пріобрѣтаютъ нѣсколько значительный размѣръ лишь въ послѣднія лѣтъ пятьдесятъ. Еще живы люди, видѣвшіе первыя ясныя заявленія панславянскихъ тенденцій.

Въ общемъ теченіи жизни славянство доселѣ остается страшно раздѣленнымъ: исторія, нравы, бытъ — различны; политическіе интересы все еще идутъ врозь, и при настоящемъ положеніи Россіи, которая могла бы стать опорой для ихъ соглашенія и соединенія, соглашеніе все еще чрезвычайно трудно, даже невозможно; языкъ славянскихъ племенъ, филологически единый въ своихъ древнихъ основаніяхъ, вовсе не единъ по современному составу, и у разныхъ племенъ взаимно невразумителенъ. Въ числѣ разныхъ заботъ и задачъ, какія ставило современное славянское движеніе, ставится уже давно задача объ общеславянскомъ литературномъ или дипломатическомъ языкѣ — какъ видимъ, элементарная (но крайне трудная) задача, и рѣшеніе ея должно *въ первый разъ* доставить славянству средство взаимнаго пониманія.

Если такъ, славянское движеніе, очевидно, непохоже на національное движеніе нѣмецкое или итальянское; это есть стремленіе объединить не *народъ*, а цѣлое *племя* — въ такомъ родѣ, какъ если бы, напримѣръ, явилось стремленіе объединить латинское племя (была и дѣйствительно рѣчь о «панлатинизмѣ»), или если бы германство возымѣло намѣреніе слить съ собою Голландію, Данію и Скандинавію. Гдѣ же предѣлъ этому стремленію? Оставалось бы объединить арійское племя — въ древности оно вѣдь также возводится къ одному цѣлому.

Что же заключить изъ этого? Не поднимая вопроса о томъ, возможенъ или нѣтъ панславизмъ — въ той или дру-

той формѣ,—нельзя не видѣть, что движеніе славянства въ этомъ смыслѣ обставлено великими трудностями по всему историческому существу дѣла, что эти трудности—вовсе не въ однихъ внѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ настоящей минуты; наконецъ, что думать помочь ему политической сантиментальностью и мистицизмомъ было бы очень простодушно.

Если сравнивать славянское движеніе съ національными движеніями западныхъ европейскихъ народовъ и ожидать, при извѣстномъ политическомъ освобожденіи и солидарности, образовательнаго объединенія славянскихъ племенъ (которое, въ самомъ дѣлѣ, одно могло бы дать должное поприще для ихъ культурныхъ успѣховъ и самобытности)—хотя бы въ формѣ литературнаго объединенія съ русскимъ языкомъ,- положеніе дѣла теперь очевидно будетъ соотвѣтствовать только средневѣковымъ періодамъ европейскихъ народовъ, наканунѣ того, какъ объединился французскій, нѣмецкій, англійскій литературный языкъ. Настоящее состояніе нѣкоторыхъ племенъ, напр., балканскихъ, и по общественному быту только-что выходитъ изъ среднихъ вѣковъ.

Кромѣ тѣхъ сомнѣній, какія внушаетъ разсчетъ современнаго внѣшняго положенія славянства, есть болѣе широкая точка зрѣнія, которая предостерегаетъ отъ увлеченій «національнымъ принципомъ», тѣмъ болѣе требующая вниманія, что послѣдователи этого принципа рѣдко заботятся о томъ, чтобы съ точностью опредѣлить его отношенія къ принципу общечеловѣческому съ одной стороны, и съ другой—къ простой насущной народной жизни, и потому на практикѣ часто ставятъ его очень грубымъ и вреднымъ образомъ. По сущности самыхъ принциповъ, между національнымъ и общечеловѣческимъ нѣтъ или не должно быть никакой на дѣлѣ противоположности,—но люди общества и сами публицисты (а въ особенности наши, которымъ всѣ эти дѣла вновѣ), увлекаясь «національнымъ», не умѣютъ отдать себѣ отчета въ его содержаніи и противополагаютъ

его общечеловѣческому, называя послѣднее космополитическимъ: дѣятельность въ смыслѣ общечеловѣческомъ они выдаютъ за измѣну «національному». Въ результатѣ получается то, что «національныя» партіи вовсе не бываютъ, тѣмъ самымъ, партіи, наиболѣе благопріятныя народному благу и прогрессу. «Національныя» стремленія чрезвычайно легко поддаются извращенію, эксплуатаціи, политической интригѣ, иногда самой грубой, всего легче идутъ черезъ край подъ именемъ *національной* «славы», «интересовъ» или «великодушія и безкорыстія» и т. п.,—при чемъ дѣйствительный *народный* интересъ не только забывается, но пренебрегается какъ мелочность, мѣшающая національному величію и сценическому эффекту.

Примѣровъ сколько угодно можетъ представить современная Европа. Когда, напримѣръ, въ началѣ столѣтія германскія правительства послѣ войны съ Наполеономъ такъ долго могли отсрочивать исполненіе данныхъ ими либеральныхъ обѣщаній, то нѣкоторая доля вины падала здѣсь на самую особенность «національной» партіи, которая являлась въ видѣ «французо-ненавистниковъ», поклонниковъ всего «родного», всѣхъ «національныхъ особенностей». Наименѣе привлекательныя изъ этихъ особенностей и продолжали жить въ ореолѣ національнаго романтизма, политически ретроградного, пока смѣлая и блестящая школа «юной Германіи» не наложила безпощадной руки на этотъ романтизмъ и не обнаружила всей его политической нелѣпости. Франція двадцать лѣтъ мирилась съ правленіемъ Наполеона III благодаря тому, что онъ обманывалъ ее «славой», къ которой такъ чувствителенъ французскій народъ, талантливый, но и страшно самолюбивый. О нѣмцахъ нечего и говорить; всѣмъ бросаются въ глаза крайности ихъ національныхъ увлеченій, и двѣ параллели Франціи и Германіи въ 1871 и 1878 чрезвычайно поучительны. Въ Англіи національная идея выразилась знаменитыми «британскими интересами», противъ которыхъ, наконецъ, приходятъ въ негодованіе сами англичане, мнѣній Гладстона и

многихъ другихъ лучшихъ умовъ Англіи, напоминавшіе, что, кромѣ «интересовъ» (черезъ всякую мѣру преувеличенныхъ), у народовъ должна быть еще совѣсть. Наши «національные» публицисты знаютъ эти и подобные примѣры; они издавна выучились говорить о французскомъ шовинизмѣ, не уставали трунить надъ нѣмецкимъ «фатерландомъ» (самымъ этимъ словомъ они любили дѣлать нѣмцамъ колкость); обличеніямъ Биконсфильда въ послѣднее время не было конца. Все это было бы прекрасно, если бъ политическіе критики не ограничивались «киваньемъ на Петра» и въ другихъ случахъ подобнаго свойства ихъ разсужденія не были самымъ беззастѣнчивымъ лицемѣріемъ...

Такія преувеличенія или извращенія «національнаго принципа» могутъ дѣлать его прямо ретроградным принципомъ— не только относительно другихъ народовъ, но и того самаго, которому онъ призывается служить. И въ политикѣ внутренней «національной идеей» прикрывались не разъ и не безъ успѣха теоріи, ни мало не расположенныя заботиться о народномъ благѣ; теоріи, которыя подъ видомъ охраненія преданій и учрежденій, «освященныхъ вѣками», охраняли самыя зловредныя наслѣдія временъ стараго невѣжества, грубости, даже варварства (у насъ крѣпостное право процвѣтало въ то самое время, когда оффиціально заявлено было начало «народности», какъ одно изъ основаній русской жизни). Наши публицисты до сихъ поръ клеймятъ у насъ «космополитами» (!) тѣхъ, кто указывалъ на внутреннія потребности общества, какъ на предметъ заботы, не менѣе, если не болѣе важный, чѣмъ тотъ національный вопросъ, ради котораго ихъ готовы были забывать. Поэтому очень правы были писатели, прямо утверждавшіе, что въ практической политикѣ изъ «національности» и «народности» сдѣлались вещи противоположныя, другъ друга исключающія.

Привычка мѣшать народъ въ политическую исторію, — говорили они,—брать часть за цѣлое и навязывать народу дѣла и формы, въ которыхъ онъ никогда не имѣлъ пря-

мого участія, есть софизмъ, которымъ фаталисты закрывали путь всякому разумному улучшенію, ссылаясь на историческія препятствія. Эти историческія препятствія и особенности касались вездѣ только незначительнаго меньшинства или нѣсколькихъ верхнихъ слоевъ; исторія *народной массы* была просто исторія рабочей силы, которая не распоряжалась собой; народная масса только пассивно участвовала въ исторіи политической, которая была дѣломъ этого меньшинства—феодаловъ, духовенства, городскихъ классовъ и т. под. Были случаи, гдѣ и народъ подавалъ свой голосъ въ событіяхъ и дѣйствовалъ собственной волей — это бывали отчаянныя минуты иноземныхъ завоеваній; но внутри его прямое участіе въ «исторіи» заявлялось страшными возстаніями, когда гнетъ, лежавшій на немъ, превышалъ всѣ его силы. Упомянутый софизмъ обыкновенно выводитъ всю политическую исторію и дѣянія самого меньшинства какъ выраженіе «народной идеи», характера и т. п.; но какъ укладываются въ эту теорію взрывы народной ненависти противъ существующаго порядка? Утонченная логика новѣйшихъ историковъ отыскиваетъ и для нихъ свое частное объясненіе; но можно ли сказать, чтобы она выяснила эти факты во всемъ ихъ печальномъ значеніи? Это, очевидно, взрывы наболѣвшей язвы, которой продолжительность сами историки считаютъ иногда вѣками,—чѣмъ же была исторія народной массы въ теченіе *этихъ* вѣковъ?

Наше время называютъ по преимуществу вѣкомъ демократическихъ началъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ конца прошлаго столѣтія, когда торжественно провозглашались «права человѣка», судьба народныхъ массъ, защита ихъ права больше чѣмъ въ какой-нибудь періодъ исторіи, послѣ I вѣка, возбуждала горячее участіе лучшихъ умовъ общества, которые были ихъ адвокатами — и въ философско-политическихъ теоріяхъ, и въ гуманной морали, и въ филантропіи, и, наконецъ, въ политической борьбѣ. Этому движенію несомнѣнно предстоитъ будущее, и исторія будетъ дѣломъ народовъ не на однихъ словахъ; распространеніе политиче-

скихъ правъ, совершавшееся во всей Европѣ въ теченіе послѣдняго столѣтія, есть уже большой шагъ въ этомъ направленіи... Но и донынѣ, взявши громадное большинство политическихъ фактовъ новѣйшаго времени, можно ли сказать, что народныя массы имѣли въ нихъ какую-нибудь долю *сознательнаго* участія? Не читали ли мы, напротивъ, жалобъ, что сельскія населенія остаются равнодушны къ политическимъ дѣламъ, напр., даже въ странахъ съ особенно развитой политической жизнью, какъ Франція?

Имѣетъ ли наша народная масса сознательное участіе въ настоящемъ славянскомъ вопросѣ? Имѣетъ—чувствомъ состраданія и симпатіи къ единовѣрцамъ, терпѣвшимъ невыносимое, злобное иго—въ томъ смыслѣ, въ какомъ дошли до нея отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ фактѣ. Но было бы лицемѣріемъ и ложью—утверждать, что народная масса имѣетъ то или другое опредѣленное понятіе и желаніе относительно всего нашего способа дѣйствій въ послѣдніе годы. Дѣло, конечно, невозможное, но мы думаемъ, что если бы теперь, какъ въ концѣ XVII-го вѣка, народный соборъ былъ спрошенъ,- онъ, вѣроятно, употребилъ бы оговорки, которыхъ вовсе не дѣлало большинство воинственныхъ публицистовъ; онъ сказалъ бы приблизительно то же, что сказалъ въ XVII-мъ столѣтіи, именно - за внѣшними дѣлами онъ не забылъ бы настоятельныхъ внутреннихъ нуждъ, и, словомъ, по многимъ случаямъ высказалъ бы не тѣ мысли, какія проповѣдуются иными публицистами, берущими на себя выражать идеи и желанія «народа»...

Но, какъ бы то ни было, существуетъ фактъ, что въ славянствѣ идетъ хотя еще неясный, но несомнѣнный процессъ взаимнаго сближенія; пробудилось племенное чувство, которое, повидимому, стремится все больше отыскать себѣ реальное выраженіе. Русскій народъ давно возбуждалъ извѣстныя сочувствія и надежды, и преимущественно въ славянствѣ балканскомъ существовало ожиданіе, что отъ этого

народа, родственнаго и единовѣрнаго, придетъ помощь, которая пособитъ славянству начать новую жизнь просвѣщенія и свободы. То, о чемъ не было и мысли сто лѣтъ тому назадъ, что казалось политической фантазіей въ началѣ нынѣшняго вѣка, чѣмъ дальше, тѣмъ больше выясняется въ понятіяхъ и отчасти исполняется на фактахъ.

Итакъ, въ славянствѣ идетъ національное броженіе,— совершается историческій процессъ. Къ чему онъ поведетъ? какую готовитъ судьбу для славянства? Наступитъ ли новая эпоха цивилизаціи, жданная славянскими патріотами,—или начнется новая долгая, для иныхъ племенъ юга и запада послѣдняя борьба за свое бытіе? Какая роль выпадетъ Россіи въ ихъ будущемъ?

Трудно выбирать между отвѣтами, какіе давались на эти вопросы,—отвѣтами оптимистовъ (славянскихъ патріотовъ и даже не-славянскихъ историковъ, какъ Гельвальдъ), которые пророчатъ славянству побѣду и славное будущее, или отвѣтами пессимистовъ, враговъ славянства или славянскихъ патріотовъ, смущаемыхъ тяжелымъ прошлымъ и слишкомъ часто безотраднымъ настоящимъ. Но надо видѣть обѣ стороны. На югѣ борьба уже отмѣчена страшнымъ истребленіемъ: послѣдніе годы унесли десятки тысячъ тѣхъ самыхъ людей, которые показали всего больше энергіи въ защитѣ свободы и человѣческаго права, которые собственно подняли снова весь восточный вопросъ; и славянскіе патріоты боятся, что западно-балканскому славянству, уцѣлѣвшему отъ турокъ, придется надѣть ярмо «швабы» и еврейства. Дѣла славянства на западѣ до сихъ поръ были незавидны. Можетъ быть, теперь они будутъ еще труднѣе: послѣднія событія снова вызвали призракъ «панславизма», и политическіе враги славянства, вѣроятно, не преминутъ принимать противъ него дѣйствительныя мѣры. Единственнымъ средствомъ противостоять этимъ мѣрамъ была бы политическая солидарность, которой такъ давно ищутъ славянскія племена; но можно ли сказать, что эта солидарность существуетъ? Не оказалось ли въ ней печальныхъ

пробѣлонъ, даже когда Россія выступила за балканское славянство во всеоружіи своей военной силы?

Одинъ изъ такихъ пробѣловъ, возбуждающихъ недоумѣніе, представился самою политикою Россіи по отношенію къ славянскимъ странамъ Балканскаго полуострова. Сильное славянское государство могло бы, очевидно, составиться тамъ прежде всего вокругъ Сербіи, какъ ядра. Болгары, предоставленные самимъ себѣ, могли бы еще устроиться сами, но въ настоящее время не могутъ стать центромъ для объединенія. Между тѣмъ, наименьшее сочувствіе съ нашей стороны было высказано сербамъ; Черногоріи оказывалось явное предпочтеніе, какъ бы въ усиленіе соперничества между двумя княжескими дворами. Сербское дѣло въ Босніи и Герцеговинѣ,—населенныхъ чистѣйшимъ сербскимъ народомъ, которому по всей справедливости и по всѣмъ условіямъ историческимъ и этнографическимъ слѣдовало примкнуть къ тому или другому изъ сербскихъ княжествъ,—это сербское дѣло дошло до страшнаго положенія, грозящаго (по впечатлѣнію близкихъ свидѣтелей) гибелью цѣлаго, повторяемъ, чистѣйшаго сербскаго края. Наконецъ, въ Болгаріи, еще до полнаго ея освобожденія, были предприняты бытовыя реформы безъ всякой справки съ желаніями ея населенія.

Славянству предстоитъ не только политическая борьба и экономическая конкурренція, но и національная борьба въ области образованія и культуры. Западное славянство понесло въ этомъ отношеніи уже много потерь; нѣмецкое образованіе, нравы, языкъ постоянно распространяются въ земляхъ австрійскаго славянства и въ польскихъ земляхъ Пруссіи,—а нѣмецкое вліяніе сильно всѣмъ объемомъ нѣмецкой образованности и широкимъ общечеловѣческимъ значеніемъ. Нѣмецкое образованіе становится для западнаго славянства средствомъ вообще для усвоенія европейской науки и цивилизаціи.

Эта сторона національнаго вопроса часто понимается и въ западномъ славянствѣ и у насъ самымъ превратнымъ

образомъ. Пугаясь нѣмецкаго или вообще западно-европейскаго вліянія, думаютъ, что отъ него можно избавиться бѣгствомъ: ультра-національные патріоты, напр., у чеховъ, считали, бывало, грѣхомъ учиться по нѣмецкому писателю; наши—тоже съ высокомѣріемъ относятся къ «нѣмецкимъ книжкамъ» (съ которыми сами бываютъ обыкновенно мало знакомы). Эта жалкая точка зрѣнія, у насъ изобрѣтенная «квасным патріотизмомъ» и не исчезнувшая до сихъ поръ, конечно, только питаетъ невѣжество; между тѣмъ только возвышеніе умственнаго уровня и можетъ дать «національности» силу выдержать конкурренцію образованія; иначе наша русская образованность волей-неволей будетъ оставаться въ ученичествѣ, и тѣмъ самымъ терять авторитетъ въ славянствѣ. Русскому обществу, которое и доселѣ не имѣетъ понятія о свободной широкой наукѣ, слѣдуетъ въ особенности понять, что просвѣщеніе (т.-е. настоящее, а не воображаемое) есть капитальный пунктъ, отъ котораго зависитъ и наше значеніе въ славянствѣ, и даже политическая сила.

Это—одно условіе нашего вліянія (или господства?) въ славянскомъ мірѣ, если мы хотимъ его достигнуть. Другое, съ нимъ тѣсно связанное наша внутренняя общественно-политическая самодѣятельность. Наша помощь славянству не будетъ полной, если будетъ состоять въ однѣхъ арміяхъ; подвиги, совершаемые арміями, могутъ не дать настоящаго, даже никакого, результата, если не будутъ поддержаны постоянной солидарностью обществъ. Арміи могутъ блистательно сдѣлать свое дѣло, какъ сдѣлали его въ настоящей войнѣ; но въ той же мѣрѣ, какъ оружіемъ, вопросы рѣшаются первоначальной нравственно-политической постановкой дѣла, которая будетъ прямо зависѣть отъ наличнаго характера общества, или его руководителей, отъ его внутренно-политическаго состоянія. Берлинскій трактатъ возбудилъ у насъ большія недоумѣнія и недовольство; онъ и въ самомъ дѣлѣ неудовлетворителенъ; но недоумѣнія общества были напрасны — само оно въ громадномъ боль-

шинствѣ не представляло и не представляетъ нравственно-политическихъ данныхъ, по которымъ могло бы требовать бо̀льшаго результата. Было ли общество приготовлено къ пониманію тѣхъ вопросовъ, какіе предстали въ южнославянскихъ событіяхъ; много ли заботилось оно о томъ, чтобы установить, хотя въ предположеніи, русскія отношенія къ балканскому славянству,—высказало ли свои настоящія мысли и желанія,—да и думало ли вообще высказать ихъ съ нѣкоторой полнотой и правомъ на вниманіе?...

Послѣдняя война сдѣлала многое для южнаго славянства, но не все, что̀ могла бы сдѣлать; многое разъяснила для русскаго общества, но также не все. Въ то время, какъ русскія войска возвращаются и встрѣчаются горячими народными сочувствіями и оваціями, такъ хорошо заслуженными, положеніе вещей на славянскомъ югѣ остается мрачнымъ, и первые мѣсяцы исполненія берлинскаго трактата ознаменовываются фактами, напоминающими ужасныя событія въ Болгаріи въ 1876 году. Сербы прямо жалуются, что Боснія и Герцеговина, столько же нуждавшіяся въ освобожденіи, какъ Болгарія, но показавшія гораздо болѣе энергіи въ борьбѣ, что онѣ «преданы». Болгарія разбита на пять кусковъ, и ея македонская часть, съ милліоннымъ населеніемъ болгаръ, какъ говорятъ, не имѣя иного спасенія отъ греко-турецко-албанскаго преслѣдованія, думаетъ принять унію, такъ какъ католицизмъ умѣетъ лучше защищать свою паству, чѣмъ православная славянская іерархія. Въ Босніи и Герцеговинѣ идетъ, конечно, не «оккупація» и даже не война, а рѣзня, давно не виданная въ предѣлахъ Европы; эти несчастныя страны явили неслыханный примѣръ союза христіанъ съ магометанами—противъ «швабы». Это—исполненіе берлинскаго трактата, «примирившаго всѣ интересы». Но пусть читатель не успокоивается негодованіями на Англію или на Европу: эти негодованія ничего ему не объяснятъ и ничего не помогутъ.

Особенныя трудности окружаютъ западное, австрійско-прусское славянство, которому очень серьёзно грозитъ гер-

манизація. Здѣсь между-славянскій вопросъ еще запутаннѣе; наше отношеніе къ полякамъ, чехамъ, католическимъ сербо-хорватамъ, словинцамъ лишено связей единовѣрія, и, вслѣдствіе того, нашему обществу гораздо труднѣе, чѣмъ относительно южнаго православнаго славянства, опредѣлить и свое фактическое отношеніе къ нимъ, и то, какъ и въ чемъ можетъ быть найдена наша солидарность съ ними.

Наконецъ, хотя славянскій міръ и обнаруживаетъ теперь видимое стремленіе возстановить и укрѣпить взаимную связь своихъ частей, это вовсе не значитъ, что славянскіе «ручьи» желаютъ слиться и потеряться въ русскомъ «морѣ». Совсѣмъ напротивъ. Каждая отдѣльная народность, даже мелкая, даже мало чѣмъ отличающаяся отъ болѣе крупной вѣтви, къ которой она примыкаетъ, - дорожитъ своей особностью; такъ что среди всѣхъ центро-стремительныхъ движеній къ единству и союзу, въ славянскихъ племенахъ остается повсюду движеніе центробѣжное, сознаніе своей отдѣльности, и стараніе сохранить ее. Это очень естественно. Народность, разъ сознанная, пріобрѣтаетъ двойную цѣну; ея непосредственное значеніе усиливается, когда обстоятельства, счастливыя или несчастныя, заставляютъ дорожить ею какъ выраженіемъ народной личности. Для массъ отказъ отъ народности—вещь немыслимая, какъ отказъ отъ всей своей природы; нарушеніе ея всегда практически трудно для народа, всегда нравственно тяжело и оскорбительно. Судьба «послѣднихъ моиканъ»—тягостная и трагическая. Какими же способами могутъ быть примирены два теченія, оба -естественныя и человѣчныя; какъ, при частномъ консерватизмѣ (сепаратизмѣ) отдѣльныхъ единицъ, можетъ быть достигнуто объединеніе цѣлаго,—особенно когда именно это объединеніе считается необходимымъ условіемъ для его сильнаго развитія, которое одно можетъ дать всему племени и его частямъ средства—выдержать общую имъ всѣмъ борьбу съ другими, чуждыми племенами и обезпечить свободный ходъ національности?

Такимъ образомъ, вопросъ единства соединяется со мно-

жествомъ разнаго рода трудностей. Панславизмъ, — понимая его въ какой бы то ни было формѣ солидарности, если не прямо политической, то образовательной, литературной, но солидарности дѣйствительной, а не голословной и воображаемой,—очень мудрено осуществимъ. Прежде всего, славянскому движенію необходимо, раньше какихъ-нибудь дальнѣйшихъ плановъ, обезпеченіе политической свободы для каждаго племени въ отдѣльности,—потому что только при этомъ могутъ раскрыться національныя силы. Въ главной политической группѣ славянства только это рѣшеніе и можетъ устранить печальный разладъ двухъ національностей, такой разладъ, который иначе будетъ служить однимъ изъ главныхъ противорѣчій и главныхъ тормозовъ нравственному объединенію славянъ. Въ отношеніи общекультурномъ славянству предстоитъ большой трудъ образовательный, —у многихъ племенъ едва начатый, а у всѣхъ въ сложности далеко отстающій отъ образованности западно-европейской, и еще предстоитъ найти общій литературный языкъ вмѣсто нынѣшняго вавилонскаго смѣшенія нарѣчій — близкихъ, да, но недоступныхъ одно другому безъ изученія. Взаимныя отношенія славянскихъ племенъ еще исполнены недоразумѣній, иногда равнодушія, часто недовѣрія или даже настоящей вражды. Наконецъ, если западное славянство не можетъ обойтись безъ помощи Россіи (что очень вѣроятно), то эта помощь можетъ быть дѣйствительна только тогда, когда сама Россія пройдетъ свой процессъ обновленія, сложный, какъ сложны свойства ея политической и національной природы, —но вовсе впрочемъ и не такой трудный, если бы общество сознало, наконецъ, свое положеніе и непремѣнную необходимость этого обновленія.

И пусть не думаютъ, что дѣло идетъ только объ отсрочкѣ скораго объединенія славянъ Россіею. Вопросъ здѣсь совершенно практическій: до исполненія помянутаго условія, всѣ славяне, не исключая самыхъ православныхъ, будутъ *бояться* Россіи, и обращеніе къ ней будетъ въ умѣ

ихъ имѣть только смыслъ эксплоатаціи матеріальныхъ силъ Россіи въ ихъ пользу. До союза нравственнаго, до откровеннаго стремленія къ какой-либо прочной политической связи отсюда далеко. Наоборотъ, всякое стремленіе наше при отсутствіи обновленія — искусственно ускорить объединеніе славянъ съ Россіею можетъ создать между нами и всѣмъ безъ исключенія славянствомъ полное недовѣріе, которое исключитъ и смыслъ, и самую возможность объединенія.

Наконецъ, время не ждетъ. События идутъ теперь быстрѣе, чѣмъ прежде; труднѣе вѣрить въ «неистребимость національностей» — славянскіе патріоты, сознающіе положеніе, боятся, что для нѣкоторыхъ отраслей славянства помощь уже *опоздала*, боятся, что въ настоящую минуту она легко можетъ опоздать для Босніи и Герцеговины. Невозможно думать, что время будетъ работать въ нашу пользу,—оно можетъ работать и противъ славянства, и уже много поработало. Если мы будемъ забывать указанія и требованія исторіи, она пойдетъ мимо насъ. Славянство, потерявши увѣренность въ Россію, отталкиваемое упомянутыми прежде условіями, можетъ отдалиться отъ насъ и нравственно, и политически, и съ этимъ наше «мѣсто въ Европѣ» очень уменьшится. Что это не невозможно, могли бы указать нѣкоторые эпизоды послѣднихъ четырехъ лѣтъ: были случаи, когда наши политики замѣчали, что та или другая славянская страна можетъ стать для насъ «второй Польшей». Странныя и печальныя слова среди толковъ о славянствѣ!

Мы не исчерпали всѣхъ сомнѣній и трудныхъ пунктовъ вопроса, ничего не загадываемъ, и хотѣмъ только указать, что вопросъ вовсе не такой простой и ясный, какъ онъ казался и кажется многимъ мечтателямъ, славянскимъ и русскимъ. Великіе историческіе факты, — какимъ было бы славянское объединеніе, — дешево не достаются; для нихъ долженъ быть совершонъ неотложный и серьёзный трудъ, во всѣхъ областяхъ національной жизни, гдѣ славянству нужно добиться своей самобытности. Русскіе любители сла-

вянства не разъ дѣлали себѣ изъ панславизма заманчивый идеалъ и были убѣждены, что идеалъ осуществится именно съ могущественнымъ вмѣшательствомъ Россіи. Исторія славянскихъ отношеній Россіи еще не далека; но и она уже успѣла дать нѣсколько вразумительныхъ фактовъ, показывающихъ, что для успѣха дѣла—даже въ скромной формѣ нѣкоторой общественно-политической солидарности славянства—недовольно лирическихъ призывовъ къ братству, недовольно даже грандіозныхъ военныхъ подвиговъ, а нужна еще работа общества надъ своими внутренними задачами, нужно широкое образованіе, свободная наука и общественность.—Исторія русскаго панславизма даетъ поучительные примѣры того, какъ наилучшія намѣренія, благороднѣйшіе идеалы были безсильны въ томъ грубомъ состояніи общественности, гдѣ не полагалось мѣста для сколько-нибудь свободной мысли и идеала.

V.

Русскій панславизмъ.

Подъ русскимъ панславизмомъ западные писатели разумѣютъ обыкновенно, принимаемое ими за несомнѣнное, стремленіе Россіи воспользоваться племенными вліяніями славянскихъ племенъ, слабыхъ въ отдѣльности, для установленія своего вліянія или господства надъ ними, съ тѣмъ, чтобы грозить потомъ Европѣ. Россіи приписывалась маккіавеллическая политика, имѣвшая цѣлью прежде всего завладѣніе Балканскимъ полуостровомъ и Константинополемъ. На *этой* темѣ мы останавливались въ другомъ мѣстѣ и о ней говорить теперь не будемъ, а здѣсь имѣемъ въ виду другое—тѣ мысли о славянскомъ единствѣ и идеалы будущаго развитія славянскаго міра, какіе возникали въ русскомъ обществѣ, или—вѣрнѣе—въ его узкой литературной средѣ.

Если бы иностранные писатели тридцатыхъ и сороко-

выхъ годовъ, говорившіе о панславистскихъ замыслахъ Россіи, знали ближе судьбу этихъ мыслей и идеаловъ въ русской жизни, они значительно бы успокоились. Русскому обществу эти мысли приходили не часто; въ образованнѣйшей части его больше заботились о другихъ, болѣе настоятельныхъ нуждахъ своего просвѣщенія; а когда приходили эти мысли, онѣ такъ мало поощрялись людьми, власть имущими, что—смѣшно читать опасенія иностранцевъ о грозномъ характерѣ русскихъ панславистовъ: дома на нихъ едва обращали вниманіе, они едва были терпимы, а иногда имъ приходилось даже довольно жутко.

Въ послѣдніе годы, по поводу славянскихъ влеченій русскаго общества, не разъ вспоминали о знаменитомъ хорватѣ Юріѣ Крижаничѣ, который въ XVII столѣтіи предлагалъ свои панславистскіе планы царю Алексѣю Михайловичу. Характеристично то, что этотъ первый представитель панславянской идеи въ Россіи не былъ русскій; точно предзнаменованіемъ было и то, что этотъ первый панславистъ не нашелъ въ московскомъ царствѣ никакого сочувствія своимъ идеямъ и, пришедши ради ихъ въ Россію изъ дальняго славянскаго края, окончилъ свою жизнь въ Сибири.

Въ статьѣ о развитіи «славянской идеи» въ русскомъ обществѣ [1]) указывалось, что эта идея вообще явилась у насъ, какъ нѣчто сознательное, очень поздно: что старина, въ которой была по крайней мѣрѣ извѣстная солидарность единовѣрія и церковной письменности съ южнымъ православнымъ славянствомъ, передала новому времени только слабую нить этого преданія. По отзыву одного изъ самихъ славянофиловъ, Петръ Великій,—обыкновенно обвиняемый этой школой за нарушеніе національной старины,—гораздо лучше, чѣмъ сами представители этой старины, московскіе цари XVII вѣка, понялъ важность русско-славянскихъ отношеній, отыскивая между западнымъ славянствомъ людей, годныхъ для русскаго просвѣщенія, открывая связи съ Чер-

[1]) «Вѣстн. Евр.», 1878, май.

ной-Горой, задумывая широкіе планы будущаго. Въ его дѣятельности видятъ черты самаго настоящаго панславизма. Но какъ его дѣятельность вообще, такъ и эта ея сторона были очень плохо поняты его преемниками, и планы оставались неисполненными. Судьба русско-славянскихъ отношеній была предоставлена случайности событій. Столкновенія Россіи съ Турціей все болѣе и болѣе выдвигали южнославянскій вопросъ: турецкое славянство вспоминало о единовѣріи и единоплеменности съ русскимъ народомъ, слышало объ его возрастающемъ могуществѣ и ожидало, что Россія должна подать ему помощь—и по единовѣрію, и по собственной выгодѣ. Сближенія, въ этомъ смыслѣ, искало гораздо болѣе южное славянство, чѣмъ Россія; для него это былъ жизненный вопросъ, понятный каждому въ народной массѣ; для русской правительственной власти эти вопросы были, повидимому, очень чужды и славяне представлялись какъ нѣчто въ родѣ бѣдныхъ родственниковъ,—а русское «общество» тѣхъ временъ не осмѣливалось имѣть сужденіе о политическихъ предметахъ, да и мало о нихъ знало и ими интересовалось. Ожиданія славянства выражались иногда такъ явно, что русскіе дипломатическіе люди, бывавшіе на мѣстахъ, не могли ихъ не видѣть, иногда глубоко поражались ими,—какъ, напр., русскій резидентъ въ Константинополѣ, Вешняковъ, при имп. Елизаветѣ, который еще въ половинѣ прошлаго столѣтія горячо настаивалъ на необходимости освободить балканскихъ христіанъ силою оружія, и убѣждалъ правительство въ легкости этого дѣла при великомъ сочувствіи къ намъ южнаго славянства. Убѣжденія его остались безплодны. Южные славяне обращались къ русскому правительству и съ тайными, и съ явными просьбами о защитѣ и покровительствѣ со временъ Петра и до имп. Александра. Турецкія войны открывали русскимъ цѣлые народы единоплеменниковъ и единовѣрцевъ; правительство начинало почимать, что ихъ присутствіе можетъ имѣть практическую цѣну, и начинало, хотя слабо, вводить ихъ въ политическія и военныя комбинаціи. Въ небольшомъ

кругѣ образованныхъ людей стала мелькать мысль о возможномъ возстановленіи независимости этихъ родственныхъ племенъ, о союзѣ съ ними, о будущемъ могуществѣ славянскаго народа въ соединеніи съ Россіей, подъ ея охраной и предводительствомъ.

Такія мысли возникаютъ въ особенности съ первыхъ годовъ царствованія императора Александра I. Общественная мысль вообще была разбужена, политическіе вопросы стали занимать умы, современныя событія наводили на славянскія дѣла. Въ то время шла борьба сербовъ за свою независимость и не могла не пробудить сочувствія въ людяхъ, которые имѣли понятіе о народѣ или даже сами его видѣли, и первое основаніе общественнаго интереса къ славянству было положено.

Таковы были двѣ записки о южно-славянскихъ дѣлахъ, представленныя въ 1804 и 1807 годахъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, — еще не было другого пути заявить мысли этого рода, какъ представивъ ихъ, на французскомъ языкѣ, въ подлежащее вѣдомство по начальству. Одна записка принадлежала В. Н. Каразину, извѣстному, немного фантастическому филантропу и либералу Александровскихъ временъ. Сербы именно просили тогда помощи русскаго правительства, и Каразинъ убѣждалъ въ необходимости этой помощи: «можетъ ли верховный повелитель свободныхъ славянъ, единственный защитникъ православной церкви, смотрѣть равнодушно на всѣ скорби народовъ, близкихъ имъ и по крови и по религіи?» Правда, онъ совѣтовалъ дѣйствовать очень осторожно, изъ опасенія возбудить вражду Австріи, но мечты его шли далеко: онъ мечталъ объ основаніи «царства словенъ» съ однимъ изъ братьевъ императора Александра во главѣ: это царство должно было со временемъ распространиться до Адріатическаго моря, въ Албанію, Македонію, а съ другой стороны, обнять южныя (сербо-хорватскія) земли Австріи. «Но энтузіазмъ не признаетъ географическихъ границъ, — продолжалъ онъ мечтать: — вскорѣ неотразимое очарованіе одного только имени этой прекрасной страны привлечетъ переселенцевъ изъ

болѣе отдаленныхъ племенъ славянскихъ, и они придутъ и заселятъ еще пустыя страны. Это царство, которое въ скоромъ времени разовьется и образуется, связанное съ русской имперіей узами религіи, крови и благодарности, сдѣлается ея складочнымъ мѣстомъ и естественной точкой опоры во всѣхъ ея подвигахъ, во всѣхъ ея сношеніяхъ съ Европой и Африкой».

Другая записка, на французскомъ языкѣ, представлена была Броневскимъ, образованнымъ морскимъ офицеромъ, однимъ изъ сподвижниковъ Сенявина на Адріатическомъ морѣ. Впослѣдствіи Броневскій написалъ двѣ замѣчательныя книги, въ которыхъ описывалъ дѣйствія Сенявинской экспедиціи и свое странствованіе съ отрядомъ матросовъ изъ Тріеста, черезъ славянскія земли Австріи, въ Россію. Въ своей запискѣ Броневскій убѣждаетъ правительство принять участіе въ положеніи сербовъ турецкихъ и *австрійскихъ*, и оказать содѣйствіе ихъ предпріятію—освободиться отъ ига турецкаго и нѣмецкаго. Онъ настаиваетъ на томъ, что сохраненіе славянства, утвержденіе его въ формѣ государства, чрезвычайно важно въ политическомъ отношеніи для самой Россіи: это всегда была бы для нея великая помощь противъ европейской коалиціи. Предоставленные самимъ себѣ, славяне не въ состояніи добиться свободы и основанія государства, и Россія должна помочь имъ и по нравственному долгу, и по разсчету. То была пора тильзитскаго мира, и Броневскій указываетъ, что Россіи необходимо обезпечить себя противъ грознаго союза, управляемаго Наполеономъ. Единственное средство для Россіи предохранить себя отъ этой опасности есть основаніе *славянской федераціи*.

Въ своихъ, позднѣе изданныхъ, книгахъ [1]) Броневскій съ любовью описываетъ свои встрѣчи съ славянскими населеніями Австріи, гдѣ славяне вообще принимали его съ

[1]) Записки морского офицера», 1818—19; «Путешествіе отъ Тріеста до С.-Петербурга въ 1810 г.», 1828.

большимъ радушіемъ; среди ихъ иногда онъ чувствовалъ себя какъ дома (напр., у венгерскихъ русиновъ). Въ новой русской литературѣ разсказы Броневскаго были однимъ изъ первыхъ заявленій о славянскомъ родствѣ и однимъ изъ первыхъ фактовъ русскаго «панславизма».

Мысль о союзѣ съ южнымъ славянствомъ и о содѣйствіи его политическому устройству, высказанная Броневскимъ, повторяется послѣ и въ предположеніяхъ самого правительства, напримѣръ, въ инструкціяхъ, данныхъ Чичагову при назначеніи его главнокомандующимъ молдавской арміей, и въ его собственныхъ планахъ, 1811—1812 гг. Въ виду опасности, грозившей отъ Наполеона, русское правительство думало «воспользоваться военнымъ духомъ народовъ славянскаго происхожденія, — сербовъ, босняковъ, далматинцевъ, черногорцевъ, хорватовъ, иллировъ». При ихъ содѣйствіи предполагалось сдѣлать сильную диверсію, которая отвлекла бы силы Австріи и направилась бы также противъ французовъ на адріатическомъ Приморьѣ, и т. д. Чичагову рекомендовалось всѣми средствами привлечь расположеніе южно-славянскихъ населеній, и, въ случаѣ надобности, разрѣшалось «обѣщать независимость, образованіе *славянскаго королевства*».

Чичаговъ вполнѣ вошелъ въ эти планы и принялся самъ развивать ихъ. Онъ восхищался мужествомъ и энергіей сербовъ, ихъ привязанностью къ Россіи, ихъ готовностью сражаться въ союзѣ и подъ покровительствомъ Россіи, въ надеждѣ, разумѣется, устроить и свою собственную судьбу. Чичаговъ строилъ уже широкіе планы военныхъ и политическихъ предпріятій, восхвалялъ сербовъ («этотъ народъ для насъ сокровище»), — но его прекрасныя ожиданія не сбылись: событія заставили покинуть балканскія дѣла, Чичаговъ былъ вызванъ на Березину [1])...

Новѣйшіе критики относятся строго къ этимъ и подоб-

[1]) См. «Mémoires inédites de Pamphil Tchitchagoff». Berlin, 1858; А. Н. Поповъ, «Отечественная война», въ «Русской Старинѣ», 1877, сентябрь.

нымъ мечтамъ и предположеніямъ объ освобожденіи южнаго славянства, объ устройствѣ для него государства и будущей его роли. Броневскаго, Чичагова и другихъ тогдашнихъ теоретическихъ политиковъ упрекаютъ, что «при составленіи своихъ проектовъ объ устройствѣ быта южныхъ и западныхъ славянъ, они, повидимому, и не подозрѣвали необходимости *предварительнаго опроса* населеній, коихъ хотѣли облагодѣтельствовать, относительно ихъ главныхъ нуждъ, желаній. Этимъ попечителямъ славянъ не приводилось вовсе задумываться надъ внутреннимъ значеніемъ историческихъ явленій и учрежденій, которыя привели и держали славянъ въ печальномъ состояніи внѣшняго и духовнаго рабства. Уму этихъ русскихъ друзей славянъ и не представлялось даже вопроса: новыя, вызываемыя ими для славянъ, формы жизни и учрежденія — какого духа и характера? въ какой степени сама Россія и ея образованное общество могли быть названы самобытными, независимыми, славянскими? Всѣ эти легко задуманные планы освобожденія южныхъ и западныхъ славянъ не могли и по другимъ причинамъ имѣть какой-либо практическій успѣхъ. Безъ помощниковъ и сотрудниковъ изъ среды самихъ славянъ русскіе образованные люди—если бъ даже въ то время ихъ было много — ничего не могли бы подѣлать. Въ первую четверть нынѣшняго столѣтія, національная славянская интеллигенція едва лишь начинала возникать» [1])...

Въ существѣ — это справедливо; но, перенесшись ради исторической справедливости въ то время, надо умѣрить это осужденіе. Главное въ мнѣніяхъ этихъ теоретиковъ было справедливо: славянскіе — особенно южные — народы нуждались въ свободѣ и искали ея съ оружіемъ въ рукахъ и съ рискомъ гибели,—объ этомъ нечего было бы опраши-

[1]) «Братская помочь», Спб. 1876, стр. 28. «Замѣчанія о планахъ Чичагова», въ «Русской Старинѣ», 1877, сент., 43—44. Въ другую сторону и нѣсколько преувеличивая дѣло, разсуждаетъ г. Первольфъ въ статьѣ «Александръ I й и славяне», «Древняя и Новая Россія», 1877, № 1.

вать. Вѣрно было и то, что существованіе свободныхъ славянъ должно было быть великой пользой для самой Россіи, такъ какъ они, по всѣмъ вѣроятіямъ, могли бы быть ея надежными союзниками. Вѣрно было также, что довѣрчивое обращеніе ихъ къ Россіи, предоставленіе въ ея руки своей судьбы налагали на нее нравственную обязанность. Не лишена серьёзнаго смысла та догадка, что наиболѣе естественной формой славянскаго политическаго возрожденія была бы федерація. Притомъ, все это были пока только мечты—и не осуществившіяся на дѣлѣ,- первые опыты политической мысли въ самомъ обществѣ русскомъ, и первые опыты славянскихъ сочувствій и солидарности. Наконецъ, что касается «предварительнаго опроса», кто же вообще думалъ о предварительномъ опросѣ въ ту пору насильственныхъ захватовъ и «географическихъ терминовъ»? по крайней мѣрѣ, нашъ мечтатель честно желалъ достичь для народовъ свободы и предоставить ихъ самимъ себѣ. Былъ ли принятъ и теперь, въ настоящихъ событіяхъ, принципъ «предварительнаго опроса», — и кто изъ рѣшавшихъ вопросъ теперь ставилъ и защищалъ этотъ принципъ?

Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и славянскія сочувствія проявляются вновь—въ масонскихъ ложахъ и тайныхъ обществахъ. Время послѣ двѣнадцатаго года и войнъ «за освобожденіе» произвело особенное возбужденіе въ русскомъ обществѣ; молодое поколѣніе, въ особенности военное, было свидѣтелемъ чрезвычайныхъ событій, измѣнившихъ вновь видъ Европы, пріобрѣло интересъ къ политическимъ идеямъ; слово «либерализмъ» тогда въ первый разъ получило право гражданства въ русскомъ языкѣ, и направленіе, обозначившееся этимъ словомъ, стало лозунгомъ молодого общества. Либерализмъ обнаруживался замѣтно въ разныхъ явленіяхъ тогдашней общественности: въ интересѣ къ европейскимъ событіямъ, въ сочувствіи къ тамошнему либеральному движенію, не забывавшему объ «освобожденіи», обѣщанномъ и забытомъ правительствами; у себя дома: въ заботахъ о народномъ образованіи, въ стараніяхъ смягчить суровость

военной дисциплины, въ распространеніи политическихъ идей въ обществѣ, наконецъ, въ масонскомъ движеніи и, наконецъ, въ прямыхъ политическихъ планахъ, которые выразились основаніемъ тайныхъ обществъ.

Масонскія ложи существовали уже давно; но со времени преслѣдованія Новикова онѣ пришли въ упадокъ и почти забылись; съ 1815 года онѣ сильно размножаются, и нѣкоторыя изъ нихъ, вмѣсто стараго мистическаго направленія, пріобрѣтаютъ политическій характеръ. Въ умахъ патріотовъ-либераловъ носились идеалы общественнаго улучшенія; имъ хотѣлось основать на русской почвѣ свой «Тугендбундъ», союзъ добродѣтели, — тайное общество, которое, въ формахъ совершенной законности, съ идеалистической филантропіей, стремилось бы къ водворенію въ обществѣ добрыхъ нравовъ, справедливости и политическаго образованія. Дѣло было начато въ одной масонской ложѣ, но затѣмъ выдѣлилось изъ туманной масонской философіи въ болѣе широкую форму и съ болѣе рѣшительными планами «Союза благоденствія».

Въ этой-то области появились опять и славянскіе интересы. До сихъ поръ очень мало извѣстно, откуда шли и какъ опредѣлялись эти новые вопросы о славянствѣ: повидимому, къ прежнимъ національно-политическимъ мотивамъ прибавились еще новые. Это было время основанія конституціоннаго царства польскаго, — старыя антипатіи забывались, и возникало великодушное настроеніе, желавшее примирить оба народа на стремленіи къ общему благу... Въ Петербургѣ основывается польская масонская ложа; русскія ложи вступаютъ въ сношенія съ польскими ложами западнаго края и царства; впослѣдствіи возникаютъ отношенія и между тайными обществами. Въ общей мысли о славянствѣ, повидимому, особенную важность получилъ польскій вопросъ: польскій народъ былъ самый близкій намъ славянскій народъ; обстоятельства указывали для примиренія новую почву, — конституціонная форма, съ которой Польша являлась въ составѣ россійской имперіи, считалась тогда полити-

ческой панацеей; въ извѣстной варшавской рѣчи императора Александра встрѣчаются и другіе, болѣе широкіе намёки.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ объ этомъ движеніи ничего, кромѣ немногихъ неопредѣленныхъ указаній. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что еще въ 1818 году, 12-го марта, основана была въ Кіевѣ ложа «Соединенныхъ Славянъ» (Les Slaves réunis). Она была въ союзѣ съ петербургской «великой ложей» Астреи; но ея «система», по одному извѣстію, была система «Великаго Востока» польскаго (le rite du Grand Orient de Pologne); работала она на русскомъ и французскомъ языкахъ; фамиліи ея членовъ — русскія и польскія. На знакѣ ложи (крестъ, съ кругомъ въ серединѣ) изображены двѣ руки, поданныя на союзъ, и по четыремъ угламъ креста надпись по-польски: «Jedność Słowiańska» [1]). Послѣднее извѣстіе о ней мы имѣемъ отъ 1821 года.

Едва-ли сомнительно, что названіе «Соединенныхъ Славянъ» было выбрано не случайно; имъ вѣроятно хотѣли что-нибудь сказать, и такъ какъ ложа была въ Кіевѣ, гдѣ между прочимъ сталкивались двѣ стихіи, то, быть можетъ, этимъ именемъ выражалось ихъ примиреніе на болѣе широкомъ основаніи—цѣлаго славянскаго союза.

Что дѣлалось въ ложѣ и что съ ней сталось,—не знаемъ; но вскорѣ съ именемъ «Соединенныхъ Славянъ» является тайное общество, отдѣльное отъ «Союза благоденствія», такъ называемыхъ декабристовъ и присоединившееся къ нему только впослѣдствіи. Немногія свѣдѣнія о тайномъ обществѣ «Соединенныхъ Славянъ» остались въ докладѣ слѣдственной коммиссіи, 1825—26 года, и въ запискахъ, изданныхъ нѣсколько лѣтъ назадъ однимъ изъ декабристовъ, барономъ А. Е. Розеномъ [2]). По разсказу Розена,

[1]) Списокъ членовъ этой ложи «Tableau de la Grande Loge Astrée», pour l'an 58, à l'O. de St.-Petersbourg; см. также «Русскую Старину», 1878, январь, 187—189, гдѣ приведено и изображеніе масонскаго знака ложи Соедин. Славянъ.

[2]) Сначала по-нѣмецки: «Aus den Memoiren eines russischen Dekabristen». Leipz., 1869; потомъ явилось болѣе обширное русское

общество основано было въ 1823 году (по другимъ свѣдѣніямъ ранѣе) артиллеристами, братьями Борисовыми, состояло изъ тридцати-шести членовъ, и только въ 1825 году объ его существованіи узналъ одинъ изъ декабристовъ М. И. Бестужевъ-Рюминъ. «Цѣль общества, — по словамъ Розена, — заключалась *въ соединеніи* славянскихъ племенъ посредствомъ *федеративнаго союза*... съ удержаніемъ взаимной независимости», т.-е. то самое представленіе, какое мы видѣли въ планахъ Броневскаго. Поэтому, какъ говоритъ Розенъ, и на восьмиугольной печати «Общества Соединенныхъ Славянъ» означены были восемь колѣнъ славянскаго племени по принятому тогда этнографическому дѣленію: русскіе, сербы-хорваты, болгары, чехи, словаки, лужичане, словинцы и поляки, «всѣхъ до 30-ти милліоновъ». Въ 1825 году общество, по стараніямъ М. И. Бестужева-Рюмина и Сергѣя Муравьева-Апостола, присоединено было къ «южному» обществу, къ такъ называемой «Васильковской управѣ». «Славянамъ», какъ ихъ называли, сообщили «государственный завѣтъ», заключавшій въ себѣ сокращеніе «Русской правды» Пестеля, и съ нихъ взята была присяга.

И здѣсь опять неизвѣстны никакія ближайшія подробности о томъ, откуда возникли эти славянскія идеи и какъ онѣ развились до тайнаго политическаго общества. Но въ ложѣ и въ обществѣ «Соединенныхъ Славянъ» являются совсѣмъ разныя лица. Надобно желать, чтобы изданы были по крайней мѣрѣ тѣ матеріалы, какіе сохранились, напр.

изданіе. [А. Н. Пыпинъ говоритъ о заграничномъ русскомъ изданіи. Въ настоящее время имѣется новое изданіе «Записокъ декабриста» А. Е. Розена, выпущенное въ свѣтъ издательствомъ «Общественная Польза», Спб. 1907, съ предисловіемъ Н. Е. Щеголева. О ложѣ и объ обществѣ Соед. Славянъ имѣются болѣе полныя свѣдѣнія у В. И. Семевскаго «Политическія и общественныя идеи декабристовъ» Спб. 1909, тамъ же и подробныя указанія на литературу предмета; нѣкоторыя новыя свѣдѣнія объ этой печальной и своеобразной фазѣ либеральнаго славянофильства въ статьѣ Н. И. Коробки о братьяхъ Борисовыхъ въ «Современномъ», 1911, № 5. *В. В.* *вз.*]

записки одного изъ главныхъ дѣятелей этого общества, Горбачевскаго [1]).

Въ 1828 году начинается турецкая война. Эти войны были вообще почти единственныя встрѣчи русскихъ съ южнымъ славянствомъ, гдѣ сказывались историческія связи и гдѣ русскіе люди могли увидѣть и понять страшное настоящее угнетеннаго народа и его порывы къ свободѣ. И въ тѣ времена война не сдѣлала всего, что могла бы сдѣлать для облегченія балканскаго славянства; въ русскомъ обществѣ, не имѣвшемъ ни сколько-нибудь свободной литературы, ни приготовленности къ пониманію южно-славянскихъ отношеній, она прошла безъ тѣхъ сильныхъ впечатлѣній, какими, наприм., была исполнена послѣдняя война. Результаты ея для общества ограничились военнымъ шумомъ, оффиціальными торжествами побѣдъ и неяснымъ представленіемъ о покровительствѣ, оказанномъ единовѣрцамъ, — которыми въ частности однако мало интересовались. Только въ немногихъ развитыхъ лицахъ война оставила свои сильныя впечатлѣнія. Назовемъ Венелина, который еще раньше явился въ литературѣ адвокатомъ болгарскаго народа, возстановителемъ его исторической славы, и возбудителемъ его національной жизни; назовемъ Хомякова, который былъ свидѣтелемъ войны и вынесъ изъ нея или укрѣпилъ въ ней свои сочувствія къ славянству: около этихъ годовъ (1832) написано его знаменитое стихотвореніе «Орелъ» [2]).

Развязка дѣла декабристовъ была тяжелымъ ударомъ

[1]) Довольно знаменательно, что въ масонской ложѣ «Соединенныхъ Славянъ» находился, между прочимъ, въ качествѣ «намѣстника мастера», Леонтій Вас. Дуббельтъ, впослѣдствіи столь извѣстный дѣятель. [Записки Горбачевскаго, о которыхъ говоритъ А. Н. Пыпинъ, были напечатаны подъ названіемъ «Записки неизвѣстнаго» въ «Русскомъ Архивѣ», 1882, т. I. *В. Б.*]

[2]) О впечатлѣніяхъ войны, или о встрѣчахъ съ болгарскимъ народомъ, даютъ нѣсколько любопытныхъ подробностей записки почтеннаго доктора Зеидлица, друга и впослѣдствіи біографа Жуковскаго, въ «Р. Архивѣ» 1878.

для внутренняго развитія русскаго общества: она устранила изъ него цѣлый слой образованныхъ людей, навела страхъ на другихъ; цѣлый рядъ вопросовъ—въ томъ числѣ и славянскій—былъ компрометтированъ; въ глазахъ властей молчаніе общества и литературы казалось признакомъ и ручательствомъ благоденствія и благонадежности. Но заглушенная на время общественная мысль не остановилась; она пошла другими путями, и въ обходъ достигала болѣе сознательно до тѣхъ же вопросовъ, отъ которыхъ была оттолкнута. Не всѣ нити были порваны, въ новыхъ поколѣніяхъ осталась память о лицахъ и ихъ стремленіяхъ, а главное, само время наводило все больше и больше на предметы національнаго развитія, и съ научной стороны, гдѣ у насъ начинала свое вліяніе нѣмецкая философія и новыя историческія школы, и съ реальной, гдѣ событія (въ особенности іюльская революція съ ея различными отголосками) требовали объясненія и вмѣстѣ давали его. Венелинъ былъ уже панславистъ; турецкая война дала толчекъ идеямъ славянскаго освобожденія; въ 1820-хъ годахъ Мицкевичъ, высланный изъ Вильны, жилъ нѣсколько времени въ Петербургѣ и Москвѣ, и принятъ былъ здѣсь съ сочувствіями и уваженіемъ; польское возстаніе вызывало снова мудреный вопросъ объ отношеніяхъ къ ближайшему славянскому народу. Пушкинъ отозвался на возстаніе знаменитымъ стихотвореніемъ «Клеветникамъ Россіи», гдѣ этотъ вопросъ поставленъ съ оффиціальной политической стороны, но оставалась еще сторона національно-общественная, и ее начинали понимать.

Во внѣшнихъ политическихъ дѣлахъ Россія сохранила положеніе, принятое по наслѣдію отъ императора Александра I; она пользовалась вліятельнымъ голосомъ въ дѣлахъ Европы, тѣмъ болѣе, что направленіе правительства было совершенно опредѣленно,—хотя свободное отъ узкостей русской политики послѣднихъ лѣтъ имп. Александра I, оно все-таки исполняло программу священнаго вѣнскаго союза. Ни въ Европѣ, ни у насъ никто не имѣлъ сомнѣнія

о военномъ могуществѣ Россіи. Внутри было оффиціально заявлено начало «народности» съ чисто консервативными аттрибутами, съ видами на ихъ широчайшее развитіе въ «самостоятельномъ русскомъ духѣ», въ независимости отъ Европы и даже въ противоположности со всѣми ея новѣйшими идеями, признанными за превратныя и революціонныя. Въ соединеніи съ внѣшней политической силой, никѣмъ не оспориваемой, это «народное» направленіе предполагало историческую миссію, и многіе подумали, что эта миссія должна была возвратить Россію къ славянскому вопросу.

Въ тридцатыхъ годахъ именно и назрѣваетъ направленіе, которое назвали потомъ «славянофильскимъ». Оно еще не нашло тогда настоящаго литературнаго выраженія — тѣмъ болѣе, что политическая сторона предмета (а она была неизбѣжна въ славянскомъ вопросѣ) была абсолютно недоступна для литературы, которой не позволялись политическія разсужденія. Но любопытнѣйшее свидѣтельство о тогдашнемъ положеніи славянофильскихъ идей осталось въ двухъ «запискахъ» Погодина, представленныхъ имъ въ 1839 и 1842 годахъ министру народнаго просвѣщенія (и составлявшихъ тогда канцелярско-дипломатическую тайну).

Погодинъ, въ то время профессоръ въ Московскомъ университетѣ и авторитетъ по русской исторіи, изложилъ въ этихъ запискахъ свои мнѣнія и наблюденія о положеніи славянскаго міра и о томъ, какой взглядъ и способъ дѣйствій вытекаетъ изъ этого положенія для Россіи. Не знаемъ, было ли Погодину поручено составить эти доклады, или онъ сдѣлалъ это по собственному побужденію, — какъ увидимъ далѣе, доклады были приняты довольно холодно. Въ запискахъ была цѣлая панславистская программа. И до сихъ поръ на русскомъ языкѣ не появилось другого трактата о вопросѣ, написаннаго съ такимъ панславянскимъ жаромъ и настойчивостью. Такъ какъ записка назначалась не для печати, а для конфиденціальнаго чтенія, то мы встрѣчаемъ въ ней такую прямоту изложенія, какой напрасно искали

бы въ тогдашней печати: послѣдняя и въ славянскомъ вопросѣ безмолвствовала.

Характеръ Погодина какъ писателя и свойства его какъ патріота—достаточно извѣстны. Онъ таковъ же и въ этихъ запискахъ. Чтобы понять исходную точку, изъ которой идутъ его мысли о славянскихъ дѣлахъ, надо прочесть сначала еще одну его конфиденціальную записку—о состояніи самой Россіи, составленную годомъ раньше, въ 1838 году.

Эта записка *) крайнее выраженіе той національной гордости, какая въ тѣ времена порождалась упомянутыми политическими обстоятельствами: Россія — первое государство въ мірѣ; русскій монархъ всемогущъ; величіе Россіи не имѣетъ себѣ равныхъ.

«Россія! что это за чудное явленіе на поприщѣ міра!..

«Россія—населеніе изъ 60 милліоновъ человѣкъ, коихъ счесть было возможно, кромѣ тѣхъ, коимъ еще счету нѣтъ, населеніе, которое ежегодно увеличивается милліономъ и вскорѣ дойдетъ до ста... А *если* мы прибавимъ еще 30 милліоновъ своихъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ, славянъ, разсыпанныхъ по всей Европѣ, отъ Константинополя до Венеціи, и отъ Мореи до Балтійскаго и Нѣмецкаго морей, славянъ, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нашею, которые говорятъ однимъ языкомъ и, слѣдовательно, по закону природы, намъ сочувствуютъ, которые, несмотря на географическое и политическое разлученіе, составляютъ одно нравственное цѣлое съ нами, по происхожденію и языку! *Вычтемъ* это количество изъ сосѣдней Австріи и Турціи, а потомъ изъ всей Европы, и приложимъ къ нашему. Что останется у нихъ, и сколько выйдетъ насъ? Мысль останавливается, духъ захватываетъ!—Девятая часть всей обитаемой земли, и чуть ли не девятая часть всего народонаселенія. Полъ-экватора, четверть меридіана!»

Россія — государство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ

*) Историко-политическія письма и записки, М. Погодина М. 1874, стр. 1—44

почвы, всѣ климаты, обилуетъ всѣми необходимыми произведеніями; «золота и серебра, кои почти перевелись въ Европѣ, мы имѣемъ горы (? »; «хлѣба—мы накормимъ всю Европу въ голодный годъ; лѣса—мы ее обстроимъ, если бы она, оборони Боже, выгорѣла; льна, пеньки, кожи—мы ее одѣнемъ и обуемъ». Гдѣ могутъ такъ процвѣтать фабрики, при «дешевизнѣ рукъ» и «умѣренныхъ нуждахъ» работниковъ, гдѣ можетъ процвѣтать торговля? Но физическія силы Россіи еще ничто въ сравненіи съ нравственными силами: это — толкъ, удаль, понятливость, терпѣніе, военныя качества русскаго народа. Всѣ эти силы составляютъ «одну огромную махину, расположенную самымъ простымъ, удачнымъ образомъ, управляемую рукою одного человѣка, рукою русскаго царя, который во всякое мгновеніе единымъ движеніемъ можетъ давать ей ходъ, сообщать какое угодно ему направленіе и производить какую угодно быстроту» эта махина притомъ—одушевленная единымъ чувствомъ.

«Спрашиваю, можетъ ли кто состязаться съ нами, и кого не принудимъ мы къ послушанію? Въ нашихъ ли рукахъ политическая судьба Европы, и слѣдственно *судьба міра*, если только мы *захотимъ рѣшать ее*?»

Погодинъ ни на минуту не усумнился отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, —судьба міра въ нашихъ рукахъ, потому что, «въ противоположность русской силѣ, цѣлости, единодушію, тамъ, т.-е. въ Европѣ (остального міра онъ не находилъ нужнымъ считать) распри, дробность, слабость, коими еще болѣе, какъ тѣнью свѣтъ, возвышаются наши средства».

Разбирая въ частности положеніе европейскихъ государствъ, Погодинъ убѣждается, что Европѣ нечего и думать равняться съ нами, что она даже сама это чувствуетъ и лишь стыдится признаться въ этомъ. «Вообще будущее принадлежитъ славянамъ».

Въ исторіи есть очередь для народовъ; она теперь наступила для славянскаго племени.

«Но какое же племя между славянами занимаетъ теперь

первое мѣсто? Какое племя по своему составу, языку, совокупности свойствъ, можетъ назваться представителемъ всего славянскаго міра? Какое болѣе имѣетъ залоговъ въ своемъ настоящемъ положеніи и прошедшей исторіи для будущаго величія? Какое ближе всѣхъ къ этой высокой цѣли? Какое имѣетъ болѣе видимой возможности достигнуть ее? Какое...

«Сердце трепещетъ отъ радости... о Россія, о мое отечество! Не тебѣ ли!.. О, если бы тебѣ! Тебѣ, тебѣ суждено довершить, увѣнчать развитіе человѣчества»..

Таковы были общіе взгляды, которые вполнѣ отвѣчали господствовавшей оффиціальной народности. Погодинъ былъ человѣкъ по-своему очень тонкій и разсчетливый; но, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ изложенныхъ взглядахъ было сказано то, что онъ искренно думалъ о первостепенномъ могуществѣ Россіи. Внѣшнее значеніе Россіи, дѣйствительно признаваемое въ Европѣ, а съ другой стороны большая неопытность нашего общества въ критикѣ общественно-политическихъ дѣлъ, и патріотическія увлеченія порождали крайнее самообольщеніе, которое и выразилось приведенными выше гиперболами и диѳирамбами. Послѣ, въ пятидесятыхъ годахъ, Погодинъ увидѣлъ отчасти свои ошибки; но въ эту пору онъ не измѣнялъ своего восторженнаго тона. Участіе въ славянскихъ дѣлахъ, въ необходимости котораго онъ желалъ убѣдить правительство, должно было, по его понятіямъ, довершить кругъ дѣйствій оффиціальной народности и еще усилить могущество Россіи въ Европѣ.

Обѣ записки его о славянскихъ дѣлахъ [1]) предназначались для убѣжденія правительства въ этой необходимости. Въ обѣихъ онъ съ хорошимъ знаніемъ дѣла говоритъ о положеніи австрійскихъ славянъ и вообще славянскаго міра,—о всеобщемъ пробужденіи славянскихъ народностей, о стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, какимъ подвергаются онѣ въ Австріи, о всеобщемъ влеченіи славянскихъ племенъ къ Россіи, отъ которой одной они ждутъ сочувствія и помощи.

[1]) Историко-полит. письма и записки, стр. 15—45, 46—69.

«Австрія,—говорилъ Погодинъ въ 1839 г.,—похожа на гробъ повапленный, на старое дерево, гніющее внутри, хотя и одѣтое снаружи листьями, такое дерево, которое одинъ порывъ вѣтра можетъ исторгнуть съ корнемъ вонъ». «Австрія,— говорилъ онъ въ 1842 г.,—слабѣетъ часъ-отъ-часу и едва-ли больше Турціи заключаетъ въ себѣ внутренней самостоятельности. При первой войнѣ, гдѣ бы то ни было, она можетъ разорваться на части».

Погодинъ объяснялъ, что Россіи необходимо показать славянамъ свое участіе; указывалъ, что враги Россіи стараются вредить ей въ глазахъ славянъ, что есть даже планы основать на югѣ изъ турецкихъ областей славянское государство, которое стало бы противъ Россіи, какъ вторая Польша; предупреждалъ, что славяне жалуются на Россію, на ея чрезмѣрную осторожность, что такимъ образомъ приверженность можетъ обратиться въ ненависть, и это «при нынѣшнемъ быстромъ ходѣ дѣлъ» можетъ произойти даже скоро и т. д.

Погодинъ показалъ въ обѣихъ запискахъ много сочувствія къ славянамъ и ихъ возникающему движенію; дома онъ старался выхлопотать пособіе славянскимъ ученымъ, дѣлалъ цѣлыи рядъ предложеній о покровительствѣ ученымъ работамъ по славянству и т. д. Вообще въ славянствѣ ему видѣлось возникновеніе новаго великаго міра, родственнаго и союзнаго Россіи, видѣлось новое развитіе самого русскаго могущества, матеріальнаго и нравственнаго.

Но онъ очень ошибался въ своихъ надеждахъ и разсчетахъ, какъ ошибочна была сама исходная его точка. Россія была не такова, какъ онъ ее воображалъ, и въ ней не могла встрѣтить успѣха политика, которой онъ съ такимъ нетерпѣніемъ выпрашивалъ. Одна часть его сочувствій къ славянству была ученая, историческая и археологическая эта сторона дѣла мало кого интересовала въ тогдашнихъ высшихъ, да и другихъ кругахъ (это можно сказать и по сію пору). Сдѣлано было, правда, одно важное, какъ показали результаты, дѣло, именно учрежденіе славянскихъ

каѳедръ въ нашихъ университетахъ и посылка молодыхъ ученыхъ въ славянскія земли для приготовленія къ занятію этихъ каѳедръ; было, кромѣ того, роздано нѣсколько орденовъ славянскимъ ученымъ (и какъ нѣкоторые гордились ими!), нѣсколько незначительныхъ пособій,—но этимъ все и кончилось. Славяне австрійскіе не дождались затѣмъ никакой другой помощи.

Погодинъ старался проводить свои мысли и въ литературѣ. Для этого, между прочимъ, былъ имъ основанъ знаменитый «Москвитянинъ»; но политическая постановка вопроса была невозможна по условіямъ литературы, а ея мѣсто заняла національно-мистическая теорія съ археологическими спеціальностями (въ самой западно-славянской литературѣ эта археологическая ступень національнаго возрожденія еще занимала тогда большое мѣсто): національный мистицизмъ казался читателямъ, а особенно противникамъ, странной, неискренней, безплодной, а въ концѣ-концовъ даже вредной сантиментальностью, археологія — невразумительной и скучной, а мелочи, за которыми часто гонялся журналъ Погодина, вызывали, наконецъ, насмѣшку. Герценъ въ извѣстной статьѣ «Умъ хорошо, а два лучше» — острилъ надъ Погодинымъ, что, осудивъ Европу на погибель, онъ милуетъ въ ней только *западныхъ* славянъ, потому что считаетъ ихъ *восточными*[1] — игра словъ, заключавшая и очень серьезную мысль. Здѣсь чувствовалась вторая ошибка, сдѣланная Погодинымъ. Среди гиперболъ и диѳирамбовъ, какими онъ изображалъ положеніе Россіи, онъ не увидѣлъ весьма существенныхъ сторонъ дѣла, — не увидѣлъ, что освобожденіе славянства не могло быть задачей тогдашней Россіи. Ему пріятно было говорить объ упадкѣ Турціи, о полной несостоятельности Австріи, о предстоящемъ историческомъ воскресеніи славянства; но

[1] «Русск. Старина», 1871. Статья напечатана въ VIII т. заграничнаго (Жевлева, 1879) и въ IV т. С.-Петербургскаго (1905) собранія «Сочиненій Герцена». Подъ статьею въ заграничномъ изданіи сдѣлано ошибочное примѣчаніе: «Не была напечатана». *В. В—въ*].

онъ не видѣлъ, или не желалъ видѣть, что тогдашняя Россія не только не думала, но никакъ не могла бы этимъ воспользоваться: вѣдь освобожденіе славянъ было бы нарушеніемъ существующаго порядка вещей (мы берегли тогда не только Австрію, но и Турцію), попраніемъ «законности», революціей.

Погодинъ замѣчаетъ къ своей первой запискѣ: «ни одного изъ вышеприведенныхъ предложеній не было тогда исполнено», и ко второй: «это письмо осталось въ министерствѣ, по слишкомъ рѣзкому несогласію съ общимъ мнѣніемъ». Почему же?

Въ результатѣ получилось нѣчто обоюдное и сомнительное: сочувствія славянства и къ славянству не отвергались въ высшихъ сферахъ, но и не очень поощрялись. Погодинъ и явившіеся вскорѣ славянофилы были, очевидно, преданные граждане, но ихъ ревность къ славянскому вопросу казалась подозрительной, потому что, какъ замѣчено выше, самая постановка его въ смыслѣ освобожденія не могла быть одобрена, какъ возстаніе противъ австрійской и турецкой законности.

Наконецъ, была еще одна ошибка. Погодинъ воображалъ, что наша помощь славянскому возрожденію и установленіе тѣсныхъ связей Россіи съ славянскимъ міромъ могутъ быть достигнуты путемъ конфиденціальныхъ сообщеній, тайныхъ пособій, канцелярскихъ поощреній — словомъ, по системѣ «шито и крыто», а не именно наоборотъ — свободной дѣятельностью самого общества, слѣдовательно путемъ открытаго заявленія принциповъ, возбужденія національныхъ сочувствій, объясненія политической и общественной важности вопроса (и затѣмъ, соотвѣтственной этому политики). Но для этого требовался совсѣмъ иной характеръ общественнаго быта и литературы, чѣмъ какой обрѣтался въ тогдашней русской дѣйствительности. Не видѣть этого было странно, и Погодинъ еще разъ возстановлялъ противъ себя такъ-называемую «западную партію». Диѳирамбическій тонъ, какимъ онъ говорилъ и въ журналѣ и ко-

торому могли бы противорѣчить его собственные опыты по славянскому вопросу; возбуждалъ сомнѣнія въ своей искренности; его рекомендація славянскихъ интересовъ, въ соединеніи съ этимъ сомнительнымъ пунктомъ, встрѣчала не только насмѣшки, но иногда и негодованіе. «Западная» партія, въ полемическомъ раздраженіи, иногда брала черезъ край, но она вѣрно чувствовала, что прежде, чѣмъ поднимать подобные вопросы, необходимо было позаботиться о гораздо болѣе элементарныхъ и существенныхъ потребностяхъ самого русскаго общества, — что разрѣшеніе славянскаго вопроса заключается прежде всего въ реформахъ у себя дома.

Впослѣдствіи, когда готовилась и началась крымская война, Погодинъ почувствовалъ, что его прежнія гиперболы были немного чрезмѣрны; событія складывались совсѣмъ иначе, нежели онъ пророчилъ въ 1838 году; извнѣ собиралась гроза, которой нельзя было пренебрегать; внутри оказывались неустройства, какихъ не должно бы быть въ изумительной «махинѣ», которую Погодинъ изображалъ съ такимъ восторгомъ. Крымская война была отрезвленіемъ. Завѣса спадала съ глазъ; общество наше оставалось сдержаннымъ, но въ немъ все-таки явилось невиданное прежде возбужденіе. Началась рукописная литература, не попадавшая въ печать, но всѣмъ извѣстная; большею частью, не совсѣмъ пріятная высшимъ сферамъ, но, тѣмъ не менѣе, не преслѣдуемая [1]). Самымъ ревностнымъ авторомъ въ этой литературѣ явился Погодинъ — и, конечно, его писанія никогда не имѣли такого успѣха, какъ въ этомъ рукописномъ видѣ [2]). Событія такъ опровергали его самого, что онъ не сохранилъ своего прежняго торжественно-панегири-

[1]) Впослѣдствіи многое изъ этой литературы явилось въ «Голосахъ изъ Россіи».

[2]) Онѣ печатались потомъ, уже въ наше время, отдѣльными статьями въ разныхъ изданіяхъ, и собраны въ упомянутомъ выше сборникѣ 1874 года, который, впрочемъ, и тогда не получилъ полнаго права гражданства.

ческаго настроенія, пошелъ на обличенія, и — очень хорошо самъ отвѣтилъ на многое изъ своихъ старыхъ писаній. Въ этихъ его письмахъ и запискахъ возвратился опять и славянскій вопросъ — какъ скажемъ далѣе.

По хронологической послѣдовательности, раньше надо остановиться на одномъ малоизвѣстномъ фактѣ, который занимаетъ своеобразное и почетное мѣсто въ исторіи русскаго панславизма и, вмѣстѣ, прискорбнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ невозможна была въ тѣ времена свободная общественная инициатива, безъ которой, однако, немыслимо успѣшное развитіе у насъ славянскаго вопроса. Этотъ фактъ есть «Кирилло-Меѳодіевское братство», основанное въ сороковыхъ годахъ въ Кіевѣ Н. И. Костомаровымъ и его друзьями.

Въ 1846 году въ Кіевѣ собрался небольшой кружокъ малорусскихъ патріотовъ, одушевленныхъ тѣмъ интересомъ къ народу и народности, который въ тѣ годы былъ общимъ явленіемъ въ литературѣ всѣхъ славянскихъ племенъ и у насъ также вызывалъ труды, получившіе большое значеніе для нашего общественнаго сознанія. Намъ случалось говорить объ этомъ обращеніи къ народу — и въ научныхъ изслѣдованіяхъ этнографическихъ, и въ построеніи историческихъ теорій, и въ новой литературной школѣ. Здѣсь довольно сказать, что въ кіевскомъ кружкѣ были между прочимъ замѣчательные люди, которые потомъ пріобрѣли себѣ большое имя въ малорусской и русской поэзіи и наукѣ, да и въ то время имѣли уже значительную извѣстность. Что были Костомаровъ, г. Кулишъ и Шевченко. Въ средѣ этихъ молодыхъ писателей и ихъ друзей, дѣлившихъ тѣ же теплыя и идеальныя сочувствія къ народности, возникла мысль составить общество, съ цѣлью дѣйствовать — мирно и законно — какъ для внутренняго развитія украинскаго народа, такъ и для распространенія идеи славянскаго взаим-

ности [1]). Это уже не было туманное влеченіе прежнихъ временъ, которое больше руководилось чувствомъ и политическимъ патріотизмомъ, нежели знаніемъ и близостью къ народной стихіи. Напротивъ, теперь, черезъ поколѣніе послѣ «Соединенныхъ Славянъ», основаніемъ взглядовъ было уже настоящее (хотя, правда, еще только начавшееся) изученіе своего народа, гораздо болѣе серьёзное, чѣмъ когда-нибудь прежде, разумѣніе историческаго и общественнаго значенія народнаго элемента, сознательное исканіе народнаго блага; славянскія симпатіи имѣли уже опредѣленную подкладку,—друзья кружка видѣли въ славянствѣ то цѣлое, къ которому примыкаетъ ихъ народъ, имъ знакомы были идеи, бродившія тогда въ славянскомъ мірѣ, и взаимность справедливо казалась имъ необходимой, какъ ручательство прочности ихъ собственнаго дѣла.

Общество задумывалось на самыхъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ основаніяхъ [2]). Рѣшено было приглашать образованнѣйшихъ людей, которые, вліяя на молодое поколѣніе, готовили бы его къ будущей дѣятельности; дѣйствовать на общество хотѣли только силою мысли и убѣжденія, чистыми средствами, избѣгая всякихъ мѣръ насильственныхъ; въ религіозныхъ предметахъ признавалась полная свобода мнѣній. Относительно Украйны въ кружкѣ думали прежде

[1]) Надо впрочемъ оговорить, что г. Кулишъ, жившій въ эту пору въ Петербургѣ, въ самомъ составленіи общества не участвовалъ.

[2]) Въ русской литературѣ донынѣ не была разсказана исторія этого любопытнаго общества. Мы не уполномочены пользоваться своими личными свѣдѣніями, и излагаемъ то, что уже было разсказано въ печати. См., напр., чешскій «Словникъ Научный», въ біографіяхъ Костомарова, Шевченка, Кулиша, и «Жизнь Кулиша» въ «Галицкой Правдѣ», 1868, №№ 2—4, 22—28). Воспоминанія г. Костомарова въ пражскомъ изданіи Шевченка; статьи въ «Поляхъ Славянъ»; біографія г. Костомарова въ «Русскихъ дѣятеляхъ» Баумана—очень неполны. Въ книгѣ г. Кирковде «O literaturze pobrat. połow.», стр. 64, о преслѣдованіи Костомаровскаго кружка, написанъ вздоръ. В. Кирилло-Меѳодіевскому Обществу 1846—47 г. посвящено въ настоящее время спеціальное изслѣдованіе В. И. Семевскаго, напечатанное въ «Русскомъ Богатствѣ», 1911, № 8—9. *В. В—въ*.

всего о просвѣщеніи народа, объ изданіи для народа полезныхъ книгъ, объ основаніи сельскихъ школъ при содѣйствіи образованныхъ помѣщиковъ. Одну изъ первыхъ необходимостей видѣли въ уничтоженіи крѣпостного права, въ отмѣнѣ сословныхъ привилегій, тѣлесныхъ наказаній и т. п., и рѣшали дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на умы, чтобы, распространяя здравыя понятія, облегчить и ускорить эти реформы. Кружокъ состоялъ исключительно изъ малоруссовъ, но чтобы показать, что Украйна, которой они въ частности посвящали свои труды, вовсе не была ихъ исключительнымъ интересомъ, они выбрали патронами своего общества всеславянскихъ апостоловъ и назвали его «Кирилло-Меѳодіевскимъ братствомъ». Настроеніе кружка было вообще гуманно-идеалистическое, съ великими сочувствіями къ народу; главные представители «братства» мечтали объ очищенномъ идеальномъ христіанствѣ, которое всѣхъ любитъ, особенно бѣдняка, которое стоитъ за правду и народность. Слѣды этого христіанско-идеалистическаго направленія можно найти въ стихотвореніяхъ Іфреміи Галки (тогдашній псевдонимъ г. Костомарова), у Шевченка и у Кулиша. Въ томъ же гуманно-свободолюбивомъ духѣ ставился и славянскій вопросъ. То, что говорилось въ кружкѣ теоретически, Шевченко переклалъ въ поэтическіе образы и лирику (посланіе къ Шафарику и др.). «Изъ этого одного можно видѣть, — говоритъ знающій разсказчикъ, галицкій біографъ Кулиша, какимъ духомъ отличался кіевскій украинскій кружокъ. Христіанство и исторія славянъ были имъ свѣтомъ и тепломъ для великаго подвига. Всѣ они хорошо знали и высоко почитали св. писаніе. Они твердо стояли на той мысли, что славянамъ надо надѣяться не на дипломатію, что для этого дѣла нужны новые люди и новая сила, и этой силой должна быть чистота сердца, истинное просвѣщеніе, свобода народа и христіанское самопожертвованіе». Ихъ политическимъ идеаломъ было не централизованное государство, а *федерація* подъ протекторствомъ русскаго императора; но чтобы это стало возможно,

надо стремиться прежде всего — распространять убѣжденіе о необходимости уничтоженія крѣпостного права и расширенія просвѣщенія.

«Кирилло-Меѳодіевское братство» представляетъ въ исторіи русскаго панславизма фактъ чрезвычайно любопытный,— онъ возникалъ изъ среды самого общества, внѣ всякихъ возбужденій отъ оффиціальной народности какъ у Погодина, исходилъ не изъ охоты къ политическимъ комбинаціямъ, а изъ непосредственнаго сочувствія къ народу и народной жизни; эта школа панславизма не имѣла вовсе того притязанія на гегемонію, какое почти неизмѣнно высказывалось въ панславизмѣ московскомъ, особенно въ новѣйшемъ. Принимая свободу религіозныхъ мнѣній, братство отвергало всякую пропаганду (московскій панславизмъ всегда отождествлялъ себя съ восточной церковью): предполагалось только склонять славянъ-католиковъ принять въ богослуженіи славянскій языкъ. Чувствовалась уже здѣсь необходимость общаго литературнаго языка, но не выставлялось пока никакого рѣшенія: въ этомъ вопросѣ также отвергалось всякое насильственное подчиненіе одного языка другому, и признавалась ихъ равноправность—съ тѣмъ, конечно, что ходъ развитія долженъ будетъ дать наиболѣе естественный результатъ. Въ этихъ взглядахъ было, какъ видимъ, очень много справедливаго, и въ дальнѣйшемъ развитіи между-славянскихъ отношеній безъ сомнѣнія должна будетъ все больше получать силы именно эта теорія равноправности и свободы.

Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ идеалы не сошлись съ дѣйствительностью, и она зачинила свое противорѣчіе самымъ рѣзкимъ образомъ. Мысли «братства» были сочтены столь опасными, что ихъ постигло суровое осужденіе: кружокъ былъ разсѣянъ, главные представители его должны были вынести заключеніе и ссылку[1]

[1] Какъ говорятъ, въ приговорѣ относительно Костомарова сказано было, что онъ осуждается за основаніе тайнаго общества,

Возвращаемся къ Погодину. Въ томъ настроеніи, въ какомъ было цѣлое общество въ эпоху крымской войны, и мысли Погодина сильно измѣнились. Прежній азартный панегиристъ превратился въ довольно азартнаго критика и обличителя,—многое говорилось, по времени, положительно смѣло, хотя впослѣдствіи онъ умѣлъ, когда требовалось, и запамятовать свои обличенія. Нѣсколько выдержекъ дадутъ понятіе объ этомъ поворотѣ его мнѣній, — идѣ, впрочемъ, говоря собственно о славянствѣ, онъ могъ сослаться и на свои прежнія указанія. Его обличенія вообще гораздо вѣрнѣе, — и вѣроятно правдивѣе — панегириковъ, и нѣкоторыя подробности изъ нихъ остаются справедливы и примѣнимы по настоящую минуту.

Вотъ сужденіе о союзѣ съ Австріей, писанное въ декабрѣ 1853 года:

«Союзъ Австріи съ Россіей еще противоестественнѣе союза Франціи съ Англіей. Что это за союзъ, укажу на маловажный примѣръ, если одной книги, одного нумера газеты или журнала, нельзя переслать изъ Россіи въ Австрію безъ величайшаго затрудненія, какъ будто бы они были пропитаны ядомъ. Утвердиться Россіи на Дунаѣ Австрія всегда будетъ мѣшать больше, нежели даже Франція и Англія... Изъ чего мы будемъ хлопотать? А *пожертвовать* для нея *славянами* значитъ *обрубать себѣ руки*, увѣчить свое дѣло.

«Австрію выгоднѣе имѣть намъ врагомъ, нежели другомъ, выгоднѣе во всѣхъ отношеніяхъ»... 1).

Въ замѣчательномъ «Взглядѣ на русскую политику въ нынѣшнемъ столѣтіи», писанномъ въ апрѣлѣ 1854, Погодинъ очень мѣтко говоритъ о томъ «безкорыстіи» и «великодушіи», которыми Россія постоянно хотѣла хвалиться передъ Европой, которымъ никто, однако, не вѣрилъ и ко-

въ которомъ обязательно *объединяется* славянство въ одно государство.

1) Историко-полит. письма, стр. 76—77.

торыя не принесли намъ ни малѣйшей пользы. По поводу предоставленія Австріи «одного изъ важнѣйшихъ европейскихъ пунктовъ», Кракова, въ 1846, Погодинъ говоритъ:

«Россія простирала свою снисходительность до того, что старалась всѣми силами избѣгать даже малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ или подозрѣніямъ, и приносила въ жертву всѣ свои самые дорогіе, кровные интересы, отказываясь отъ священнѣйшихъ чувствованій. Все для европейскаго порядка, который былъ, кажется, высшею, единственною ея цѣлію. Тридцать милліоновъ народа славянскаго... было оставляемо почти безъ малѣйшаго участія въ ихъ горестной судьбѣ, на жертву всѣмъ истязаніямъ... единственно потому, чтобъ эта помощь и это участіе не произвели какого-нибудь смущенія, непріятнаго чувства въ союзныхъ державахъ, преимущественно въ Австріи. Даже ученые русскіе путешественники не получали почти никакого пособія со стороны русскаго правительства и должны были прибѣгать къ чужимъ миссіямъ за содѣйствіемъ въ ихъ трудахъ на пользу науки.—Вотъ до какой почти унизительной степени доводима была дипломатическая деликатность, особенно въ отношеніи къ Австріи и Пруссіи»! [1]).

Онъ съ радостью, даже восторгомъ говоритъ дальше о томъ, что Австрія заявила наконецъ себя открыто враждебной Россіи.

Но и не одна Австрія, всѣ европейскія государства враждебны къ намъ (1854):

«Итакъ, русская политика, въ отношеніи къ европейскимъ государямъ, которые всѣ становятся противъ насъ, оказалась очевидно несостоятельною и, слѣдовательно, съ этой стороны не принесла намъ ничего, кромѣ вреда.

«Но не оказала ли она послѣдствій, болѣе благопріятныхъ, со стороны *народовъ*?

[1]) Тамъ же, стр. 83—84, 87. Что дѣло не измѣнилось и теперь въ этомъ отношеніи, см. Отеч. Зап. 1878, № 6. «На славянскомъ распутьи».

«Народы возненавидѣли Россію... Народы видятъ въ Россіи, съ ея могуществомъ, главнѣйшее препятствіе къ ихъ развитію и преуспѣянію, злобствуютъ за ея вмѣшательство въ ихъ дѣла... и съ радости ухватились теперь за первый открывшійся случай сколько-нибудь поколебать ее»... [1]).

Онъ говоритъ дальше о томъ принципѣ «законнаго порядка», который Россія бралась защищать и поддерживать во всѣхъ углахъ Европы въ силу рѣшеній вѣнскаго конгресса, чѣмъ и занималась всю половину нынѣшняго столѣтія. Оказывалось, что и «законный порядокъ» не былъ поддержанъ: революціонныя и либеральныя движенія, которыя Россія хотѣла остановить, все-таки произошли,—и, разумѣется, это только возбуждало ненависть къ намъ въ Европѣ.

«Гдѣ собственно имѣли мы успѣхъ, гдѣ получили мы награду за свои старанія, гдѣ видѣли мы исполненіе своего начала?

«Только въ Австріи, Пруссіи и Германіи. Россія, съ милліономъ войска, въ продолженіе сорока лѣтъ, стояла у нихъ на границѣ какъ будочникъ, и содѣйствовала точно къ сохраненію порядка у нихъ, себѣ на голову, какъ теперь оказалось. Впрочемъ, и этотъ успѣхъ нельзя принимать совершенно безусловно», — потому что и въ Австріи и въ Пруссіи все-таки произошли революціи [2]).

Погодинъ, разумѣется, не могъ обойтись безъ того, чтобы не вставить обычныхъ этой школѣ тирадъ противъ «европейскаго духа», который представляется не иначе какъ революціоннымъ и превратнымъ. Свои послѣднія разсужденія онъ самъ ослабляетъ сомнѣніемъ: не нужно ли было въ самомъ дѣлѣ Россіи блюсти за этимъ духомъ (т.-е. играть роль будочника, по его же выраженію), потому что-де иначе, пожалуй, въ «республиканскомъ неистовствѣ» французовъ могла погибнуть «собственность», «всѣ плоды цивилизаціи и наукъ» и раздаться «всеобщій

[1]) Стр. 88—89.
[2]) Стр. 91.

шарапъ». Въ этомъ родѣ на его памфлеты 1854 отвѣчалъ тогда же неизвѣстный авторъ (теперь говорятъ, самъ Нессельроде) во французской запискѣ, которая отпечатана была впослѣдствіи и приложена Погодинымъ въ его изданіи. Онъ и въ 1874 не нашелся что сказать противъ нея. Такимъ образомъ, съ *этой* стороны, въ опредѣленіи отношеній Россіи къ европейскому политическому порядку, Погодинъ не съумѣлъ самъ выдержать своего взгляда на странность этихъ отношеній, кончившихся тѣмъ, что Россія, бравшая на себя полицейскую заботу въ чужихъ дѣлахъ, возстановила противъ себя цѣлую Европу. Но этотъ взглядъ раздѣлялся вообще образованнѣйшими русскими людьми, хотя на другихъ основаніяхъ: роль Россіи казалась имъ просто ретроградной, что и возбуждало къ ней вражду; «европейскій духъ» не все же былъ «превратный»,—въ немъ было и то, что только есть въ европейской образованности разумнаго, въ поэзіи возвышеннаго, въ общественныхъ идеяхъ справедливаго и великодушнаго. Потрясенія крымской войны показали ясно всѣмъ, кто только способенъ серьезно всматриваться въ факты — насколько раціональны были наши собственные идеи и порядки.

Но, повторяя нелѣпости своей школы въ сужденіяхъ о Европѣ, Погодинъ, по отношенію къ славянскому вопросу, умѣлъ сохранить больше здраваго смысла и не уступалъ своихъ привязанностей. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что, ради «высшихъ» задачъ нашей дипломатіи и политики, все-таки приносились въ жертву славяне. Приводимъ еще выдержки; онѣ очень характерны и не потеряли интереса хоть и въ настоящую минуту.

Война начиналась. Россія не имѣла союзниковъ.

«Гдѣ же искать намъ союзниковъ? — спрашиваетъ Погодинъ въ маѣ 1854 г. Кажется, всѣ европейцы теперь противъ насъ?

«Болгарія, Сербія, Боснія, Герцеговина, Черногорія, Сирмія, Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина.

«Какъ странно звучатъ, думаю, эти имена въ ушахъ нашихъ иностранныхъ дипломатовъ!

«Повторю имъ дикія слова, чтобъ уяснить ихъ впечатлѣніе и подкрѣпить память:

«Болгарія, Сербія, Босній, Герцеговина, Черногорія, Сирмія, Кроація, Далмація, Славонія, Краинъ, Штирія, Каринтія, Богемія, Моравія, Буковина.

«Восемьдесять слишкомъ милліоновъ — почтенное количество! порядочный союзецъ! Славяне были затерты исторіей, славяне были затерты географіей, славяне были затерты дипломатіей и политикой; но наступаетъ, видно, время, когда, по слову писанія, послѣдніе должны дѣлаться первыми. Къ тому стремятся всѣ событія. Разсмотрите внимательно ходъ ихъ, и вы увидите, что всѣ они совершаются одно за другимъ, какъ будто послушныя какому-то высшему предопредѣленію.

«Никто не хотѣлъ сначала войны, Россія всѣхъ меньше, а война началась.

«Стали мы на Дунаѣ, и стояли долго, переходить не рѣшались; но вотъ толкнулъ, наконецъ, кто-то въ шею, и волей-неволей перешли мы на другую сторону...

«А на другой сторонѣ, смотрите, бѣжитъ навстрѣчу народъ, съ хлѣбомъ и солью, крестами и святой водой. Вотъ ударилъ неслыханный четыреста лѣтъ колоколъ, раздался первый благовѣстъ, вознесся первый крестъ надъ православною церковью. Что же? Вы допустите, чтобы крестъ былъ снятъ? Что же? Вы допустите, чтобы изъ колокола вырванъ былъ языкъ? Нѣтъ, это не можетъ быть, и этого не будетъ! Слѣдовательно, Болгарія свободна. Откажетесь ли вы ей покровительствовать?.. Нѣтъ, это невозможно! Слѣдовательно, первый членъ славянскаго союза уже готовъ. А болгаръ пять милліоновъ. Не спрашиваите съ нихъ по пяти или десяти человѣкъ съ тысячи: они сами придутъ къ вамъ, пожалуй, хоть по десяти со ста. Вотъ вамъ первый вспомогательный корпусъ, о продовольствіи котораго не нужно и заботиться провантскому департа-

менту въ Петербургѣ. Перевозить его также нѣтъ надобности: онъ на мѣстѣ выросъ и радъ отстаивать родную землю»... и т. д. [1]).

Затѣмъ, герцеговинцы, черногорцы, сербы, и т. д. Погодинъ утѣшался (совершенно такъ, какъ иные и теперь утѣшались), что «это не можетъ быть», «этого не будетъ»; но оказалось на дѣлѣ, что это и могло быть, а потомъ и было. Счетъ союзниковъ былъ не совсѣмъ точенъ, именно нѣсколько преувеличенъ; но сущность справедлива и по сію минуту, —въ славянствѣ могло бы быть вызвано сильное движеніе, — только для этого долженъ бы быть выставленъ совсѣмъ другой принципъ, принципъ народной свободы.

«Наши политики и дипломаты, «заматорѣвши въ лѣтахъ зрѣлыхъ»,—продолжаетъ Погодинъ,—терпѣть не могутъ никакихъ нововведеній, и для того (т.-е. славянскаго) союза пожелаютъ прежде всего найти примѣръ, образчикъ изъ европейской исторіи. Могу указать имъ на рейнскій союзъ, состоявшій изъ нѣмецкихъ государствъ и находившійся подъ покровительствомъ совершенно чуждаго имъ лица, французскаго императора.

«Назовите новый союзъ дунайскимъ, славянскимъ, юго-восточнымъ, европейскимъ, съ столицею его въ Константинополѣ, подъ предсѣдательствомъ и покровительствомъ, вы думаете, Россіи? Нѣтъ, не Россіи! Россія не ищетъ завоеваній, —воспользуюсь здѣсь любимымъ выраженіемъ нашихъ публичныхъ актовъ,—Россія не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ. Покровительство и предсѣдательство союза должно принадлежать естественно, по всѣмъ правамъ, многолюднѣйшему *племени* изъ всѣхъ, составляющихъ союзъ»...

То-есть, Россіи должно принадлежать это покровительство не по произволу, не изъ честолюбія и властолюбія, а по необходимости, по природѣ вещей [2]).

[1]) Записка, писанная въ маѣ 1854; тамъ же, стр. 114—115.
[2]) Стр. 119—120.

Погодинъ не забываетъ объ Австріи и здѣсь; съ ожесточеніемъ, которое становится, наконецъ, нѣсколько забавнымъ, онъ настаиваетъ: «Австрія есть бѣльмо на нашемъ глазу и типунъ на нашемъ языкѣ».

Но напрасны были всѣ увѣщанія Погодина. Правда, руководители войны были не прочь воспользоваться «бѣгущимъ навстрѣчу народомъ» — изъ него собирались набирать отряды [1]),—но это дѣлалось съ такими соображеніями, которыя, вѣроятно, нимало не удовлетворили бы и самого Погодина.

Такимъ образомъ, Погодинъ, вѣровавшій въ оффиціальную народность и самъ много ей послужившій на своемъ вѣку, никакъ не могъ разобраться съ своими диѳирамбами ей и съ своими сочувствіями къ славянству. Планы, имъ предлагаемые, были такіе широкіе, какіе только были возможны; они, пожалуй, не были неосуществимы, но русская политика того времени, конечно, не имѣла для того ни пониманія, ни характера, ни силы. Погодинъ негодовалъ на русскую дипломатію, «заматорѣвшую въ лѣтахъ зрѣлыхъ»,—но долженъ же онъ былъ понимать, что это было только одно колесо въ «машинѣ».

Главнымъ мотивомъ національныхъ взглядовъ и требованій самого Погодина были соображенія внѣшне-политическія, безъ особенной заботы о «предварительномъ опросѣ», и о внутренней сторонѣ между-славянскихъ отношеній. Славянофилы, которые въ сущности были очень близки къ Погодину въ практической постановкѣ дѣла, старались дать своему національному взгляду болѣе обширныя основанія философски-историческія, — и, ставя славянскій вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣли быть вѣрнѣйшими представителями народныхъ началъ старой Россіи.

[1]) См. «Русск. Старину», 1876, кн. VIII—IX; Богдановича, «Исторію крымской войны».

VI.

Славянофилы.—Славянскіе комитеты.—Съѣздъ 1867 года.

Когда въ европейской печати сороковыхъ годовъ пошли толки о панславизмѣ, въ этихъ толкахъ было множество разнаго рода преувеличеній, недоразумѣній, ошибокъ: одни преувеличивали силы Россіи, черезъ мѣру боялись «азіатскаго нашествія»; другіе преувеличивали силу славянскаго движенія; третьи возлагали слишкомъ большія надежды на Польшу, какъ на возможный «оплотъ» противъ Россіи и центръ для западнаго славянства и т. п.;—но, какъ ни мало знали тогда славянскій міръ, въ этихъ разсужденіяхъ довольно вѣрно подмѣчались главныя черты предмета. Такъ, не было лишено вѣрности наблюденіе, что панславизмъ (рѣчь идетъ о сороковыхъ годахъ) имѣетъ два главныя теченія, которыя и обозначали тогда одно какъ русское, другое какъ западно-славянское. Они считались враждебными другъ другу, и на этомъ основаніи панславизмъ западно-славянскій внушалъ даже извѣстныя сочувствія, такъ какъ въ немъ опять думали найти «оплотъ», котораго въ то время очень заботливо искали. Страннымъ можетъ показаться, что изъ западнаго славянства хотѣли сдѣлать враговъ Россіи, но мысль объ ихъ противоположности не была лишена основанія въ томъ смыслѣ, что между идеалами патріотовъ западно-славянскихъ и русско-славянскихъ была въ самомъ дѣлѣ значительная разница.

Правда, еще съ начала столѣтія, и особливо съ тридцатыхъ годовъ слышались восторженныя заявленія національнаго славянскаго братства, надежды на будущее возстановленіе племенной цѣльности, призывы къ союзу и единству, даже угрозы врагамъ,—но это были только проявленія впервые возникавшаго національнаго чувства, инстинктивныя ожиданія, еще лишенныя реальнаго значенія; но когда чувство стало выясняться и выступали на сцену дѣйствительные

интересы, въ стремленіяхъ славянства оказались разнорѣчія, которыя въ ту пору мудрено было примирить, и которыя донынѣ еще не примирены.

Какъ для противниковъ Россіи или славянства «панславизмъ» былъ *предполагаемая* опасность, такъ для самого славянства это былъ только туманный идеалъ. Первое заявленіе его, сильно подѣйствовавшее на умы и слухъ о которомъ дошелъ въ Европу, была поэма («Дочь Славы», Колларовъ. Но построеніе идеала тѣсно привязано къ дѣйствительности; идеалъ ищетъ лучшаго, стремится отъ тяжелаго, неудовлетворяющаго, непріятнаго настоящаго къ болѣе совершенному будущему, но строитъ будущее по тѣмъ даннымъ, понятіямъ, формамъ, какія есть въ настоящей дѣйствительности. Какъ скоро идеалы стали опредѣляться, у каждаго племени на первомъ планѣ становилась своя собственная, частная національность, и первоначальный, такъ-сказать поэтическій панславизмъ отступалъ на второй планъ: онъ остается отвлеченной почвой, но главной реальной цѣлью у каждаго племени является его ближайшій интересъ.

Такимъ образомъ, во второмъ фазисѣ развитія «славянской» національной «идеи», дѣло опять возвращается какъ будто къ прежнему разъединенію. Задачи, которыя ставилъ себѣ панславизмъ русскій и западно-славянскій, оказывались несходны. И донынѣ еще не нашлось формулы, которая могла бы считаться рѣшающей вопросъ даже въ средѣ лучшихъ и доброжелательныхъ умовъ славянства, и въ самыхъ крупныхъ вопросахъ между-славянскихъ отношеній факты еще «обливаютъ холодной водой» идеалистовъ.

Погодинъ въ своихъ планахъ основывался на общемъ, неясномъ (а для иныхъ очень сомнительномъ по существу) представленіи о томъ, что славянству пришло время играть руководящую роль во всемірной цивилизаціи; на впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ изъ славянскихъ земель, гдѣ онъ ви-

дѣлъ всякое стѣсненіе славянскаго элемента и слышалъ желанія и надежды, что Россія поможетъ славянству, и, наконецъ, на мысли о безграничномъ могуществѣ Россіи. Первое было — книжное соображеніе; второе — жизненное впечатлѣніе, очень вѣрное, но ни мало не объяснявшее, какимъ образомъ могла быть подана ожидаемая помощь; третье свидѣтельствовало объ его патріотизмѣ, но не вполнѣ отвѣчало фактамъ. Изъ всего вмѣстѣ слѣдовало, что Россія должна стать во главѣ славянства, и что съ этимъ соединеніемъ славянства въ новый политическій міръ Россіи предстоитъ еще новое расширеніе ея могущества и величія. Идеалъ Погодина сложился по существовавшему налицо образцу, и для возстановленія славянства нечего было много думать о новыхъ политическихъ формахъ: для Погодина одно было ясно — Австрія должна развалиться при первомъ прикосновеніи. Онъ тогда и не предвидѣлъ, что когда Австрія вскорѣ дѣйствительно стала-было разваливаться, въ 1848, то ее поддерживали не только Россія, но и сами славяне.

Славянофилы были согласны съ Погодинымъ въ своихъ сочувствіяхъ къ славянству, въ своихъ пожеланіяхъ ему; Россія и въ ихъ глазахъ была естественный высшій авторитетъ и власть въ славянскомъ мірѣ — но они гораздо шире ставили свои теоретическія основанія. Мы останавливались въ другомъ мѣстѣ на ученіяхъ этой школы, и здѣсь довольно общаго указанія. Въ духѣ тогдашнихъ «философій исторіи», славянофилы строили цѣлую теорію о противоположности востока и запада, Европы и Россіи, міра романо-германскаго и греко-славянскаго. Главное основаніе теоріи положено было Иваномъ Кирѣевскимъ и Хомяковымъ; потомъ развивали и примѣняли ее К. Аксаковъ, Елагинъ, г. Новиковъ (нынѣ русскій посланникъ при австро-венгерскомъ дворѣ[1]), Гильфердингъ, Ив. Аксаковъ, г. Ламанскій. Различіе двухъ міровъ сосредоточено было въ вопросѣ испо-

[1] Погодинъ посолъ въ Константинополѣ, съ. погодинъ сенъ [illegible] софьа, умеръ 1903. *В. В. вѣ.*

вѣдномъ, въ противоположности православія и католицизма (протестантство не принималось въ разсчетъ, такъ какъ полагалось, что оно въ сущности дѣлитъ логическую ошибку католицизма). Католицизмъ (и протестантство) нашли своихъ представителей въ западномъ романо-германскомъ мірѣ; православіе — въ греко-славянскомъ. Послѣднему принадлежитъ истина, заключенная въ православіи; поэтому и высшее духовное развитіе возможно только для міра греко-славянскаго; и такъ какъ изъ всего этого міра сильное государство (какъ орудіе для осуществленія исторической идеи) есть одна Россія, то слѣд. въ Россіи, въ русскомъ народѣ лежитъ залогъ будущей высшей цивилизаціи и имѣетъ рѣшеніе о судьбѣ славянства.

При этомъ, ставилось впередъ положеніе, что православіе есть именно настоящая, обязательная религія славянскаго міра. Позднѣе, этотъ выводъ, сдѣланный почти a priori, былъ подкрѣпляемъ археологическими доказательствами, что христіанство впервые пришло къ славянству южному, западному и восточному изъ греческаго источника, главнымъ образомъ черезъ проповѣдь Кирилла и Меѳодія въ то время, впрочемъ, когда еще не было раздѣленія церквей, — подкрѣпляемъ историческими соображеніями, что крупнѣйшій фактъ западно-славянской церковной жизни, реформа Гуса, совершился именно потому, что былъ отголоскомъ существовавшаго нѣкогда у чеховъ православія. Такимъ образомъ, когда славянство искало своего возрожденія въ политическомъ освобожденіи, въ поднятіи образованности, пробужденіи національнаго сознанія и солидарности племенъ, славянофилы предлагали рѣшеніе въ формѣ теологическаго положенія, теоріи не хотѣла знать, что славянскіе народы, не принимающіе этого положенія, имѣютъ позади себя тысячелѣтъ католичества, не хотѣла знать, что вопросъ страшно усложненъ этой тысячелѣтней исторіей. Странно было при этомъ, что люди, знавшіе истину, такъ мало сдѣлали для ея объясненія. Въ прежнее время люди подобныхъ идеи или ихъ проповѣдовать или распро-

странять книгами и ученіемъ. Славянофилы показывали вообще большую нетерпимость, но не сдѣлали ничего прямого, чтобы, по крайней мѣрѣ, поставить западные славянскіе народы въ извѣстность о томъ, гдѣ имъ надо искать національнаго и другого спасенія.

Этого мало. Славянство такъ или иначе знало Россію, возлагало на нее свои надежды. Но по славянофильской теоріи оказывалось, что видимая Россія — не настоящая, что Россія настоящая кончилась съ реформой Петра, послѣ чего наступилъ «петербургскій періодъ», представляющій нарушеніе истинно-русскихъ началъ, измѣну имъ, такъ что настоящую Россію надо еще ждать.

Такимъ образомъ, славянофильская теорія очень мало заботилась объ исторіи русской и славянской. Россіи надо было возвращаться къ XVII вѣку, а католическому славянству — ко временамъ Кирилла и Меѳодія. Какъ же сдѣлать это? Въ русскихъ дѣлахъ славянофилы, по крайней мѣрѣ, давали разныя объясненія своихъ взглядовъ, но славянство оставлено было въ неизвѣстности или въ большомъ недоумѣніи относительно того, что ему нужно дѣлать въ опасностяхъ столь настоятельныхъ и серьезныхъ. Если бы славянство искало изложенія системы, оно могло найти очень немногое: по самой теоріи, на которой все строилось, оно нашло бы, напр., богословскія сочиненія Хомякова, но они въ первый разъ вышли даже не на русскомъ языкѣ, и теперь, явившись въ заграничномъ изданіи Самарина, даже не пользуются въ самой Россіи правомъ гражданства. Что же могло это означать? Бываетъ, разумѣется, что писатели съ очень передовыми, радикальными мнѣніями не поощряются правительствами, а гдѣ есть цензура, подвергаются стѣсненіямъ и запрещеніямъ; но славянофилы въ существенномъ совершенно консервативны и благонамѣренны; въ церковномъ отношеніи они — вовсе не сектанты, а самые ревностные православные и, несмотря на нѣкоторое разногласіе съ внѣшней существующей церковностью, съ величайшимъ убѣжденіемъ настаиваютъ на великомъ зна-

ченіи православія. Если, тѣмъ не менѣе, у славянофильскихъ идеи, церковныхъ и политическихъ, отнималось не разъ право гражданства, что же означаетъ этотъ фактъ? Для славянства, которое желало бы изучать идеи славянофиловъ, онъ никогда не былъ выясненъ.

Насколько намъ встрѣчались въ славянской печати отзывы объ этой школѣ, западно-славянскіе писатели дѣйствительно не умѣли хорошенько понять отношенія славянофильства къ обществу и правительству. Не зная обыкновенно нашей внутренней жизни, они представляли себѣ дѣло по-своему, воображая, что славянофилы — единственные въ Россіи защитники народныхъ интересовъ, и что противная партія (которую они научились называть «западнической» совершенно равнодушна къ этимъ интересамъ и занимается только тѣмъ, что поклоняется и подражаетъ «западу». Схвативши кое-что изъ толковъ о «петербургскомъ періодѣ», о «нѣмцахъ», западно-славянскіе политики думали, что славянофилы дѣйствительно борются въ русскомъ государствѣ съ нѣмцами и что, вообще, «нѣмцы» — наша главная бѣда. Это казалось тѣмъ достовѣрнѣе, что нѣкоторыя лица въ русскихъ правительственныхъ кругахъ носили нѣмецкія фамиліи — они не знали, что хоть есть у насъ дурные и вредящіе намъ нѣмцы, но бывало еще въ двадцать разъ больше такихъ русскихъ. Казалось это достовѣрнымъ и потому, что славянофилы въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ одни въ литературѣ говорили о славянствѣ; — но западные славянскіе писатели опять не знали, въ какихъ обстоятельствахъ вообще существовала (и существуетъ) русская литература, и какія были причины, что такъ-называемые «западники» не вдавались въ тѣ годы въ славянскій вопросъ. А причина была простая: «западники» слишкомъ чувствовали недостатки нашей внутренней жизни и думали, что прежде, чѣмъ пускаться въ отдаленные вопросы, надо подумать о ближайшихъ нуждахъ русскаго общества, или что славянскій вопросъ не рѣшается одной догматикой или ненавистью къ нѣмцамъ. И дѣйствительно,

было немного странно (какъ и теперь бывало иногда странно) браться за вопросъ «освобожденія», когда у себя дома царило крѣпостное право, литература была стѣснена до послѣдней степени, свободная мысль была невозможна, общество не могло имѣть никакой самостоятельной дѣятельности. — Какая изъ двухъ сторонъ тогдашней литературы сдѣлала больше для того, чтобы подготовить общество къ славянскимъ интересамъ, это дѣло еще не рѣшенное; и, по нашему мнѣнію, не можетъ быть рѣшено исключительно въ пользу славянофильства (какъ обыкновенно думаютъ), — быть можетъ, напротивъ. Было уже давно замѣчено, что чистое славянофильство, въ томъ духѣ, какъ было оно въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, не размножилось, даже теперь, и этотъ фактъ имѣетъ свой смыслъ.

Западно-славянскіе политики не замѣчали и того обстоятельства, что славянофильство есть направленіе по преимуществу московское. Тамъ оно начиналось и устроилось, и этому совершенно отвѣчаетъ нелюбовь къ «петербургскому періоду» и немного наивная нелюбовь къ самому Петербургу. Или, если они и видѣли этотъ московскій характеръ славянофильства, они не видѣли, что это вовсе не составляетъ его выгодной черты.

Славянофильская теорія, возставая противъ петровской реформы, какъ противъ нарушенія русской народности, видѣла эту послѣднюю именно въ старой Москвѣ. Историческая теорія сливалась съ мѣстнымъ патріотизмомъ, котораго въ славянофильствѣ невозможно не видѣть. Мы не думаемъ упрекать ихъ за это; напротивъ, мѣстный патріотизмъ — вещь прекрасная; онъ можетъ давать глубокую, живую, характерную основу для любви къ своему народу; онъ особенно понятенъ въ Москвѣ, нѣкогда единомъ центрѣ русскаго народа, свидѣтелѣ громадныхъ событій, памятникѣ старой исторіи; — но мѣстный патріотизмъ есть крайность и ошибка, когда онъ превращается въ мѣстное самомнѣніе и часть ставитъ на мѣсто цѣлаго, — а это несомнѣнно случилось у славянофиловъ. Они отвергаютъ Петербургъ и

«петербургскій періодъ», — но этого періода не вычеркнешь изъ русской исторіи, тѣмъ больше, что это есть и настоящій ея періодъ. Москва дѣйствительно «собрала» русскую землю, но *не всю*; если Москва была центромъ для до-Петровской Россіи, то не была имъ для послѣ-Петровской, а именно въ петербургскій періодъ присоединены были цѣлыя русскія области, какъ юго-западная Украйна съ Запорожьемъ, сѣверо-западный край, самая Польша и, наконецъ, обширная масса иноплеменныхъ населеній на Балтійскомъ и Черномъ морѣ, на Кавказѣ, въ Крыму и въ Азіи. Замѣтимъ, что эти русскія земли, присоединенныя «петербургскимъ періодомъ», никогда не были связаны съ Москвой, такъ что здѣсь она вовсе не имѣетъ за себя и національнаго преданія. Худо ли, хорошо ли, но эти земли были «собраны» именно Петербургомъ. Въ тотъ же «петербургскій періодъ» создано политическое могущество, о какомъ Россія едва-ли могла думать при старыхъ московскихъ порядкахъ: оно есть все-таки выигрышъ, и оно въ первый разъ дало Россіи возможность вмѣшательства въ судьбы западнаго славянскаго міра. Московское преданіе сохранило гораздо больше національной нетерпимости. Когда въ послѣднія десятилѣтія стали обнаруживаться индивидуальныя черты другихъ мѣстныхъ народностей, москвичи всего громче возставали противъ нихъ; тѣ дѣятели, которые, послѣ усмиренія польскаго возстанія, принялись подправлять русскую народность въ западномъ краѣ, тѣ «полонофаги», какъ назвалъ ихъ однажды г. Безсоновъ, воспитались особенно въ московскихъ школахъ; въ Москвѣ же всего сильнѣе кричали объ украинскомъ «сепаратизмѣ» и помогли расплодить вражду, которой могло бы и не быть.

Могутъ сказать, что нелѣпости дѣлались не самой школой, а людьми, за которыхъ она отвѣчать не можетъ. Дѣйствительно, сами славянофилы во многихъ случаяхъ высказывали много такта, терпимости и признанія чужихъ интересовъ, — но не всегда; въ послѣднихъ славянофильскихъ изданіяхъ слышались и ноты, свойственныя больше «Мо-

сковскимъ Вѣдомостямъ», которыя и сами заняли въ послѣднее время полуславянофильское положеніе, но мѣшая при этомъ освободительныя тенденціи съ полицейскими; крайняя нетерпимость въ малообразованномъ обществѣ (къ такому разряду приходится, къ сожалѣнію, причислить многихъ «дѣятелей», каковы, напр., бывали полонофаги, украйнофаги и т. п.) производила самые непривлекательные и для славянства отталкивающіе результаты.

Съ такими сложными свойствами выступало славянофильство и, безъ сомнѣнія, его вліяніямъ и отголоскамъ (вмѣстѣ съ отголосками «Московскихъ Вѣдомостей») надо приписать многія изъ странностей, какія проявлялись въ новѣйшихъ славянскихъ интересахъ русскаго общества. Смѣсь освободительныхъ намѣреній съ крайней нетерпимостью, притязанія на господство и «обрусѣніе» даже раньше, чѣмъ представлялась бы къ этому возможность, неумѣнье понять связь славянскаго вопроса съ нашими внутренними дѣлами, и отсюда рядъ всякихъ противорѣчій, которыхъ столько оказывалось въ послѣдніе годы въ толкахъ и *дѣйствіяхъ* по славянскому вопросу, — все это въ большой степени находило свой источникъ въ московской постановкѣ вопроса.

Западно-славянскіе патріоты мало знали истинный характеръ славянофильства; они по старой памяти думали, что славянофилы — главнѣйшіе представители славянскихъ сочувствій въ русскомъ обществѣ и первая опора, и союзники. Дѣло нѣсколько объяснилось для западнаго славянства на московской этнографической выставкѣ 1867 года, какъ увидимъ далѣе.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ возникалъ у насъ первый интересъ къ западному славянскому возрожденію, взгляды любителей славянства перешли нѣсколько оттѣнковъ. Въ первое время, когда еще только знакомились съ «братьями», сочувствіе къ нимъ

было простое и неухищренное; равно желали успѣха ихъ литературамъ самымъ мелкимъ, равно желали имъ свободы, завязывали съ ними сношенія, какъ Погодинъ (котораго не отдѣляли отъ славянофиловъ), доставляли иногда пособія, и т. д. Но затѣмъ развивается славянофильская теорія, и отношеніе къ славянству перестаетъ быть простымъ: чувство стало подчиняться системѣ, сочувствія отдавались съ выборомъ. Наконецъ, выяснились основныя требованія школы: первенство Россіи, принятіе славянствомъ русскаго литературнаго языка, православіе. Отношеніе къ славянскимъ литературамъ бывало, наконецъ, какъ будто просто недружелюбное. Эти литературы заслуживаютъ сочувствія только условно, — говорилось теперь. Онѣ такъ мелки, что не могутъ имѣть будущаго; ихъ ограниченныя средства не могутъ дать почвы для сильныхъ талантовъ и для сильнаго дѣйствія; оставаясь слабы, онѣ не могутъ служить главной національной потребности — обезпеченію національности отъ подавляющихъ чужихъ вліяній. Для западнаго и южнаго славянства въ этомъ отношеніи нѣтъ другой дорогѣ, какъ принять, по крайней мѣрѣ для произведеній общаго славянскаго интереса, одинъ общій литературный языкъ, какимъ можетъ быть только русскій. А, главное, западному славянству не избавиться отъ своей розни, и потому слабости, до тѣхъ поръ, пока оно не избавится отъ другого бѣдствія, подавляющаго въ немъ общеславянское чувство, — отъ католицизма: для этого — одинъ путь, принятіе православія.

Нѣтъ спора, что введеніе общаго литературнаго языка было бы для славянства дѣломъ величайшей важности, потому что многоязычіе раздробляетъ образовательныя силы и затрудняетъ междуплеменныя отношенія. Нѣтъ спора также, что католицизмъ съ разныхъ сторонъ вредитъ національнымъ успѣхамъ славянства: онъ эксплоатируетъ народы для политическихъ цѣлей, ультрамонтанскихъ и деспотическихъ, не имѣющихъ ничего общаго съ религіей; съ другой стороны, какъ теологическая схоластика, враждебенъ свободному развитію науки. Итакъ, можно нахо-

дить оба обстоятельства вредными для будущности славянства и ставить себѣ цѣлью литературное объединеніе и борьбу съ католицизмомъ; но должно строго обдумать способы дѣйствія и, прежде всего, съ величайшей осторожностью обращаться съ народнымъ чувствомъ. Но этого послѣдняго часто и не бывало у славянофиловъ. Порѣшивъ дѣло въ книжной теоріи, они безъ дальнихъ околичностей требовали исполненія своихъ приговоровъ, и это, какъ есть тому факты, производило въ самомъ славянствѣ непріязненное чувство. Большая часть славянскихъ литературъ мелки, это правда; но онѣ дороги своему племени такъ же, какъ намъ дорога наша литература и нашъ языкъ; невозможно, чтобы племена легко отказались отъ нихъ для другого языка и литературы. Водвореніе русскаго языка (хотя бы рядомъ съ мѣстнымъ) возможно лишь на одномъ условіи, когда русская литература приметъ такіе размѣры, что знаніе ея сдѣлается для славянства добровольно признаваемой потребностью и необходимостью, а не исполненіемъ чьего-нибудь приказа. Вопросъ религіозный еще мудренѣе. Сколько бы мы ни считали католицизмъ гибельнымъ для славянскихъ народовъ, здѣсь не поможетъ одна публицистическая нетерпимость. Одно изъ двухъ: или само политическое развитіе придетъ къ тому, что религіозный споръ устранится полной свободой исповѣданій; или же, если бы оказался нужнымъ свой Kulturkampf, его нельзя вести такъ дешево, какъ у насъ, кажется, полагаютъ.— Наша внутренняя жизнь не имѣетъ для этого той свободы, безъ которой подобная борьба немыслима; наша церковь вовсе не имѣетъ такого характера, чтобы можно было ожидать ея вмѣшательства, а безъ этого трудно представить дѣло.

Въ другомъ мѣстѣ мы указывали, въ какихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ возникала славянофильская школа. Эти обстоятельства объясняютъ многое въ ея характерѣ. Планы, придуманные славянофильствомъ съ той теоретической широтой, какая свойственна кабинетнымъ теоріямъ, прини-

мались съ большимъ сочувствіемъ въ тѣсномъ кружкѣ друзей —какимъ были основатели и послѣдователи ученія. Теорія, поощряемая дружескими сочувствіями, превращалась въ идеалъ и своего рода поэзію: передъ друзьями рисовалась картина будущности, когда русскій народъ, во главѣ славянства, явится въ міръ носителемъ высшей истины, смиреннымъ, но и величественнымъ, и начнетъ новую эпоху цивилизаціи... Теорія рождалась въ такую пору, когда общественная дѣятельность была до невозможности стѣснена и вся работа идей была загнана въ тѣсные кружки; подъ гнетомъ бюрократическимъ и инымъ гнетомъ, мысль, оттолкнутая отъ дѣйствительной жизни, развивала безграничный идеализмъ, устроивавшій жизнь на будущія времена. Споры съ противниками, въ сороковыхъ годахъ и послѣ, только увеличивали упорство славянофильской школы. Ея идеализмъ заражалъ и самихъ противниковъ: одинъ изъ передовыхъ людей того времени, въ первое время своей эмиграціи, мечталъ о русской общинѣ, какъ обновляющемъ началѣ для Европы!

Съ другой стороны, славянофилы были поставлены въ общественномъ отношеніи такъ, что могли держаться въ сторонѣ наблюдателями, не особенно тревожась практическими неудобствами тогдашняго общественнаго быта (которыя, впрочемъ, иногда падали и на нихъ); они могли имѣть спокойный досугъ, и ихъ теоріи тѣмъ больше могли пріобрѣтать идеалистической отвлеченности.

Славянофилы, разумѣется, были увѣрены въ справедливости своихъ мнѣній и стали даже высокомѣрны не только въ ихъ защитѣ дома, но и въ отношеніяхъ къ самому славянству. Они не затруднялись самыми строгими приговорами и считали себя въ правѣ поучать. Таковы, напр., отзывы Гильфердинга о школѣ Вука и самомъ Вукѣ, о Копитарѣ (въ брошюрѣ «les Slaves Occidentaux», 1858); но въ особенности таково знаменитое «Посланіе къ сербамъ изъ Москвы» (1860), писанное Хомяковымъ и скрѣпленное всѣми главными членами кружка. Посланіе произвело оди-

наково непріятное впечатлѣніе и въ русской литературѣ, и въ сербской.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ крымской войны и парижскаго мира, возникла въ Москвѣ мысль объ основаніи «славянскаго благотворительнаго комитета», который и былъ открытъ въ 1858. Членами его были не одни славянофилы, но и люди другихъ круговъ, цѣль общества заключалась въ благотвореніи —доставленіи средствъ славянамъ, искавшимъ образованія въ Россіи, посылкѣ книгъ для западныхъ и южныхъ славянскихъ школъ и т. п. Впослѣдствіи открылись отдѣленія комитета въ Петербургѣ и Кіевѣ. Дѣло было, конечно, прекрасное; нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, какъ балканскія, какъ венгерско-русинское, были въ такомъ отчаянномъ положеніи, что помощь имъ была давно необходима, и комитеты въ этомъ отношеніи сказали заслугу, которую мы и признаемъ вполнѣ. Комитеты иногда ошибались въ предметахъ филантропіи, но ошибки были очень возможны при новости дѣла и недостаткѣ свѣдѣній. Къ сожалѣнію, въ постановкѣ дѣла (мы имѣемъ въ виду особенно комитетъ петербургскій, дѣйствія котораго бывали больше извѣстны) сказались другіе болѣе существенные недостатки.

Дѣятельность комитетовъ, очевидно, вызывалась чувствомъ славянской солидарности и должна была ей способствовать. Въ ней, конечно, не могли не отразиться тѣ понятія о славянствѣ, съ какими приходили въ комитеты ихъ члены. И въ самомъ дѣлѣ, комитеты получили свой особенный стиль и характеръ. Нужно было имѣть все безпристрастіе, чтобы образовалась первая нравственная почва сближенія и примиренія; относительно русскаго общества надо было позаботиться о томъ, чтобы познакомить общество съ той, хотя и очень близкой, но неизвѣстной областью, какою былъ для большинства славянскій міръ. Случилось иначе. Съ самаго начала, вѣроятно, подъ вліяніемъ первыхъ предсѣдателей, въ нихъ образовалась особая

тенденціозность, въ которой нельзя было не видѣть отраженій славянофильства; да и съ этимъ можно было бы примириться, если бы можно было предположить, что тенденція искренна и серьёзна. Петербургскій комитетъ придалъ своимъ дѣламъ, такъ сказать, клерикальный характеръ: каждогодно повторялось празднованіе дня Кирилла и Меѳодія, памяти Гуса. Дѣло прекрасное, но если комитетъ разъ выходилъ изъ своей спеціально-филантропической роли и хотѣлъ заявлять принципы (что было очевидно), то можно было желать, чтобы онъ, кромѣ древности, вспоминалъ и о настоящемъ и высказалъ что-нибудь опредѣленное о славянскихъ отношеніяхъ; взамѣнъ того, шла одна фразеологія, тѣмъ болѣе непривлекательная, что, какъ тогда же было замѣчено, напр., «въ оваціяхъ памяти Гуса встрѣчались имена такихъ людей, которые, несомнѣнно, подали бы голосъ за сожженіе его, если бы присутствовали на констанцскомъ соборѣ». Въ самомъ правящемъ комитетѣ засѣдалъ дѣятель, зачившій своими писаніями вражду къ болгарскому народному дѣлу. Въ рѣчахъ, которыя говорились на праздникахъ 11-го мая и гдѣ поминалось имя великаго чешскаго человѣка, встрѣчались вещи прямо обскурантныя [1].

Петербургскій комитетъ задумалъ, и отчасти исполнилъ, другое дѣло, которое заслуживаетъ сочувствія, именно изданіе книгъ о славянствѣ. Это была въ самомъ дѣлѣ первостепенная необходимость. Комитетъ издалъ хорошую этнографическую карту славянскихъ племенъ. Но редакціонная сторона изданій не была вполнѣ удовлетворительна. Цѣль изданій (если только комитетъ вознамѣрился ихъ дѣлать) могла быть одна: сообщеніе русскому читателю интересующемуся славянствомъ, во-первыхъ, важнѣйшихъ фактиче-

[1] Въ печати не одинъ разъ дѣлался упрекъ не-славянофиламъ, зачѣмъ они не шли въ славянскіе комитеты, чтобы работать для славянства, которому все-таки сочувствовали, но при указанномъ характерѣ комитетовъ, не-славянофилы правильно бы скорѣе ихъ вышли,—по тому они и не входили.

скихъ свѣдѣній о славянской этнографіи и исторіи, во-вторыхъ—безпристрастнаго объясненія современнаго политическаго положенія славянства. Въ «Славянскихъ Сборникахъ», изданныхъ петербургскимъ комитетомъ, эта цѣль достигалась очень мало: были болѣе или менѣе полныя историко-этнографическія данныя о нѣкоторыхъ племенахъ, но никакого цѣльнаго обзора [1], а взамѣнъ нѣсколько спеціальныхъ изслѣдованій, которыя, при всемъ ихъ достоинствѣ, вовсе не подходили къ цѣлямъ изданія [2]). Если бы комитетъ сталъ на высотѣ вопроса и понялъ, какъ слѣдуетъ, потребность общества, онъ долженъ былъ бы разъяснить читателямъ объемъ славянскаго вопроса, указать основныя черты въ современномъ политическомъ положеніи племенъ и наше желательное къ нему отношеніе; но на эту тему давались только общія заявленія братскихъ чувствъ съ повтореніемъ славянофильскихъ тѣмъ и съ нѣкоторыми странностями, совсѣмъ неумѣстными и неприличными, напримѣръ, на этнографической картѣ и объясненіяхъ, изданныхъ комитетомъ, опущеніе въ ряду славянскихъ нарѣчій—малорусскаго, какъ-бы не существующаго (хотя отмѣчены и верхніе и нижніе лужичане, и словаки отдѣльно отъ чехо-моравановъ). Хоть бы комитетъ подумалъ: какъ покажется такое обращеніе съ этнографіей нашимъ «братьямъ».

Не мудрено, поэтому, что несмотря на почти двадцатилѣтнее существованіе славянскихъ комитетовъ русское общество и сами тѣ изъ образованныхъ людей, кто явились дѣйствующими лицами въ войнѣ сербо-турецкой и русско-турецкой, оказались вообще чрезвычайно мало приготовлены къ тому, чтобъ понять характеръ единоплемен-

[1]) Кромѣ двухъ статей г. Будиловича, которыя, однако, не рѣшаютъ вопросовъ, а развѣ только ставятъ ихъ.

[2]) Нѣкоторые члены комитета, какъ говорятъ, считали нужнымъ издавать, вмѣсто «сборниковъ», популярныя книжки о славянствѣ; онѣ дѣйствительно были бы не лишни, но ограничиться имъ было бы слишкомъ мелко.

никовъ, за свободу которыхъ они однако шли на боевыя жертвы, и опредѣлить свое отношеніе къ нимъ [1]). Недоразумѣнія, при этомъ происходившія, указываютъ ясно, что взаимнаго пониманія, солидарности еще нѣтъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, впрочемъ, вся дипломатическая судьба славянскихъ дѣлъ въ 1875—78 годахъ.

Въ 1867 г. происходила въ Москвѣ извѣстная этнографическая выставка и съѣздъ славянскихъ гостей. Объ этомъ фактѣ судили очень разно; какъ говорятъ, у западныхъ славянъ, особенно чеховъ, этотъ съѣздъ былъ употребленъ какъ политическая демонстрація, которая должна была внушить нѣкоторый страхъ австрійскимъ нѣмцамъ. У насъ онъ едва-ли могъ имѣть какое-нибудь подобное значеніе. Наше общество не имѣетъ такихъ правъ, чтобы устроивать демонстраціи чужому государству, съ которымъ наше правительство находится въ дружественныхъ отношеніяхъ; такая демонстрація была бы немыслима, и если бъ существовалъ у частнаго общества подобный планъ, онъ, безъ сомнѣнія, былъ бы тотчасъ же истребленъ полиціей. Остается принять (какъ въ дѣйствительности и было), что съѣздъ былъ не что иное, какъ платоническое заявленіе племенныхъ сочувствій къ славянству. Но и въ этомъ смыслѣ дѣло все-таки было ново и не было лишено важности, какъ опытъ нагляднаго обученія славянскому вопросу. Славянскіе оптимисты желали видѣть въ съѣздѣ фактъ великой важности для славянскаго самосознанія; но въ самомъ

[1]) Говорятъ о заслугахъ комитетовъ съ начала герцеговинскаго возстанія. Комитеты, конечно, много въ это время работали за сборомъ пожертвованій, за отправленіемъ добровольцевъ. Но приписывать имъ самый интересъ къ славянству, обнаружившійся въ это время, довольно странно: дѣло было таково, что говорило само за себя, и заслуга комитетовъ та, что они поторопились почти за общественнымъ интересомъ. Но двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, они очень умѣренно трудились надъ объясненіемъ славянскаго вопроса русскому обществу, — и если бы трудились иначе, то пониманіе дѣла обществомъ было бы, вѣроятно, все-таки лучше.

съѣздѣ обнаружились однако большіе недостатки этого самосознанія, не случайные, но тѣ самые, которые составляютъ вмѣстѣ одну изъ глубокихъ причинъ политическаго разлада и слабости славянскаго міра. Когда представители западнаго славянства собрались въ Москвѣ и встрѣтились съ тѣми, кто явились представителями русскаго общества, между ними оказался недостатокъ взаимнаго пониманія, весьма характерный. На съѣздѣ отсутствовали поляки. Въ большомъ собраніи, пировавшемъ съ славянскими гостями 21-го мая, въ Сокольникахъ, о нихъ вспомнили (Погодинъ, Ригеръ, кн. Черкасскій)—съ разныхъ точекъ зрѣнія. Ригеръ говорилъ о примиреніи, для котораго уже должна бы придти пора, о неполнотѣ «братскаго союза», гдѣ недостаетъ одного изъ главныхъ славянскихъ народовъ. Рѣчь Ригера [1]) была очень умѣренна — какъ и требовалось мѣстомъ и временемъ, —московскіе слушатели не вынесли и этого умѣреннаго тона, и отвѣтъ князя Черкасскаго, суровый, желчный и укоряющій, уже не далъ мѣста продолженію примирительныхъ рѣчей. Описаніе съѣзда не говоритъ, какое впечатлѣніе оставилъ этотъ эпизодъ на славянскихъ гостей, галичане были довольны, но большинство, какъ намъ случалось лично слышать, вынесло изъ него тяжелое впечатлѣніе.

Въ рѣчахъ съѣзда, со стороны западнаго славянства, можно было вообще замѣтить—мягко, но ясно выраженную антипатію къ нивеллирующей гегемоніи одного племени (т.-е. русскаго) надъ другими, къ нарушенію племенныхъ индивидуальностей.

Нѣсколько выдержекъ изъ другой рѣчи Ригера (сказан-

[1]) См. книгу: «Всероссійская этнографическая выставка и славянскій съѣздъ въ маѣ 1867 года». М. 1867; рѣчи о Польшѣ, стр 340 и слѣд. Говорили тогда, что Ригеръ обѣщалъ польской эмиграціи въ Парижѣ сказать слово за Польшу; онъ сказалъ его такъ сдержанно, что польскія газеты осыпали его бранью (въ послѣднихъ событіяхъ Ригеръ не призналъ правыми и поляковъ), но дальше мы увидимъ, что идея была давнишняя.

ной раньше рѣчей о Польшѣ, на обѣдѣ Московскаго университета) дадутъ понятіе объ этомъ взглядѣ. Ригеръ говорилъ о судьбахъ славянскаго просвѣщенія, но его слова легко можно было примѣнить и къ отношеніямъ политическимъ.

«Нынѣ предстоитъ намъ вопросъ,—говорилъ Ригеръ:—какимъ образомъ достигнуть успѣховъ славянскаго просвѣщенія. Въ этомъ отношеніи намъ предлежатъ два пути: мы должны избрать или *полное единство*, или *разнообразіе въ гармоніи*. Для насъ всѣхъ, господа, этотъ вопросъ имѣетъ особенную важность; мы должны его подвергнуть зрѣлому обсужденію. Его разрѣшеніемъ рѣшится *судьба цѣлаго славянства*. При этомъ вопросѣ, я припоминаю всегда примѣръ грековъ, которые, при всемъ различіи своихъ нарѣчій, возрастили, однако, прекрасный цвѣтъ просвѣщенія. Эти цвѣты цивилизаціи древне-греческой развились во всемъ ихъ разнообразіи. Они періодически сходились къ играмъ олимпійскимъ, на которыя каждое племя греческое представляло лучшія свои произведенія изъ области науки, искусства и поэзіи. Здѣсь они и приносили другъ другу дань удивленія, и другъ друга возбуждали, и взаимно совѣщались. Это, господа, и есть тотъ путь, которымъ должно пойти теперь славянство. Многіе бы, можетъ быть, предпочли слитіе въ *единое цѣлое* и тѣломъ и душой, но тысячелѣтняя исторія не можетъ безслѣдно исчезнуть...

«Я держусь того мнѣнія, что разнообразіе частей не исключаетъ единства; единства должно искать въ гармоніи этихъ частей. *Нерасчлененное единство* можетъ привести къ односторонности и безжизненности, равно какъ одно раздробленіе безъ руководящаго духа ведетъ къ слабости и гибели. Если бы вы слили всѣ колокола ваши въ одинъ великій, огромный колоколъ, бо́льшій, нежели самъ Иванъ Великій, то, конечно, звукъ этого богатыря-колокола былъ бы силенъ, но впечатлѣніе этого звука не было бы тою пріятною гармоніею колокольныхъ звуковъ, которая возвѣщаетъ вамъ Воскресеніе Христово! А какова красота въ

этомъ гармоническомъ ладѣ московскихъ колоколовъ! Этотъ гармоническій ладъ и есть единство. Два момента замѣчаются какъ въ человѣкѣ, такъ и во всякомъ дѣлѣ его, въ жизни политической, въ наукѣ и въ мірѣ явленій матеріальныхъ. Эти два момента суть сила и красота. Сила достигается главнымъ образомъ единствомъ, красота же гармоніей частей. Соразмѣрность и согласіе въ дѣятельности всѣхъ членовъ извѣстнаго тѣла есть его красота. Липа славянская не выиграла бы въ красотѣ, если бы вы, отсѣкая ея вѣтви, оставили ея стволъ. Каждый корень долженъ держаться своей почвы; стволъ липы долженъ быть и единый, и цѣлый; но вѣнцу принадлежатъ его вѣтви. Въ нихъ и жизнь, и цвѣтъ, и красота дерева!

«Человѣка мало образованнаго всего болѣе поражаютъ сила и огромные размѣры. Народы, которые хотятъ дѣйствовать въ исторіи силой военною, стремятся къ единству и къ сосредоточенію. (Ригеръ привелъ въ примѣръ нѣмцевъ, которые стремятся теперь къ военной славѣ, но у которыхъ, сомнительно, сохранится ли прежнее развитіе ихъ науки и искусства)... Человѣкъ мало образованный, утверждаю, легко вдохновляется огромностью массы; человѣкъ, болѣе просвѣщенный, обращаетъ вниманіе на подробности, на части. Онъ хочетъ одушевить массу и приноситъ дань своего удивленія лишь той красотѣ, которая состоитъ въ соразмѣрности и согласіи. Пирамиды и колоссы, египетскія скульптуры суть также произведенія искусства... Однако, это прежде всего произведенія силы, возбуждающія удивленіе своею огромностью; но, спрашиваю васъ, что лучше въ глазахъ вашихъ — египетская пирамида или Аполлонъ Бельведерскій? Вотъ тѣ мысли, которыя возникли во мнѣ въ этомъ собраніи ученыхъ славянъ, въ отношеніи къ задачамъ нашихъ цивилизованныхъ стремленій»...

Сказавъ о томъ, что нужно бы устроивать постоянные періодическіе съѣзды славянскихъ ученыхъ, историковъ, экономистовъ и пр., онъ продолжалъ:

«Одна мысль должна руководить нами въ каждомъ начи-

нанія нашемъ, мысль о томъ, что мы призваны сообща работать для одной цѣли, для нравственнаго возвеличенія всего славянства, что мы согласіемъ всѣхъ отдѣльныхъ племенъ славянскихъ должны выработать красоту одного духовнаго цѣлаго, посредствомъ свободнаго, но согласнаго соревнованія» [1]).

Очевидно, здѣсь говорилъ партизанъ славянскаго федеративнаго союза, съ свободою частей, съ полнымъ просторомъ для отдѣльныхъ племенныхъ элементовъ. Рѣчь Ригера въ свое время вызвала возраженія въ нашей печати; въ ней были, пожалуй, неточности выраженія; но она была понята. Надо полагать, что съ ея смысломъ соглашалось большинство представителей западнаго славянства.

Однимъ словомъ, славянскій съѣздъ 1867 года имѣлъ свое большое значеніе какъ второй (послѣ пражскаго съѣзда 1848, гдѣ собралось почти только одно австрійское славянство и гдѣ не было русскихъ, кромѣ Бакунина) опытъ личнаго сближенія славянскихъ дѣятелей; но онъ далъ мало или никакихъ результатовъ для взаимнаго разъясненія вопросовъ славянской политической жизни: эти вопросы не были, да въ нашихъ условіяхъ и не могли быть въ программѣ съѣзда. Въ западномъ славянствѣ былъ, однако, тотъ результатъ, что тамъ больше прежняго стали интересоваться Россіей и русскимъ языкомъ... Это было все-таки пріобрѣтеніе.

VII.

Политическое броженіе въ Австріи передъ 1848 г. — Славянскій съѣздъ въ Прагѣ. — Мнѣнія Штура.

Сороковые года были въ Австріи періодомъ особеннаго національнаго броженія, которое обнаруживалось въ разныхъ краяхъ этого государства, гдѣ смѣшеніе національностей подавало слишкомъ много случаевъ къ раздору и

[1]) См. въ той же книгѣ, стр. 299—303.

раздраженію. Время все больше и больше расшатывало деспотическо-полицейскую систему Меттерниха,—все больше выростали политическій либерализмъ и національная оппозиція. Выше упомянуто, какимъ образомъ національная идея пробуждалась въ австрійскомъ славянствѣ подъ вліяніемъ возрожденія литературнаго и политическаго столкновеній. Литературное возрожденіе въ особенности было сильно у чеховъ, гдѣ оно, начавшись съ индифферентной археологіи, перешло въ сознательное историческое изученіе и реставрировало національные идеалы, которые уже вскорѣ дали мысль о возстановленіи стараго историческаго права «чешской короны». У хорватовъ, политически соединенныхъ съ Венгріей, національное движеніе явилось, главнымъ образомъ, какъ оппозиція притязаніямъ національности мадьярской. Въ томъ же, какъ хорваты, или еще худшемъ отношеніи къ венграмъ были словаки, изъ среды которыхъ явились два могущественные дѣятеля всеславянскаго возрожденія — Колларъ и Шафарикъ.

Славянское возрожденіе вообще шло, главнымъ образомъ, путемъ литературы и отчасти школы; средствами его были національныя изученія—исторія, археологія, этнографія, филологія; но предводители движенія понимали, что дѣло можетъ и должно рѣшиться только на политической почвѣ. Изданныя теперь біографіи и переписка этихъ филологовъ и археологовъ, какъ Юнгманъ, Шафарикъ, Челяковскій и др., показываютъ, что это было ясно для нихъ почти съ самаго начала. Но средствъ для политической борьбы еще не было, австрійское правительство временъ Меттерниха само чувствовало, что дѣло не совсѣмъ ладно, и — какъ свойственно правительствамъ испорченнымъ или посредственнымъ [1])—думало удержать ходъ исторіи полиціей; но это не остановило политическаго броженія, причины котораго лежали въ реальныхъ общественныхъ фактахъ. Въ сороковыхъ годахъ уже развилась значительная литература политической полемики,

[1]) Ср. Соловьева: «Имп. Александръ I», стр. 197—198.

памфлетовъ, а у иностранцевъ -толки о панславизмѣ. Было бы слишкомъ долго входить въ подробности этой литературы. Она стала распространяться особенно послѣ польскаго возстанія, которое дало свѣжій поводъ говорить о между-славянскихъ отношеніяхъ, русскихъ завоевательныхъ планахъ, о средствахъ противодѣйствовать нашествію «Азіи». Но тогда же изъ среды польскихъ революціонеровъ, въ особенности развивавшихъ въ эмиграціи эту тему, вышелъ проповѣдникъ совершенно противоположной идеи: это былъ извѣстный въ свое время графъ Гуровскій (умеръ въ 60-хъ годахъ въ Америкѣ). Участникъ польскаго возстанія, онъ, послѣ несчастнаго конца его, разочаровался и отчаялся въ польскомъ дѣлѣ и сталъ самымъ ревностнымъ партизаномъ того, что назвали тогда «русскимъ панславизмомъ», —такимъ партизаномъ, какого не бывало тогда и въ самой русской литературѣ и обществѣ (мы остановимся больше на этомъ писателѣ при другомъ случаѣ). У австрійскаго славянства были свои интересы: въ Вѣнѣ, Пештѣ и особенно Лейпцигѣ постоянно выходили брошюры и книжки, гдѣ славянскіе патріоты вели защиту своихъ національныхъ интересовъ (брошюры графа Туна, Іордана, писавшихъ безыменно археолога Воцела, Годжи, Штура и т. д.). У хорватовъ отношенія съ венграми еще задолго до 1848 года принимали острый характеръ. Наконецъ, славянскія литературы этой поры возрожденія, какъ ни были стѣснены полицейскимъ надзоромъ, наполнены были идеальными стремленіями къ возвышенію народностей, къ единству и солидарности ихъ нравственныхъ интересовъ. Словомъ, умы уже были значительно возбуждены, когда, наконецъ, нѣсколько неожиданно, революція пришла и въ Австрію. Въ Вѣнѣ совершались революціонныя событія; хорваты были съ венграми на ножахъ и звали на помощь сербовъ; словаки, ближайшіе единоплеменники чехо-моравань, искали средствъ для борьбы противъ венгерскихъ насилій; австрійскіе нѣмцы послали депутатовъ въ обще-германскій революціонный парламентъ во Франкфуртъ и желали объединенія нѣмецко-австрійскихъ земель

съ Германіей, считая въ числѣ этихъ земель и Богемію, — чехи возстали противъ этого всѣми силами... Австрійское правительство растерялось, и одно время народы были предоставлены самимъ себѣ.

Въ этихъ обстоятельствахъ возникла мысль устроить въ Прагѣ славянскій съѣздъ, гдѣ бы представители славянскихъ племенъ Австріи собрались для обсужденія своихъ дѣлъ, для отвращенія грозившихъ опасностей. Намъ нѣтъ надобности пересказывать исторію этого съѣзда. Довольно сказать, что результаты его совѣщаній (хотя и не конченныхъ, вслѣдствіе закрытія съѣзда) показали, что австрійское славянство еще не въ силахъ было взять дѣло самостоятельно въ свои руки. Австрія, — которая по убѣжденію Погодина (передававшаго и чаянія самихъ западныхъ славянъ) должна была развалиться при первомъ толчкѣ, — получила этотъ толчекъ, но не развалилась, потому что ее поддержали сами славяне, — на свою бѣду, какъ показали послѣдствія. «Если бы не было Австріи, ее надо было бы создать» — таковъ былъ послѣдній выводъ, сказанный главнѣйшими авторитетами австрійскаго славянства (Палацкій, банъ Елачичъ), — и надо признать, что они въ тогдашнихъ обстоятельствахъ сказали бы правду, если бы могли разсчитывать на политическую честность, — а ея-то именно и не было у людей, на которыхъ надѣялось несчастное славянство. Оно было поставлено между двухъ огней, революціонными нѣмцами и венграми — которые были и врагами правительства — и рѣшило, что надо примкнуть къ правительству: въ самомъ славянствѣ — какъ ни любили славянскіе патріоты считать милліоны его населенія — не оказалось столько силы и единства, чтобы самостоятельно устроить свои дѣла.

Но не должно думать, чтобы выводъ, къ которому пришли славянскіе патріоты, былъ только вынуждаемъ необходимостью. Они и безъ того не были расположены къ тому панславизму, о какомъ мечталъ Гуровскій, Погодинъ и потомъ наши славянофилы. Въ постановленіяхъ и манифестахъ пражскаго съѣзда господствуетъ иная формула.

Съѣздъ настаивалъ на національной равноправности съ другими племенами, на полномъ правѣ каждой народности развивать свой языкъ и всѣ особенности своего племенного историческаго характера. Непосредственныя задачи съѣзда ограничивались славянскими народами Австріи и въ своемъ предполагавшемся адресѣ австрійскому императору, въ своихъ дебатахъ съѣздъ держался плана федеративной имперіи съ національной свободой каждаго племени. Не было никакой рѣчи о союзѣ съ Россіей, о надеждахъ на помощь западно-славянскому дѣлу съ ея стороны, не было не по дипломатической осторожности, а потому, что чувствовали себя съ тогдашней Россіей чуждыми. Приводимъ общія мнѣнія съѣзда о между-славянскихъ отношеніяхъ, какъ они понимались тогда, тридцать лѣтъ тому назадъ. Мы увидимъ, что позднѣйшія рѣчи Ригера на съѣздѣ московскомъ 1867 повторяли давно выработанную чешскую тему.

«Въ политическомъ отношеніи — говоритъ документъ пражскаго съѣзда, — мы можемъ только высказать горячее сочувствіе ко всѣмъ нашимъ единоплеменникамъ

«Если бы наше слово было оцѣнено и внѣ Австріи [1]), мы бы высказались за примиреніе русско-польскихъ споровъ и за освобожденіе славянъ изъ-подъ турецкаго ига. Между русскими и поляками дѣло идетъ главнымъ образомъ объ уравненіи правъ обѣихъ народностей.

«Если это уравненіе состоится, изъ этого само собой произойдетъ ближайшее соглашеніе между этими обоими сильными народами. Пусть свѣтъ свободы, который свѣтитъ намъ, австрійскимъ славянамъ, на пути соглашенія, приведетъ также русскихъ и поляковъ въ мирную пристань.

«Когда бы въ особенности русскій народъ въ своемъ отечествѣ скорѣе увидѣлъ свѣтъ свободы.

«Славянамъ въ Турціи скоро пробьетъ часъ освобожденія, потому что благородный народъ сербскій все выше под-

[1]) Т. е. въ Россіи

нимаетъ хоругвь свободы. Войско, ведомое такими героями, какъ сербы, идетъ только по дорогѣ къ побѣдѣ.

«Когда они завоюютъ себѣ независимость, тогда обниметъ и ихъ союзъ славянскаго федеративнаго государства.

«Надѣемся, что просвѣщенное правительство саксонское не уничтожитъ небольшой, для него безвредный народъ, за то, что онъ еще помнитъ свое славянское происхожденіе.

«Съ той же надеждой ожидаемъ отъ Пруссіи, что она оставитъ систематическое онѣмеченіе славянскихъ краевъ въ Силезіи, Лужицахъ, въ западной и восточной Пруссіи.

«А каковы наши желанія о развитіи славянскихъ наукъ и искусствъ?

«На этомъ полѣ до сихъ поръ мы могли дѣйствовать свободнѣе, и ученые всѣхъ славянскихъ племенъ многократно настаивали на мысли о литературной взаимности. Если мы обозначаемъ наше желаніе въ этомъ отношеніи только вкратцѣ, это дѣлается не потому, чтобы мы не оцѣнивали достаточно духовную общественную жизнь славянъ, а потому, что простого указанія достаточно для всеобщаго признанія этого дѣла.

«Пусть во всѣхъ славянскихъ земляхъ обученіе всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ во всѣхъ высшихъ школахъ станетъ въ числѣ главныхъ предметовъ преподаванія.

«Пусть славянскіе ученые, по примѣру итальянскихъ и нѣмецкихъ, ежегодно собираются для совѣщаній и взаимнаго обмѣна мыслей.

«Пусть учрежденія для наукъ и искусствъ въ славянскихъ земляхъ ставятъ себѣ цѣлью прежде всего облагороженіе славянскихъ задачъ; и на этомъ пути допускаютъ свободную конкурренцію всѣхъ славянъ, безъ различія исповѣданій. По крайней мѣрѣ мы сами не должны бы были стѣснять себя на этомъ поприщѣ»...

Въ то время такъ много говорилось о панславизмѣ, что съѣздъ нашелъ нужнымъ упомянуть о немъ.

«Врагамъ нашей народности, говоритъ манифестъ сла-

вянскаго съѣзда къ народамъ Европы, удалось настращать Европу пугаломъ политическаго панславизма, который будто бы грозитъ гибелью всему, что гдѣ пріобрѣтено для свободы, просвѣщенія и человѣчности. Но мы знаемъ то волшебное слово, котораго одного довольно, чтобы заклять это пугало, и для пользы свободы, просвѣщенія и человѣчности мы не хотимъ скрывать этого слова передъ народами, которыхъ притомъ безпокоятъ и угрызенія собственной совѣсти: это слово есть *справедливость*, справедливость и къ славянскому народу вообще и къ угнетеннымъ его отраслямъ въ особенности. Нѣмецъ хвалится, что онъ больше другихъ народовъ способенъ и склоненъ уважать и цѣнить всѣ особенные инонародные характеры; желаемъ, чтобы, говоря о славянинѣ, онъ не могъ быть уличенъ во лжи. Мы энергически возвышаемъ свои голоса за несчастныхъ братьевъ нашихъ поляковъ, которые обманомъ и насиліемъ лишены своей самостоятельности; вызывая правительства исправить, наконецъ, этотъ старый грѣхъ, это проклятіе, наслѣдственно тяготѣющее на политикѣ ихъ кабинетовъ, мы опираемся въ этомъ на сочувствіе всей Европы»... Они поднимали голосъ за угнетаемыхъ сербовъ, хорватовъ, словаковъ, русиновъ, славянъ балканскихъ и т. д.

Пражскій съѣздъ такимъ образомъ, кромѣ ближайшихъ желаній австрійскаго славянства объ устройствѣ его дѣлъ, высказывалъ общія мысли о цѣломъ славянствѣ, — и въ этомъ послѣднемъ основными идеями съѣзда была общественно-политическая равноправность и свобода, религіозная терпимость и историческое право, — и все это съ знаменательными умолчаніями о Россіи, для которой пожелали только «свѣта свободы» и справедливости къ Польшѣ. Это были политическіе идеалы, очень несхожіе съ московскимъ славянофильствомъ, которое строило широкіе планы, но неясно говорило о свободѣ, умалчивало о равноправности, вмѣсто религіозной терпимости ставило исключительность, и которое, кажется, доселѣ не выяснило себѣ, какимъ образомъ желаемая свобода славянскихъ народовъ можетъ быть

примирена съ главенствомъ Москвы, которое понимается имъ съ такой исключительностью. Аргументы пражскаго съѣзда, конечно, заимствовались прежде всего изъ соображеній pro domo sua, — ихъ и укоряли послѣ за узкость взгляда, но это были, по крайней мѣрѣ, аргументы изъ дѣйствительной жизни, а не заоблачныя фантазіи. Ошибка была въ преувеличеніи силы духа времени: подъ впечатлѣніемъ событій, потрясавшихъ тогда всю среднюю Европу, съѣзду казалось, что прежняя форма государственности уже невозможна; другой ошибкой были довѣрчивыя надежды на Австрію; но справедливо переданы были стремленія племенъ къ обезпеченію своихъ національностей и тѣ требованія политической свободы, соблюденіе которыхъ было бы необходимо для возможности славянскаго союза.

Эти мысли, которымъ поучало фактическое положеніе австрійскихъ славянъ, созрѣвали у нихъ давно, и надо полагать, что отсюда, изъ бесѣдъ съ славянскими патріотами, Погодинъ заимствовалъ свои разсужденія о Польшѣ, очень замѣчательныя для того времени. Но, повидимому, совсѣмъ независимо, изъ одного общаго смысла національнаго возрожденія, вышли представленія г. Костомарова и его друзей во времена «Кирилло-Меѳодіевскаго братства».

Изъ западно-славянскихъ публицистовъ едва-ли не одинъ Штуръ имѣлъ о славянскомъ вопросѣ понятія, очень близкія къ понятіямъ нашихъ славянофиловъ; онъ даже полнѣе и яснѣе, чѣмъ они, высказалъ свои планы славянскаго объединенія. Людевитъ Штуръ, родомъ словакъ, какъ Колларъ и Шафарикъ, былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей славянскаго возрожденія. Сочиненіе его, о которомъ мы говоримъ, подъ названіемъ «Славянство и міръ будущаго», написанное по-нѣмецки въ первыхъ 1850-хъ годахъ, уже долго послѣ его смерти (онъ умеръ въ 1856) издано было въ русскомъ переводѣ г. Ламанскимъ въ «Чтеніяхъ» Московскаго общества исторіи и древностей, 1867. Въ сочи-

ненія вполнѣ выразился характеръ этого пламеннаго славянскаго патріота; русскій издатель и переводчикъ справедливо замѣчаетъ, что «даже читатель, и несогласный съ направленіемъ Штура, признаетъ въ сочинителѣ рѣдкія дарованія, высокій умъ, честное, ненавидящее неправду сердце, горячую любовь къ свободѣ, славянству и человѣчеству; — каждый мыслящій человѣкъ прочтетъ это блестящее произведеніе новѣйшаго панславизма съ самымъ живымъ любопытствомъ». Книга Штура есть цѣлый историческій и политическій трактатъ о прошедшихъ судьбахъ славянства, его настоящемъ положеніи и о томъ пути, какой ему слѣдуетъ принять для своего возстановленія. Онъ начинаетъ сѣтованіями о жалкомъ настоящемъ славянскаго міра, и ищетъ въ прошедшемъ причинъ его упадка, проводитъ историческія параллели съ міромъ западнымъ, и указываетъ спасеніе въ союзѣ съ Россіей. Причинъ упадка главныхъ двѣ. Славяне были народъ патріархальный и не позаботились о развитіи сильнаго государства въ то время, когда нужно было объ этомъ подумать, когда имъ грозили сильные и воинственные сосѣди. Другая причина—католицизмъ, который привязалъ ихъ къ чужому центру и религіозному, и политическому. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ одно русское сумѣло создать могущественное государство, и къ нему-то долженъ примкнуть славянскій міръ, чтобы обезпечить себѣ новую жизнь. Міръ западно-европейскій, по мнѣнію Штура, не имѣлъ зародышей для будущаго развитія въ болѣе свѣжемъ направленіи; онъ представлялъ только старыя формы и новѣйшія извращенія, какъ соціализмъ и коммунизмъ, какъ религіозныя разбродъ сектъ, какъ нападенія на христіанство, какъ фальшивыя конституціи и т. д. Напротивъ, элементы здороваго развитія Штуръ видитъ въ русскомъ народѣ и государствѣ, и для славянства это — единственное прибѣжище и спасеніе. Штуръ въ самыхъ восторженныхъ словахъ говоритъ о Россіи, глубоко убѣжденъ въ великомъ будущемъ русскаго народа. Славянство должно довѣриться Россіи: оно найдетъ политическую опору

во внѣшнемъ ея могуществѣ и обновится связями съ русскимъ народомъ; оно должно возвратиться къ старой общеславянской церкви; оно должно принять русскій литературный языкъ, потому что мелкія литературы отдѣльныхъ племенъ не могутъ имѣть данныхъ для широкаго развитія.

Сходство съ славянофильствомъ очевидное, но, по всей вѣроятности, Штуръ самостоятельно развивалъ свои мысли: весь трактатъ отличается большой цѣльностью; энтузіазмъ автора къ Россіи такъ великъ и искрененъ и съ нимъ такъ связана вся его теорія, что совпаденіе становится тѣмъ замѣчательнѣе. Понятно, что при этой точкѣ зрѣнія Штуръ не могъ сойтись съ чешскими политиками, и дѣйствительно онъ — настоящій панславистъ, тогда какъ чешскіе и вообще западнославянскіе политики держались панславизма съ большими оговорками, даже совсѣмъ отъ него отрекались; и притомъ онъ — панславистъ съ русской точки зрѣнія.

Только наши славянофилы такъ прямо и категорически становились противъ Европы, какъ это дѣлаетъ Штуръ. Кромѣ теоретическихъ заключеній объ ея настоящемъ состояніи, онъ имѣлъ и историческія основанія относиться къ ней не очень дружелюбно: Европа всегда была враждебна славянству, смотрѣла на него какъ на служебное племя, и союзъ съ нею для славянства невозможенъ. Самая вражда происходила оттого, что славяне вообще позднѣе всѣхъ приступали къ европейской цивилизаціи и потому оказывались въ зависимомъ положеніи, какъ чужіе и низшіе, — и вмѣстѣ отъ того, что самые принципы жизни славянской и европейской были различны.

Что же нужно для возрожденія славянства?

«Для возрожденія нашего, — отвѣчаетъ Штуръ — на этотъ вопросъ, — для занятія нами мѣста во всемірной исторіи, согласно съ нашими силами и дарованіями, мы должны разъ навсегда освободиться отъ невыносимаго чужого ига и пріобрѣсть себѣ государственную самостоятельность; ибо у народа, состоящаго въ рабствѣ, связаны руки, духъ его подавленъ, и онъ всегда подвергается опасности рано или

поздно погибнуть. Сверхъ того, каждый народъ, съ утратою своей политической самостоятельности, теряетъ почетъ, и тотъ, кто всегда служитъ другимъ, безпомощенъ и безсиленъ стряхнуть съ себя иго, нисколько не уважается другими народоправными личностями. Только самостоятельные народы, какъ и независимые люди, могутъ разсчитывать на общественное признаніе и уваженіе; а такъ какъ самостоятельность прежде всего нужна большинству славянскихъ племенъ, то для насъ она—вопросъ національный, дѣло первой, рѣшительной важности. Нечего намъ говорить, какого о насъ мнѣнія были другіе народы, видя насъ во всѣхъ краяхъ въ служебномъ отношеніи къ иностранцамъ: нѣмцамъ, мадьярамъ, гуркамъ и итальянцамъ, не замѣчая въ насъ никакого стремленія покончить съ такимъ положеніемъ. Иначе должно стать и станетъ въ ближайшемъ будущемъ. Но какимъ образомъ завоевать намъ себѣ самостоятельность и какъ потомъ намъ сложиться? По современному положенію нашему, для достиженія этого есть *троякая* возможность, и господствующія объ этомъ мнѣнія у славянъ слѣдуютъ тремъ различнымъ направленіямъ, въ пользу: 1) образованія соединенныхъ федеративныхъ государствъ; 2) образованія изъ Австріи средоточія для всѣхъ западныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ, такъ чтобы славянскій элементъ, какъ самый сильный въ ней, поднятый до высшаго государственнаго значенія, существенно измѣнилъ это государство, или, наконецъ, 3) присоединенія къ Россіи».

Первое онъ считалъ совсѣмъ невозможнымъ. Прежде всего, говоря о федеративныхъ государствахъ, —возможныхъ только въ видѣ республикъ,—надо оставить въ сторонѣ Россію и тѣ племена, которыя къ ней принадлежатъ или отъ нея зависятъ. О реслубликѣ въ самой Россіи, конечно, безумно думать—останутся, слѣдовательно, только австрійско-славянскія земли. Но онѣ еще должны завоевать свое положеніе, а это не легко. Всѣ онѣ внутри раздѣлены разноплеменностью населеній, города заняты инородцами, особ-

ливо нѣмцами; населенія дѣлятся различіемъ исповѣднымъ, наконецъ, степенью политическаго развитія. Къ ихъ общему и успѣшному дѣйствію предстоятъ непреодолимыя препятствія по разнообразію самыхъ племенъ, по ихъ географическому положенію, внѣшнимъ отношеніямъ.

Говоря объ этомъ разнообразіи славянства, Штуръ дѣлаетъ, наперекоръ обыкновеннымъ мнѣніямъ, любопытное замѣчаніе, что это разнообразіе, завѣщанное прошлымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже необходимо поддержать въ серьезномъ обще-славянскомъ интересѣ. «Нѣкоторые ученые, говоритъ онъ, — пытались всѣ славянскія нарѣчія (для сокращенія ихъ дробленія на слишкомъ мелкія и потому безсильныя единицы), за исключеніемъ русскаго, привести къ тремъ, но это средство не уменьшаетъ зла даже временно, пренебрегаетъ развитіемъ отдѣльныхъ племенъ и прокладываетъ путь новому, еще бо́льшему со временемъ, несчастію, такъ какъ современное положеніе этихъ племенъ можетъ быть только дѣленіемъ преходящимъ, а между тѣмъ, разъ соединившись въ большія громады, племена тѣмъ потомъ упорнѣе держались бы своей розни (партикуляризма), и только бы еще упрямѣе противились слиянію въ одно цѣлое. Ясный примѣръ тому поляки, послѣ русскихъ самое сильное славянское племя, имѣющее самую богатую, за исключеніемъ русской, литературу и исторію, — они поэтому наиболѣе и противятся великому славянскому единству и тяготѣютъ къ западу. Священнѣйшій долгъ каждаго славянина состоитъ въ томъ, чтобы всегда имѣть въ виду не частное, а общее, и возставать противъ частнаго, когда оно старается распространиться на счетъ цѣлаго, ибо лишь съ цѣлымъ оживится нѣкогда все частное и достигнетъ болѣе счастливаго, уже издавна и горячо желаннаго, будущаго. Естественно, что между 8 славянскими племенами и 8 словесностями не можетъ быть возстановлено тѣсное согласіе, и, такимъ образомъ, нисколько не удивительно, что, несмотря на всѣ похвальныя усилія, «славянская взаимность» не особенно успѣваетъ, и при этомъ

порядкѣ вещей никогда не утвердится такъ, какъ бы было желательно. Она тѣмъ менѣе успѣваетъ, чѣмъ болѣе историческіе примѣры и современное развитіе будутъ подстрекать отдѣльныя племена къ жизни обособленной и къ совершенному со временемъ отдѣленію отъ цѣлаго; ибо другія, болѣе по-славянски настроенныя или слабѣйшія племена будутъ постоянно и съ полнымъ правомъ противодѣйствовать подобнымъ стремленіямъ. Такого рода противодѣйствіемъ представляется намъ сопротивленіе сербовъ хорватамъ или собственно, такъ называемымъ, иллирамъ, малоруссовъ полякамъ и словаковъ, въ языкѣ и литературѣ, чехамъ. По полученнымъ изъ жизни опытамъ, рѣшаюсь осуждать первое отщепенническое (сепаратистическое) стремленіе) и напротивъ того хвалить это сопротивленіе».

Самъ Штуръ дѣйствовалъ именно въ этомъ смыслѣ въ словацкой литературѣ. Словацкое нарѣчіе очень близко къ чешскому, гораздо ближе, чѣмъ, напр., малорусское къ русскому, и однако, въ эпоху славянскаго возрожденія, у словаковъ также возникло стремленіе устроить себѣ особую литературу на своемъ мѣстномъ нарѣчіи. Чехи возстали противъ этого, издали цѣлую хрестоматію голосовъ въ пользу чехо-словацкаго литературнаго единства, но словаки не убѣждались, и Штуръ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ противниковъ этого единства и защитниковъ особой словацкой литературы. Мотивы своихъ дѣйствій онъ и означаетъ въ приведенномъ разсужденіи.

И въ другомъ пунктѣ своихъ разсужденій Штуръ опять расходится съ большинствомъ западно-славянскихъ мнѣній. Дѣятели западнаго славянства, не говоря о полякахъ, особенно чешскіе, всегда были склонны преувеличивать свои національныя силы. Часто овладѣвалъ ими страхъ за свое

) Т.-е. стремленіе образовать три или четыре крупныя, но уже совсѣмъ отдѣльныя славянскія массы,—при чемъ мелкія доли народностей были бы ими поглощены, а объединение обще-славянское (съ русскимъ языкомъ въ литературѣ) еще болѣе затруднено, или даже стало бы невозможнымъ. Стр. 140—141.

существованіе; они видѣли необходимость чужой помощи, искали ея, — но въ то же время не хотѣли сознаться въ томъ, до какой степени чужая опора имъ необходима. Штуръ говоритъ совершенно открыто объ этой безпомощности западнаго славянства, которая и является однимъ изъ основныхъ аргументовъ въ пользу того, что славянству неизбѣжно надо примкнуть къ Россіи.

«Но если вы хотите сокрушить наше рабство, — говоритъ онъ славянамъ, и образовать государство, то гдѣ же на то твердая, непреклонная воля, гдѣ творческая сила, гдѣ среда дѣйствія, гдѣ всякаго рода капиталы, нужные для основанія и поддержанія государства, гдѣ, наконецъ, ожидать несокрушимаго единства общей воли? Говоримъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, но говоримъ откровенно: *наши силы сломлены* чужеземнымъ господствомъ, иноплеменники питаются и живутъ нашимъ потомъ и кровью, скупо подаютъ намъ средства на наше самообразованіе, или совершенно насъ отъ него удерживаютъ. Наши племена только *обломки одной народности*. Ихъ можетъ возродить и соединить въ одно цѣлое только *однородная, доброжелательная, мощная сила*. Правда, мы можемъ еще уничтожить кое-какую гниль, но *безсильны* возродиться и поддерживать себя *собственными средствами*. Долой такимъ образомъ со всѣми утопіями, и примемся за работу съ вѣрнымъ взглядомъ на наши обстоятельства, на ходъ исторіи. Задача нашихъ племенъ состоитъ не въ основаніи государствъ, а въ безостановочной, непрерывной, *приготовительной работѣ* къ великому подвигу, въ оживленіи и подготовкѣ нашихъ народностей къ тому, чтобы, какъ только настанетъ великій славянскій день, онѣ были достаточно вразумлены и одушевлены на подвиги, необходимые для нашего вожделѣннаго спасенія. Поэтому-то, ты, славянинъ и дитя этихъ племенъ, не пропускай ни одного дня безъ работы для своего племени, блюди его права, образуй и поучай его и не будь никогда тѣмъ продажнымъ рабомъ у повелителей твоего племени, который давно томится въ неволѣ и вла-

чить, подъ ихъ же проклятіями, тріумфальную ихъ колесницу!»

Разсуждая о второмъ предположеніи — образованіи изъ Австріи средоточія для южныхъ и западныхъ славянскихъ земель, Штуръ снова высказываетъ мысли, прямо противоположныя рѣшеніямъ пражскаго съѣзда. Эта теорія кажется ему еще нелѣпѣе и несбыточнѣе первой. Она дурна тѣмъ, что собирается строить на вывѣтрившемся и гниломъ основаніи; племена окончательно истощатъ себя, рѣшая эту невозможную задачу. Австрія есть старая нѣмецкая украйна, предназначенная для онѣмеченія юго-западнаго славянства, и безъ измѣны самой себѣ она не перестанетъ быть нѣмецкой: она погибнетъ, если рѣшится это сдѣлать. Она и не сдѣлаетъ этого, потому что съ успѣхомъ и доселѣ обращаетъ славянъ въ нѣмцевъ, спокойно забывая всѣ только-что данныя обѣщанія національной равноправности. «О, горе вамъ, славянамъ, горе тебѣ, *славянская* Австрія! Кто же изъ васъ столь безуменъ и ослѣпленъ, что, забывши всю прежнюю австрійскую исторію, послѣ такихъ ужасныхъ разочарованій, еще можетъ вѣрить въ славянскую или равноправную Австрію». Нѣкогда существованіе Австріи имѣло смыслъ. Она должна была собрать разрозненныя племена, оторвавшіяся отъ своихъ корней, составить изъ нихъ государство, чтобы противостать турецкимъ нашествіямъ. Теперь Турціи уже никто не боится; въ племенахъ, составляющихъ Австрію, пробудился духъ національности; они стремятся пріобрѣсти самостоятельность и бѣгутъ изъ нея. Она такъ ослабѣла, что не въ силахъ была сама усмирить возмутившихся подданныхъ и должна была просить чужой помощи. Штуръ ожидаетъ, что славяне уже не сдѣлаютъ больше той глупости, какую сдѣлали въ 1848 — 1849 годахъ. «Повидимому, славянскія племена уже болѣе не будутъ помогать Австріи, даже, вѣроятно, станутъ дѣйствовать совершенно въ противоположномъ смыслѣ; ибо, помогая Австріи, они принуждены будутъ работать на свою голову, сами собственноручно ковать цѣпи для своего еще

бо́льшаго порабощенія, добровольно трудиться въ пользу своего онѣмеченія и угона въ нѣмецкую изгородь, защищать погибшее дѣло и, въ награду за всѣ эти услуги, навлекать на себя справедливую ненависть всѣхъ народовъ. Въ этомъ также заключается и опасность, и что-то презрительное для славянскихъ племенъ съ оказываемою ими помощью Австріи». Штуръ думаетъ, что на будущее время и Россія едва-ли окажетъ Австріи помощь, какъ въ венгерскую войну, потому что не захочетъ брать на себя великую отвѣтственность передъ своимъ народомъ.

Наконецъ, Штуръ говоритъ о самомъ заявленіи теоріи славянской Австріи на пражскомъ съѣздѣ.

«Мысль образованія изъ Австріи точки опоры для славянскихъ племенъ въ средней Европѣ вышла изъ головъ чешскихъ, есть сочиненіе чешскаго исторіографа Палацкаго, правда, ученаго и положительнаго, но недальновиднаго и безъ идей. Палацкій, впрочемъ, въ этомъ случаѣ взятъ на буксиръ чешскою, приверженною къ Австріи, аристократіею. Такимъ образомъ чехамъ открывались виды на верховенство надъ славянскими племенами Австріи, даже на ея преобразованіе въ ихъ смыслѣ; при чемъ ея власть необходимо досталась бы въ ихъ руки. Они съ жаромъ ухватились за эту мысль, потому что они, благодаря своему католичеству, тяготѣли къ Австріи. Они употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы провести эту мысль у другихъ славянъ, и имъ удалось привлечь къ ней и такъ-называемое иллирство».

Это и были планы, проводившіеся на пражскомъ съѣздѣ. Штуръ указываетъ затѣмъ, какъ жестоко должны были разочароваться партизаны славянской федеративной Австріи, когда, по усмиреніи революціи и венгерскаго возстанія, на славянъ же, спасавшихъ Австрію, обрушились новыя угнетенія. «Мы убѣждены, что сами поборники славянской Австріи между чехами, Палацкій, Гавличекъ и пр., теперь раскаялись въ своемъ австрійскомъ усердіи и, быть можетъ, уже держатся другого образа мыслей... Съ федераціею Палацкаго Австрія быстро подвергнется совершенному разло-

женію, и Меттернихъ хорошо зналъ, что онъ дѣлаетъ, держа въ ежовыхъ рукавицахъ всѣ народности Австріи, и давалъ имъ всѣмъ, за исключеніемъ мадьярской, которою не успѣлъ овладѣть, пользоваться небольшою призрачною жизнью. Славянскую Австрію предоставьте нѣкоторымъ чешскимъ аристократамъ, нѣсколькимъ католическимъ епископамъ и ихъ продажнымъ рабамъ!.. У чеховъ всего меньше причинъ служить австрійцамъ какими-то щитоносцами»...

Но если славянству невозможно ни устроить федеративныхъ государствъ, ни развиться въ Австріи, ему остается единственный путь — *соединеніе всѣхъ славянъ съ Россіей.* «Не Россія ли до сихъ поръ служила для западнаго и южнаго славянства единственной помощью и надеждой? — спрашиваетъ онъ. — Признаемся откровенно: развѣ всѣ наши національныя стремленія имѣли бы какой-нибудь смыслъ, значеніе и будущее безъ Россіи, при непомѣрной ненависти къ намъ чужеземцевъ, которымъ мы уже покорились и которые хотятъ теперь дѣлиться господствомъ надъ нами? Не будь Россіи... турки, нѣмцы, въ союзѣ съ мадьярами и итальянцами, не кинулись ли бы на насъ и, при своемъ численномъ превосходствѣ и разныхъ другихъ преимуществахъ, не задавили бы насъ и не увеличили бы нашего рабства до медленной нашей смерти? Гдѣ Россія и не выступала положительно за славянство, она все же оказывала и продолжаетъ ему оказывать самыя важныя жизненныя услуги. Если такимъ образомъ наше пробужденіе нашло себѣ въ Россіи точку опоры, если она прежде была и теперь намъ всѣмъ полезна, то понятно, что все дальнѣйшее наше существованіе, весь нашъ жизненный вопросъ связанъ съ нею. Къ чему идти противъ Россіи, къ чему въ близорукости, пристрастіи, безуміи или злобѣ, словомъ и дѣломъ, трудиться противъ Россіи?»...

Какъ пражскій съѣздъ вступался за поляковъ, такъ Штуръ осуждаетъ ихъ — съ той же точки зрѣнія, какъ иногда дѣлалось у насъ: поляки — единственные славяне, которые ненавидятъ Россію; ради этой ненависти они по-

стоянно искали помощи у иностранныхъ государствъ, и эти ихъ постоянно обманывали; своими легкомысленными возстаніями и всегда имъ вредившими союзами съ иноплеменниками, поляки потеряли довѣріе и расположеніе своихъ единоплеменниковъ. «Вся ихъ исторія очевидно доказываетъ, что они не въ состояніи держать верховенство надъ славянскими народами». Если бы въ борьбѣ поляковъ съ русскими первые одержали верхъ, то была бы рѣшена участь всѣхъ славянъ, далеко вдвинувшихся въ Европу, — они погибли бы. Россія своей побѣдой доказала свое славянское предназначеніе.

Въ заключеніе, Штуръ пишетъ восторженный трактатъ о могуществѣ Россіи, о тѣхъ великихъ задаткахъ, какіе она имѣетъ для будущаго, объ ея значеніи какъ единственной славянской державы, къ которой просто изъ чувства самосохраненія должны присоединиться славяне. Это — та тэма величія Россіи, которую мы указывали въ запискѣ Погодина 1838 года, но развитая съ гораздо бо́льшимъ умомъ и, вѣроятно, большей искренностью. Штуръ не пропускаетъ возраженій, какія дѣлались противъ изображаемаго имъ характера Россіи, и горячо защищаетъ ее; онъ признаетъ, что въ ея настоящемъ положеніи есть недостатки, но онъ надѣется, что время ихъ исправитъ. Какъ только Россія перемѣнитъ свою прежнюю политику, ея власть въ славянскомъ мірѣ обезпечена. Внутреннія условія дѣлаютъ Россію естественнымъ предводителемъ славянства; въ условіяхъ внѣшнихъ ея сосѣди — государства, съ угнетаемыми славянскими подданными, «гнилая Австрія и турецкій трупъ» «Они распадутся сами собою, и русскіе должны будутъ, въ выгодахъ собственной безопасности, вмѣшаться въ ихъ дѣла».

Штуръ съ сожалѣніемъ говоритъ объ иностранныхъ союзахъ Россіи, которые дѣлали ее исполнительницей чужихъ дѣлъ и отдаляли ее отъ собственныхъ національныхъ задачъ. «Опираться на все славянство — вотъ единственно природная и сообразная Россіи политика. Славянскія пле-

мена, нынѣ находящіяся въ предѣлахъ русскаго государства, однажды соединившись съ Россіею въ одно цѣлое, слишкомъ достаточно замѣнятъ ей иностранные союзы. И такъ, терпѣнье, славяне!»

«Только въ русскомъ государствѣ имѣетъ славянская жизнь основаніе и опору для своего дальнѣйшаго развитія, только творческая и охранительная русская сила можетъ возродить обломки нашей народности, и характеръ русскаго народа составляетъ единственную могучую силу тяготѣнія для нашихъ племенъ, еще не совершенно невѣрныхъ своей природѣ... Такому предводителю славянскія племена могутъ довѣриться безъ опасенія...

«Громадная русская сила напираетъ впередъ, она не можетъ успокоиться, она постоянно должна искать новыхъ театровъ своей дѣятельности. Славянское сознаніе сильно пробуждается въ Россіи и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе ее охватываетъ, а оно не можетъ долго оставлять въ рабствѣ и нуждѣ родственныя русскимъ племена... Но пора, въ высшей степени пора, Россіи сознать свое призваніе и приняться за славянскую идею; ибо долгое *промедленіе* можетъ, по нашему мнѣнію, имѣть дурныя послѣдствія.

«Но для того, чтобы Россія увеличилась присоединеніемъ къ ней славянъ, чтобы славянство разъ навсегда пріобрѣло жизнь и дѣйствительность, она должна такъ *устроиться внутри*, какъ того требуютъ духъ славянства, истинная современная образованность и ея мировое положеніе».

Это послѣднее, внутреннее устройство Штуръ считаетъ первостепенной необходимостью. Славянство искони отличалось своимъ патріархально-демократическимъ складомъ, развитіемъ общинности, областного самоуправленія, но никогда не умѣло сдѣлать вѣрнаго шага отъ этого послѣдняго къ государственности, къ цѣльному единству. Отсюда его дѣленіе, слабость, наконецъ, чужое иго. Но такая государственность есть въ Россіи: но—«пусть только придетъ

она въ согласіе съ указанными *народоправными, нашему народному духу сообразными учрежденіями,* чѣмъ вообще будетъ удовлетворена потребность дальнѣйшаго государственнаго развитія и отнятъ поводъ къ нескончаемымъ переворотамъ».

«Облеченное такою властью правительство никогда не можетъ стоять внѣ своего народа и колебаться на воздухѣ, но должно, сообразно нашему народному духу и его предназначенію, идти съ народомъ рука объ руку, согласно его нравамъ и потребностямъ...» Иначе, рано или поздно явится отчужденіе, и возможны станутъ «неизмѣримыя несчастія». Въ случаяхъ важныхъ и трудныхъ власть отбираетъ мнѣнія отъ областныхъ народоправныхъ учрежденій—«или, что еще лучше и болѣе по-славянски, — заключаетъ Штуръ,— оно созываетъ земскій соборъ» [1]).

Развивая далѣе свои мысли объ этомъ предметѣ, Штуръ продолжаетъ:

«Между правительствомъ, поставленнымъ въ такія отношенія къ народу, и самымъ народомъ да никоимъ образомъ не пробивается тайная полиція,—это иностранное порожденіе, отравляющее взаимное довѣріе и питающее только недовѣріе въ правительствѣ и народѣ, искусственно вызывающее разрывъ и развращающее народъ» [2]).

Во внѣшней политикѣ слѣдуетъ, по мнѣнію Штура, отказаться отъ политическихъ союзовъ, заключаемыхъ единственно въ видахъ сохраненія падающихъ или безпомощныхъ династій и престоловъ (политика священнаго союза, помощь австрійской династіи, охрана Турціи и т. д.). «Черезъ это славянское правительство, почіющее совершенно на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ другія иностранныя державы, отождествляется съ несостоятельными, изъ вѣры вышедшими, падающими правительствами, навлекаетъ на себя ненависть народовъ, — безъ всякаго, быть можетъ, осно-

[1]) «Славянство и міръ будущаго», стр. 181.
[2]) Тамъ же, стр. 182.

ванія [1]),—само теряетъ уваженіе у своего народа, ибо пренебрегаетъ своимъ дѣломъ, и лишается довѣрія другихъ славянскихъ племенъ. Дѣйствіе этихъ союзовъ достаточно бы было, по нашему мнѣнію, восполнено для русскаго правительства *союзами съ славянскими племенами*, живущими внѣ Россіи, если она, сознавъ свое высокое всемірно-историческое призваніе, возьметъ славянскую идею за свою путеводную звѣзду и обопрется на славянство. Ибо *только тогда* эти племена будутъ готовы примкнуть къ Россіи».

Наконецъ, онъ говоритъ о необходимости возвращенія древней славянской церкви и принятіи славянствомъ русскаго литературнаго языка. Этимъ объединеніе было бы завершено.

Мы подробно остановились на сочиненіи Штура, потому что оно есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ фактовъ въ литературѣ панславизма, и все-таки очень мало извѣстно даже у насъ, не говоря о западномъ славянствѣ. Въ своемъ родѣ, это—единственное произведеніе, гдѣ западный славянинъ, горячій патріотъ въ своей народности, является вмѣстѣ самымъ ревностнымъ партизаномъ такъ-называемаго «русскаго панславизма» и съ глубокимъ убѣжденіемъ призываетъ своихъ единоплеменниковъ въ русскій союзъ. Въ его взглядѣ на Россію есть идеализація, есть незнаніе частностей, фактическія ошибки; но это не помѣшало ему сдѣлать и существенно вѣрныя замѣчанія о русской внѣшней и внутренней политикѣ— и указать, что̀ въ ней должно быть измѣнено, чтобы славянство могло довѣриться русскому союзу. Тѣмъ нашимъ шовинистамъ, которые въ послѣдніе годы считали «расхолаживаніемъ» всякое напоминаніе о нашихъ внутреннихъ нуждахъ и недостаткахъ, было бы очень полезно

[1]) Въ другомъ мѣстѣ Штуръ объясняетъ, что это дѣлалось Россіей, чтобъ задержать успѣхи революціи. Онъ самъ не очень сочувствовалъ новѣйшимъ европейскимъ идеямъ, но вмѣшательство Россіи въ эти дѣла все-таки ему не нравится (Ср. стр. 174).

вникнуть въ приведенныя сейчасъ слова Штура объ этихъ предметахъ: они увидѣли бы, что для разумныхъ славянъ, даже съ величайшей привязанностью къ Россіи, эти предметы составляютъ пунктъ величайшей важности, такой, что безъ измѣненія въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ самый союзъ съ Россіей, столь крайне необходимый для славянства, казался имъ невозможнымъ. Такимъ образомъ, вся тяжесть славянскаго вопроса лежала въ положеніи нашего вопроса внутренняго. Хоть бы это прямое свидѣтельство научило чему-нибудь нашихъ новѣйшихъ славянолюбцевъ.

Отъ нихъ станется (если напомнить имъ о Штурѣ,— котораго, можетъ быть, впрочемъ, они и совсѣмъ не знали), что они найдутъ у Штура одни только панегирики русскому первенству въ славянствѣ, станется, что его идеалистическая и вмѣстѣ глубокая привязанность къ Россіи можетъ послужить только лишнимъ поводомъ къ національному самохвальству, и что они не поймутъ всего серьёзнаго смысла его словъ о внутреннемъ русскомъ бытѣ.— Сочиненіе Штура писано, какъ мы видѣли, въ началѣ 1850-хъ годовъ, но нечего доказывать, что и въ нынѣшнемъ состояніи нашего быта, несмотря на всѣ утѣшающія насъ реформы, его замѣчанія остаются справедливы и примѣнимы.— Мы думаемъ, напротивъ, что теплыя надежды этого замѣчательнаго западнаго славянина на русскій народъ и государство тѣмъ болѣе обязываютъ насъ къ правдивому отвѣту,—чтобы своими умолчаніями не вводить въ заблужденіе людей, которые уже слишкомъ много вынесли и выносятъ національнаго бѣдствія, и которые ждутъ отъ насъ освобожденія.

VIII.

Западно-европейскіе и славянскіе протесты противъ панславизма.

За послѣдніе годы газеты были переполнены извѣстіями о томъ, какъ «панславизмъ» безпокоитъ или раздражаетъ европейскихъ политиковъ и публицистовъ, почти поголовно.

Противъ него—всѣ: и Бисмаркъ, и Биконсфильдъ, и мадьярскій парламентъ, и французскіе республиканцы; почти безъ исключенія—газетная литература, наконецъ, волонтеры въ родѣ Розена и т. п. Какъ нѣкогда въ тридцатыхъ годахъ изъ этого слова дѣлали пугало для устрашенія Европы противъ Россіи, такъ и теперь не мало было говорено о предполагаемыхъ захватахъ и завоевательныхъ планахъ Россіи во главѣ панславизма. Въ сущности, этихъ завоеваній боялись теперь гораздо меньше; чувствовалось, что Европа будетъ достаточно согласна, если бы дѣйствительно Россія возымѣла какія-либо опасныя намѣренія. На берлинскомъ конгрессѣ Россія осталась въ одиночествѣ противъ явнаго или закулиснаго единодушія всѣхъ остальныхъ членовъ конгресса. Во всякомъ случаѣ, хоть и не боялись теперь, какъ бывало, «Чингисхана, вооруженнаго всѣми изобрѣтеніями европейской цивилизаціи», но и никакъ не желали допускать политическаго усиленія Россіи, ставили ему всякія препятствія,—и не безъ основанія находя, что вліяніе Россіи можетъ очень возрости съ освобожденіемъ балканскаго славянства, перенесли свое дѣятельное или пассивное противодѣйствіе Россіи и на славянскій вопросъ. «Панславизмъ» опять пригодился—хотя балканскій вопросъ еще далеко не есть панславизмъ, хотя къ настоящему «панславизму» Россія и не заявляла нынѣ ни малѣйшей охоты, въ чемъ не трудно было убѣдиться хотя бы по положенію вопроса въ русскомъ обществѣ и литературѣ и по положенію главнѣйшихъ представителей славянской идеи въ Россіи.

Въ нашей печати вражда западной дипломатіи къ славянскому движенію (по отраженію отъ Россіи) дала поводъ къ извѣстнымъ нападеніямъ на цѣлую Европу, на всю ея цивилизацію—старыя нападенія, которыя, повидимому, получали теперь подтвержденіе. Нѣтъ сомнѣнія, что бросать славянство на жертву туркамъ, лицемѣрно ссылаясь на турецкія реформы, было дѣломъ достаточно постыднымъ; но и въ упомянутыхъ нападеніяхъ была односторонность, а кромѣ того, и доля лицемѣрія. Во-первыхъ, «дипломатія»

вездѣ и всегда не бывала иною, и напрасно было бы ждать отъ насъ однихъ филантропіи и защиты свободы народовъ. Представляя чисто внѣшніе политическіе разсчеты государствъ, дипломатія вообще не думаетъ входить въ нравственные и матеріальные интересы чужого народа, не имѣетъ обыкновенія помогать борьбѣ чужого народа за свою свободу, а если выгодно, то и продастъ его; обстоятельства подобнаго рода разсматриваются только съ точки зрѣнія своей выгоды. Въ «эпоху конгрессовъ» европейская дипломатія, и наша въ томъ числѣ, усердно трудилась надъ подавленіемъ всякаго признака народной свободы, и русская политика обнаружила тогда особенную ревность, предлагая русскія арміи для укрощенія революцій, между прочимъ, не ближе какъ въ Италіи. Принципомъ была «законная власть», и таковою считалась даже власть варвара,—именно той самой Турціи. Во второй четверти столѣтія Россія такъ же, какъ теперь другія государства, дѣлала заявленія о цѣлости и независимости Турецкой имперіи, хотя положеніе славянства было хронически невыносимое, какъ прежде и послѣ. Если требовать отъ дипломатіи сочувствій къ свободѣ народовъ, то надо думать не объ однихъ болгарахъ, но также о славянахъ Босніи и Герцеговины: о нихъ въ послѣднее время было столько безотрадныхъ извѣстій, что, кажется, они также нуждаются въ заступничествѣ: кто имъ дастъ его? Во-вторыхъ, взгляды и дѣйствія европейской дипломатіи и вторившая ей газетная литература вовсе не исчерпывали европейскаго общественнаго мнѣнія. Если представить себѣ, что этотъ славянскій міръ совсѣмъ чуждъ для западной Европы, для англичанъ, французовъ, германцевъ, и по языку, и по своей первобытности, и по народному характеру (по которымъ онъ долженъ бы быть столько близокъ для насъ); что національный вопросъ южнаго славянства для нихъ такъ же далекъ, какъ для насъ испанскіе вопросы, и что, напротивъ, нѣкоторыя соображенія скорѣе побуждали ихъ относиться къ вопросу если не враждебно, то равнодушно,— если представить себѣ все это, то будетъ недобросовѣст-

ностью забывать, что лучшіе умы европейской публицистической литературы, которые обращались къ изученію славянскаго вопроса и лично видѣли его въ дѣйствительности, обнаружили столько пониманія и столько искреннихъ сочувствій къ славянскому дѣлу, сколько очень можно было бы пожелать и для самаго русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, имена Гладстона, Макъ-Гахана, Скайлера, Форбеса, Мак-Колля, Ивэнса, какъ еще ранѣе т-жъ Моккензи и Ирби, Дентона, Барклея, а въ послѣднее время еще «Дочери Капитана», издавшей замѣчательную книгу о Турціи и болгарскомъ славянствѣ, Гельвальда и др., тянутъ въ ряду безкорыстнѣйшихъ друзей южнаго славянства и отчасти даже лучшихъ знатоковъ его современнаго быта. Нѣкоторые, какъ Макъ-Гаханъ и Скайлеръ, займутъ мѣсто въ самой исторіи болгарскаго освобожденія. Ихъ интересъ къ вопросу не былъ имъ данъ ни единоплеменностью, ни единовѣріемъ, ни старыми историческими связями и преданіями; въ своей защитѣ болгарскаго дѣла англійскимъ писателямъ надо было идти противъ нетерпимости собственнаго общества, что вездѣ не легко.

Въ настоящее время въ Европѣ въ «панславизмъ» не очень вѣрятъ, кажется, даже тѣ, кто говоритъ объ его «опасностяхъ», т.-е. не вѣрятъ, чтобы Россія въ самомъ дѣлѣ предприняла завоевать или освободить и присоединить къ себѣ все славянство. Вѣрятъ развѣ только наивные люди, не знающіе положенія вещей.

«Опасности панславизма»—только политическая уловка, за которой скрывается просто вражда къ Россіи. Что Россіи «не любятъ» въ Европѣ—это извѣстно и объясняется вовсе не тѣми сантиментальными причинами, какія у насъ теперь выставляются; что съ ней ведутъ борьбу и хотятъ помѣшать распространенію ея вліянія, это понятно; но въ самомъ дѣлѣ остается возмутительнымъ фактъ, что ради «опасностей панславизма» несчастное балканское славянство осуждалось и еще осуждается на рабство; что ради этихъ опасностей отвергались безобразія турецкаго правленія, до-

стигалось отдѣленіе «Восточной Румеліи» и Македоніи отъ балканскаго цѣлаго, отдача Балканъ турецкимъ гарнизонамъ, и т. д. Не знаемъ, какой «панславизмъ» отдалъ Австріи Босну и Герцеговину, наперекоръ всѣмъ народнымъ желаніямъ и всякой справедливости. По послѣднимъ извѣстіямъ, отдѣленіе Македоніи уже принесло свои плоды: рѣзня началась.

Намъ вспоминается, что при первой вспышкѣ герцеговинскаго возстанія турки съ наглостью, разсчитанной на наивность европейской публики, а пожалуй и правительствъ, утверждали, что волненіе въ Невесиньскомъ округѣ произвели «соціалисты». Счастье, что вспышка такъ разрослась, что говорить о соціализмѣ было уже глупо, да и некогда; а то, пожалуй, турокъ и общ или бы хорошенько истребить соціализмъ. Теперь столь же достаточнымъ основаніемъ душить румелійскихъ и македонскихъ болгаръ, боснійскихъ и герцеговинскихъ сербовъ, служатъ «опасности панславизма». Положеніе австрійскаго славянства, безъ сомнѣнія, также ухудшается опасеніями за его племенныя отношенія къ русскому народу, и опять все тѣ же обвиненія.

Въ другихъ условіяхъ, чѣмъ теперь, одни эти безконечные толки о «панславизмѣ», съ ихъ комментаріями изъ баши-бузукскихъ подвиговъ, въ состояніи были бы навести славянскихъ политическихъ людей на мысль, что въ самомъ дѣлѣ единственное средство устроить свои дѣла есть этотъ панславизмъ. Къ сожалѣнію, внутренняя политическая жизнь славянства такъ подавлена чужими и своими, что говорить теперь о «панславизмѣ», грозящемъ Европѣ, есть шутка или ирония.

У насъ, и въ Европѣ гораздо менѣе извѣстны другого рода протесты противъ панславизма,—протесты самого западнаго и южнаго славянства.

Мысль о цѣломъ славянствѣ вообще возникала прежде всего, и всего больше, между книжными и учеными людьми; первый «панславизмъ» состоялъ изъ очень скромной и

умѣренной мысли о «литературной взаимности» — между четырьмя или пятью отдѣльными славянскими племенами. Такая «взаимность», очевидно, оставляетъ вопросъ какъ онъ есть; она касалась бы только однихъ ученыхъ людей. Она имѣла бы свою важность какъ средство взаимнаго ознакомленія, потому что славяне мало даже знали другъ друга, — но далеко она не шла. Позднѣе, является мысль объ одномъ обще-славянскомъ языкѣ, которая имѣла послѣдователей и въ славянствѣ и у насъ, но до сихъ поръ вызвала, кажется, гораздо больше отрицаній, чѣмъ утвержденій.

Что касается панславизма политическаго, то онъ въ тѣ времена ограничивался почти только поэтическими предположеніями, и въ литературѣ западнаго славянства мы напрасно ожидали бы найти много заявленій, похожихъ на теорію Штура. Были надежды на Россію; отъ южнаго славянства бывали прямыя обращенія къ Россіи, напр., во время сербскаго возстанія; въ моменты національно-поэтическаго одушевленія рисовались картины будущей свободы, будущаго союза всѣхъ славянъ; въ борьбѣ съ врагами высказывались гордыя похвальбы славянскимъ исполиномъ, тянущимся отъ Адріатики до Тихаго Океана, — не все это не приходило ни къ какой ясной политической мысли. Южное славянство въ началѣ столѣтія едва стало выбиваться изъ-подъ турецкаго ига; славянство австрійское едва возвращалось къ національному сознанію. Россія была великое, но слишкомъ неизвѣстное царство; она была далека отъ славянства, чтобы относительно ея могла возникнуть какая-нибудь опредѣленная политическая комбинація. Ближайшая славянская страна, Польша, была ей прямо враждебна... Такимъ образомъ, мысль о настоящемъ племенномъ освобожденіи могла быть у западнаго славянства только чисто поэтическимъ идеаломъ, какъ и было у Коллара.

Впервые реальный политическій вопросъ возникъ для западнаго славянства съ сороковыхъ годовъ, и особенно съ

1848. При этомъ оказалось, что, когда славянству пришлось имѣть дѣло съ настоящими практическими дѣлами, идея настоящаго «панславизма», какъ онъ изображался у европейскихъ публицистовъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, вовсе не пользовалась особеннымъ сочувствіемъ. «Панславизмъ», изображаемый этими публицистами, предполагалъ политическое сліяніе славянъ съ Россіей; въ тогдашнемъ характерѣ Россіи это сліяніе очевидно могло быть только подчиненіемъ и, слѣдовательно, паденіемъ частныхъ народностей: но *такого* панславизма не желалъ ни одинъ изъ славянскихъ народовъ. На пражскомъ съѣздѣ 1848 политическія стремленія западнаго славянства выразились только въ идеѣ лойяльной федераціи австрійскаго славянства подъ властью того же Габсбургскаго дома, — никакъ не болѣе. Тѣ, кто кричали объ «опасностяхъ панславизма», могли очень успокоиться.

Пересматривая въ частности мнѣнія славянскихъ политиковъ и самые факты, надо убѣдиться, что славянство всего меньше расположено къ сліянію, которое грозило бы частнымъ народностямъ. Выше мы говорили о *чешскихъ* мнѣніяхъ. Для чеховъ какое-нибудь соединеніе славянства вообще мыслимо только въ федеративной формѣ, т.-е. такой, которая оставляла бы неприкосновенной ихъ внутреннюю независимость и національную свободу. «Панславизмъ», какъ подчиненіе и поглощеніе ихъ народности, кажется имъ чуть не оскорбленіемъ, — и это понятно. Они съ гордостью думаютъ о своемъ недавнемъ возрожденіи, когда ихъ національность возстала почти изъ мертвыхъ, когда они успѣли произвести новую народную жизнь и литературу. Они не менѣе гордятся своимъ прошедшимъ, когда Чехія играла столь великую роль въ судьбахъ европейскаго просвѣщенія; въ этой гордости, какъ и въ сознаніи своей новой заслуги передъ славянствомъ — возбужденія славянскаго самосознанія трудами чешскихъ ученыхъ, — они даже считали себя передовымъ народомъ славянскаго міра: и возможно ли, чтобы этотъ передовой народъ отступилъ на

второй планъ, стерся и уничтожился? Эта мысль приводитъ ихъ просто въ негодованіе.

По мнѣнію чеховъ, почти единогласному, панславизмъ не есть какая-нибудь серьёзная вещь, о которой стоитъ говорить; это — не больше, какъ фантазія мечтателей, невыполнимость которой становится съ каждымъ днемъ яснѣе. Имъ казалось, что Россія пользовалась этой фантазіей въ своихъ дипломатическихъ разсчетахъ; но что теперь въ панславизмъ больше и больше перестаютъ вѣрить и тѣ, кто его боялся [1]).

[1]) Панславизмъ и междуславянскія отношенія чехи опредѣляютъ вообще такъ:

«Панславизмъ есть *инстинктивное* стремленіе славянъ къ политическому единству всѣхъ ихъ племенъ, какое въ новѣйшее время приписываютъ имъ главнымъ образомъ нѣмцы, сами дѣлая изъ этого пугало. Поводъ къ такому мнѣнію дали отчасти врожденная симпатія всѣхъ славянскихъ народовъ съ ихъ единоплеменниками и общая ненависть ихъ враговъ, отчасти идея литературной славянской взаимности, провозглашенная особенно Колларомъ, которой подложены политическія цѣли. Хотя панславизму и въ самомъ широкомъ смыслѣ нельзя было отказать въ правѣ, но интересы отдѣльныхъ славянскихъ народовъ такъ однако различны, и вообще обстоятельства такъ мало благопріятны практическому проведенію этой мысли, что стремленія къ политическому единству всѣхъ славянъ до сихъ поръ нигдѣ не проявились въ практическомъ дѣлѣ, а только какъ праздная фантазія нѣкоторыхъ мечтателяхъ головъ. Самое большее — можно допустить, что, быть можетъ, Россія, которая по географическимъ и политическимъ отношеніямъ должна бы была стать ядромъ будущаго славянскаго государства, для достиженія своихъ цѣлей никогда открыто не пользовалась противъ своихъ дипломатическихъ противниковъ этимъ пугаломъ, которое ложность и ничтожество сама очень хорошо знаетъ, между тѣмъ что заставляло тѣхъ, кто имѣетъ причину боятся соединенія славянства, тѣмъ больше вѣрить въ панславизмъ, какъ грозную погибель и истребленіе всей европейской образованности. Но въ новѣйшее время боязнь панславизма стала стихать и неосновательность ея признается все болѣе и болѣе, хотя взаимность славянъ, т.-е. сочувствіе всѣхъ славянскихъ племенъ другъ къ другу, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе увеличивается, какъ это видно также у дру-

Чехи, вѣроятно, совершенно ошибаются и въ томъ, что будто панславизмъ былъ такимъ хитрымъ оружіемъ Россіи, какъ говорится въ приведенной цитатѣ. Правда, теперь еще мало извѣстна дипломатическая исторія второй четверти столѣтія; но достаточно извѣстно, что русская дипломатія этого періода не разъ осуждалась тѣми же чешскими политиками, какъ «не славянская», даже какъ «нѣмецкая». Внутренняя политика этого періода не была благопріятна для панславистическихъ идей, проявлявшихся въ Россіи: это уже совершенно извѣстно. Какъ бы то ни было, чехи отвергали всякую возможность того панславизма, какого опасались въ Европѣ въ прежнее время; они отрицались отъ него и теперь. Послѣ московскаго съѣзда, гдѣ чехи наслышались славянофильскихъ рѣчей, ихъ отрицаніе высказано было очень рѣзко. Палацкій отвѣчать на славянофильскія идеи такимъ категорическимъ заявленіемъ:

«Въ Европѣ и въ Россіи существуютъ разныя мнѣнія объ отношеніяхъ русскихъ къ другимъ славянамъ. Нѣкоторые изъ русскихъ видятъ въ этихъ отношеніяхъ доказательство извѣстной платонической любви между славянскими народами; другіе полагаютъ, что славяне должны слиться съ русскими... Эти послѣдніе утверждаютъ, что всѣ славяне должны сдѣлаться русскими. Ихъ панславизмъ есть, слѣдовательно, панруссизмъ.

«Я отвѣчаю всѣмъ и каждому такъ: — чехи болѣе тысячи лѣтъ бились за свою національную индивидуальность и сохранили ее цѣной безчисленныхъ жертвъ. Они не захотятъ пожертвовать ею ради какихъ-то сомнительныхъ обѣщаній. То же самое и у всѣхъ другихъ славянъ, особенно у южныхъ.

«Мы никогда не покинемъ своего языка; мы никогда не пожертвуемъ своей литературой. Химера одного общаго

ихъ народовъ общаго происхожденія, напр., романскихъ и скандинавскихъ». («Статья о панславизмѣ» въ «Научномъ Словарѣ», чешской энциклопедіи).

языка для всѣхъ славянъ всегда останется химерой — и больше ничѣмъ. Чехи будутъ своими собственными господами; чехи никогда не будутъ русскими подданными; на это мы никогда не согласимся».

Въ этихъ словахъ высказано если не всеобщее, то самое распространенное мнѣніе чеховъ объ этомъ предметѣ.

Политическаго панславизма, съ Россіей во главѣ, еще меньше чеховъ желаютъ *поляки*. Давно замѣчено, что поляки очень равнодушны къ славянскому движенію, и, дѣйствительно, они всего меньше участвовали даже въ чисто литературной сторонѣ его. Это объясняется особымъ политическимъ и литературнымъ положеніемъ Польши. Для нея не было такой необходимости «возрожденія», какъ для другихъ западныхъ и южныхъ племенъ славянства: она до недавняго времени была цѣла и независима; ея историческое преданіе не прерывалось; она не была принуждена отыскивать своего родства. Когда произошла катастрофа «раздѣловъ», Польша сочла это своимъ личнымъ политическимъ бѣдствіемъ и искала избавленія въ политическихъ средствахъ. Припомнимъ, однако, что и въ польской литературѣ были замѣчательные ученые, которые старались завязать общеславянскія связи, — какъ Линде, Кухарскій, Ходаковскій, Мацѣевскій и пр.; но большинство было слишкомъ поглощено политической идеей, и общеславянскій интересъ не великъ въ польской литературѣ и до сего дня.

Съ другой стороны, русско-польскія отношенія давно стали больнымъ мѣстомъ и слабой стороной общеславянскаго вопроса. Для тѣхъ, кто думалъ найти рѣшеніе вопроса въ общеславянскомъ союзѣ, эти отношенія были трудностью, которую не знали какъ объяснить и обойти; они бывали возраженіемъ и упрекомъ, какіе дѣлало намъ западное славянство, когда шла рѣчь о панславянскомъ союзѣ и единствѣ. Такъ было на пражскомъ съѣздѣ, и такъ было на московскомъ. Въ литературѣ польской эти упреки повторены были множество разъ. Для противниковъ Россіи въ европейской литературѣ это тѣмъ болѣе былъ вѣчный при-

мѣръ, на основаніи котораго славянству отъ союза съ Россіей грозили порабощеніемъ.

Какъ историческія отношенія Руси и Польши были съ древнѣйшихъ временъ наполнены постоянной политической и національной борьбой, такъ новѣйшія русско-польскія отношенія представляютъ одно изъ самыхъ печальныхъ и болѣзненныхъ явленій въ современномъ славянскомъ движеніи. Со времени раздѣловъ исторія польскаго общества исполнена вражды къ «московскому наѣзду»: то поляки искали себѣ иноземныхъ орудій для борьбы съ Россіей, то иностранцы употребляли ихъ такимъ орудіемъ. Было время, когда эти отношенія приняли-было дружелюбный характеръ, — это была пора основанія царства польскаго, — и тогда одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей польской политической литературы, Сташицъ, призывалъ оба народа къ братскому единству и обѣщалъ имъ въ этомъ единствѣ могущество и процвѣтаніе. Но этотъ медовый мѣсяцъ былъ непродолжителенъ. Вскорѣ начинаются недоразумѣнія, сказывается внутреннее противорѣчіе неограниченной русской монархіи и польской конституціи; умы поляковъ направляются на старыя воспоминанія, на поиски прежней независимости и «границъ 1772 года». Въ результатѣ этихъ національныхъ стремленій вспыхнуло возстаніе 1830—31 г. Послѣ возстанія исключительность обѣихъ сторонъ дошла до крайней степени, и соглашеніе стало труднѣе, чѣмъ когда-либо. Исключительность польская развивалась особенно сильно подъ вліяніемъ эмиграціи. Послѣ неудачи возстанія большое число именно наиболѣе настойчивыхъ патріотовъ оставило Польшу, и здѣсь-то, въ эмиграціи, началось чрезвычайное броженіе умовъ, которое донынѣ тяготѣетъ надъ русско-польскими отношеніями какъ непримиренный и непримиримый споръ. Эмиграція поглощена была революціонными планами, цѣлью которыхъ было отраженіе «наѣзда» и возстановленіе старой Польши. Въ первое время эмигранты были очень радушно приняты во Франціи: это поднимало ихъ духъ, воспоминанія о только-что конченной

борьбѣ были еще свѣжи и заставляли еще болѣе страстно желать возвращенія потеряннаго. Отношеніе къ Россіи становилось все болѣе и болѣе острымъ. Эмиграція составляла еще цѣльный національный островокъ, гдѣ собрались спасшіеся отъ крушенія; въ рядахъ ея были представители всѣхъ классовъ общества—во главѣ стоялъ «король», князь Адамъ Чарторижскій, былъ ученый европейской извѣстности—Лелевель, былъ первый польскій поэтъ—Мицкевичъ. Это была странная жизнь, чрезвычайно возбужденная, полная фантазій, надеждъ, сначала и бодрости, но вмѣстѣ глубоко печальная... Эмиграція обнаруживала большую дѣятельность, между прочимъ и литературную: издавалось нѣсколько журналовъ, выходило много книгъ и книжекъ, съ разсказами, патріотическими планами, воззваніями. Изъ эмиграціи шли нити заговоровъ и тайныхъ обществъ въ прусскую, австрійскую и русскую Польшу; литература эмиграціи имѣла сильное вліяніе дома, куда проходила черезъ всѣ затворы...

Но возбужденіе было лихорадочное; почвы для его исхода не было—отчаянныя попытки кончались неудачно, бѣдственно, да и не могло быть иначе: въ Россіи шли слѣдствія надъ эмиссарами, чрезвычайные суды и ссылки; краковскія волненія 1846 года кончились паденіемъ послѣдняго свободнаго польскаго уголка; галицкія убійства того же года произвели подавляющее дѣйствіе—было убѣжденіе, что русинскіе крестьяне, истреблявшіе польскихъ помѣщиковъ, были подосланы самимъ австрійскимъ правительствомъ. У многихъ изъ поляковъ возникла тогда мысль, что остается одно—примиреніе съ русской властью; были сдѣланы попытки; онѣ остались безъ отвѣта... Подъ конецъ самое положеніе эмиграціи становилось все болѣе стѣснительнымъ.

Въ этой тяжелой жизни, не дававшей никакой реальной надежды, въ вѣчныхъ порываніяхъ къ недостижимой родинѣ, могли надломиться самыя крѣпкія силы. Польскій характеръ вообще богатъ фантазіей; здѣсь она развивалась до послѣдней степени—и въ сторону религіи, и въ политику, и въ исторію. Явился мистицизмъ Гоянскаго, собравшій цѣ-

лую школу; явился «мессіанизмъ» Мицкевича, фантазіи Вронскаго, позднѣе историческія теоріи Духинскаго... Надо прочесть послѣднія лекціи въ курсѣ Мицкевича въ Collège de France, прочесть разсказы о впечатлѣніи, какое онъ производилъ, чтобы увидѣть, до какой степени экзальтаціи доходили и профессоръ и слушатели. Исторію онъ превращалъ въ ясновидѣніе (и дѣйствительно приписывалъ ясновидѣніе славянскимъ поэтамъ), — Наполеонъ сталъ для него настоящимъ предметомъ культа, — и могущественный талантъ, глубокое чувство уходили на поэтическій бредъ, въ которомъ родина неизмѣнно носилась передъ душой поэта.

Невозможность реальной политической дѣятельности, вліяніе всякихъ революціонныхъ элементовъ, собиравшихся во Франціи и въ Англіи передъ 1848 годомъ, создавали особую атмосферу, въ которой польскій патріотизмъ эмиграціи вырождался въ революціонную отвлеченность и вмѣстѣ рутину. Не могло уже быть рѣчи о вниманіи къ дѣйствительности, безпристрастной оцѣнкѣ фактовъ: впослѣдствіи оказывалось, что эта революціонная отвлеченность не принесла однако перемѣны во внутренніе общественные взгляды. Съ революціоннымъ радикализмомъ мирились всѣ старыя историческія заблужденія, тотъ же католическій консерватизмъ, та же нетерпимость къ русскимъ элементамъ края, нѣкогда зависѣвшимъ отъ Польши.

Мицкевичъ въ теченіе трехъ лѣтъ на своихъ лекціяхъ говорилъ о славянствѣ, но поляки и теперь мало имъ интересовались: весь славянскій міръ заключенъ былъ въ Россіи и Польшѣ; славянскій вопросъ заключался только въ ихъ борьбѣ; славянство не входило въ разсчеты польскихъ политиковъ о будущей судьбѣ польскаго народа, или же входило въ одномъ смыслѣ, — что Польша, въ союзѣ съ западнымъ славянствомъ или во главѣ этого союза, будетъ бороться противъ Россіи. Такъ-называемый «русскій панславизмъ» былъ предметомъ самаго рѣшительнаго протеста.

Далѣе, русскій панславизмъ не находилъ сочувствія и у

сербо-хорватовъ. Въ сороковыхъ годахъ, готовясь къ борьбѣ съ мадьярами, хорваты въ патріотическомъ одушевленіи грозили своимъ врагамъ все славянскимъ единствомъ, гордились исполинской массой братскихъ славянскихъ племенъ, — но практически, какъ извѣстно, это братство и единство не принесли никакой осязательной пользы. Въ самомъ дѣлѣ, что могло сдѣлать славянство въ своемъ внѣшнемъ разъединеніи, при недостаткѣ внутренней связи національныхъ интересовъ? Главная политическая сила славянства, Россія, была слишкомъ далеко, — имѣла слишкомъ мало общаго съ крайнимъ западомъ славянства, да, кажется, — что бы ни говорили тогдашніе публицисты, обличавшіе панславизмъ — рѣшительно не интересовалась имъ. Мудрено ли, что обращенія къ всеславянству остались поэтической фразой и патріотическимъ самообольщеніемъ, и что вскорѣ пришлось совсѣмъ отложить ихъ въ сторону. Вопросъ остался въ тѣхъ тѣсныхъ границахъ, какія давала ближайшая обстановка, и политическія стремленія хорватовъ обратились къ единственному, что было, — къ историческому возвеличенію стараго хорватства, какъ чехи обращаются къ старой «чешской коронѣ». Хорваты забыли о панславянскихъ мечтаніяхъ 1840-хъ годовъ, перестали надѣяться на всеславянство, которое при всей его громадности оказалось совершенно безсильнымъ. Не мудрено, что ихъ крайніе политики стали, наконецъ, разсчитывать на западную помощь и союзы; вспоминая историческія заслуги хорватскаго народа, отражавшаго нѣкогда турецкія нашествія, они думали, что Европа должна вознаградить ихъ теперь. Надежды были, разумѣется, совершенно напрасны; но и вообще хорватскіе патріоты такъ же мало расположены къ панславизму, какъ чешскіе.

Сербы, уже какъ православные, гораздо ближе къ намъ, чѣмъ хорваты; они ближе къ намъ и по географіи, и по исторіи, старой и новой. Тѣмъ не менѣе, какъ мы указывали прежде, съ первыхъ шаговъ начинавшейся вновь сербской литературы въ ней обнаружилось стремленіе къ от-

дѣльному развитію, предпочтеніе своей исключительной народной особности старому преданію «славяно-сербской» школы. Въ тѣ времена, въ началѣ столѣтія, еще не было никакой ясной мысли о панславизмѣ; но если бъ она была, литературная реформа Вука была бы косвеннымъ протестомъ противъ нея. Впослѣдствіи наши славянофилы и обвиняли Вука за «не-славянскія» тенденціи; въ томъ, что Вукъ удалялся отъ старой азбуки (которая была та же, что русская), что онъ стремился писать чистымъ народнымъ языкомъ, безъ вниманія къ преданіямъ стараго книжнаго языка, видѣли ни больше, ни меньше какъ угодничество и исполненіе плановъ Австріи. Мы понимаемъ, что можно было бы спорить противъ нѣкоторыхъ подробностей Вуковой реформы; но что же можно было сказать противъ главнаго — противъ введенія въ книгу «народнаго» языка; что «не австрійское», а «русское», могъ бы сдѣлать Вукъ въ этомъ отношеніи? Да и сказала ли *тогда* хоть слово объ этомъ сама русская литература? Она ничего не говорила, ничѣмъ не участвовала въ этомъ сербскомъ дѣлѣ. На какомъ же основаніи она теперь могла поднимать противъ Вука свои обвиненія? Мы объяснили, какъ однако естественны были эти стремленія Вука. Дѣло заключалось не въ его личности, а въ самой сущности народныхъ славянскихъ развитій. Въ сербскомъ народѣ были давнія сочувствія къ Россіи; говорятъ, что они и теперь очень сильны, и послѣ событій прошедшей войны стали еще опредѣленнѣе, — но не слѣдуетъ думать, чтобы этотъ народъ сталъ отказываться отъ своей народности, которой именно и служилъ Вукъ. У насъ этого страннымъ образомъ не видѣли даже люди знающіе. Не слѣдуетъ также заблуждаться, противопоставляя русскимъ сочувствіямъ народа сдержанность «интеллигенціи» или даже отчужденіе ея. Передъ народомъ вопросъ нашихъ междуплеменныхъ отношеній является въ самыхъ общихъ очертаніяхъ; онъ понимаетъ ихъ догадкой, чувствомъ — въ данномъ случаѣ понимаетъ вѣрно — но отъ него ускользаютъ подробности, оцѣнка обстоятельствъ, ха-

рактеровъ дѣятелей данной минуты. Дѣло въ томъ, что и съ нашей стороны дѣйствуетъ не чистая народная стихія; не все же, что дѣлалось, можно было бы считать дѣйствительнымъ выраженіемъ чувствъ и желаній народа и общества; исключительные круги, которымъ принадлежитъ вліяніе, иногда дѣйствовали даже совсѣмъ наперекоръ тому, что называется народнымъ чувствомъ. Очевидно, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ требуется для «братскаго» народа большая осторожность,—ему надо очень присматриваться, взвѣшивать, соглашаться, но также и не соглашаться: это послѣднее за народъ и дѣлаетъ его «интеллигенція». Правда, ея «отчужденіе» имѣетъ нерѣдко и другія причины, — незнаніе своего народа, эгоистическое равнодушіе къ его интересамъ; но оно можетъ быть и результатомъ соображеній, о которыхъ мы говорили.

Нѣтъ сомнѣнія, что хотя бы сербскій народъ относился къ намъ со всѣми сочувствіями, образованные сербы не противорѣчили своему народу, когда не сочувствовали «панславизму» въ «московскомъ» смыслѣ, потому что, по всѣмъ вѣроятіямъ, и самый сербскій народъ, если бъ ему выяснилась сущность дѣла, отнесся бы сдержанно къ этому «панславизму», который такъ настойчиво требуетъ себѣ первенства. Оставалось бы еще спросить: представляетъ ли самый московскій «панславизмъ» настоящія мысли и желанія русскаго народа? Вѣдь это еще вопросъ.

Этотъ вопросъ именно представился въ 1861 году, когда славянофильскій кружокъ издалъ въ Лейпцигѣ извѣстное «Посланіе къ сербамъ изъ Москвы», подписанное всѣми главными представителями школы. Посланіе произвело на сербовъ вообще непріятное впечатлѣніе, которое высказано было, главнымъ образомъ, въ отвѣтѣ извѣстнаго сербскаго ученаго—Даничича [1]. Въ русской литературѣ внѣ славянофильскихъ кружковъ «Посланіе» также не встрѣтило со-

[1] Впрочемъ, Даничичу отвѣчалъ Вукичевичъ, въ книгѣ «Посланіе».

чувствія. Самая форма этого произведенія была странная. Какъ бы ни былъ кружокъ исполненъ любви и благожелательства къ сербамъ,—прямое, такъ сказать, оффиціальное обращеніе нѣсколькихъ лицъ къ цѣлому народу имѣло въ себѣ нѣчто чрезвычайно высокомѣрное. Тѣ же мысли могли быть высказаны въ общемъ разсужденіи тѣмъ лицомъ, перомъ котораго было написано «Посланіе», — это было бы естественно и скромно; форма прямого обращенія предполагала въ подписывавшихъ его людяхъ роль наставниковъ и руководителей. Въ чье имя дѣлались эти наставленія и подавались совѣты?

Сербы почувствовали это высокомѣріе. Подобное отношеніе къ славянскому братству замѣтно обнаружилось въ теченіе славянскаго съѣзда въ Москвѣ 1867 года. Здѣсь, вѣроятно, сербы, какъ и другіе славянскіе гости, должны были получить впечатлѣніе, что русскіе «панслависты» именно впередъ смотрятъ на славянство какъ будущіе повелители. Въ сербскихъ изданіяхъ можно было встрѣтить самыя опредѣленныя заявленія противъ панславизма (т.-е. предполагаемаго русскаго панславизма съ властолюбивыми и нивеллирующими стремленіями), и, между прочимъ, приведенныя выше слова Палацкаго повторены были въ сербской газетѣ «Видов Дан» съ выраженіями полнаго согласія и сочувствія.

Литературно-политическое направленіе сербской «омладины» остается чуждо панславизму въ томъ смыслѣ, что настаиваетъ на чисто-сербскихъ интересахъ, на развитіи своей народной индивидуальности. Въ ея дальнѣйшихъ идеалахъ—никакъ не сліяніе, а ожиданіе, что придетъ со временемъ свобода національностей, гдѣ не будетъ оспариваться чужое народное право.

Заявленія народнаго индивидуализма — какъ у сербовъ, такъ и у другихъ славянъ — нерѣдко также впадали въ крайность; противъ притязаній московскаго панславизма они выставляли требованія частныхъ народностей съ настойчивостью, которая, къ сожалѣнію, недостаточно оправ-

дывалась фактами и, слѣдовательно, похожа была на самонадѣянность: положеніе вещей вовсе не таково, чтобы отдѣльныя племена славянства могли устроить свои дѣла безъ чужой помощи и безъ союза. Но остается несомнѣннымъ, что славянскія народности запада и юга, при всей трудности ихъ политическаго и образовательнаго положенія, никакъ не хотѣли допустить какого-нибудь ущерба свободѣ и цѣлости своихъ національныхъ особенностей.

Не были исключеніемъ и *болгары*. Положеніе хуже ихъ не испытывало въ послѣдніе вѣка ни одно изъ славянскихъ племенъ, и однако, въ то время, когда пробудилось народное сознаніе и возникло стремленіе къ освобожденію отъ турецкаго ига, они также ни мало не думали искать свободы пожертвованіемъ народности. Какъ вездѣ въ славянскихъ народностяхъ, ихъ заботы направились именно на свою народную особность, старыя историческія преданія болгарскаго народа, на изученіе народнаго быта, нравовъ, поэзіи,—на созданіе новаго литературнаго языка. Мысль о подчиненіи иному славянскому племени, съ потерей національной индивидуальности, была какъ нельзя дальше отъ нихъ, и въ тѣхъ газетахъ, которыя болгарскіе патріоты издавали съ крымской войны въ Румыніи и гдѣ они проповѣдовали національную борьбу за свободу, мы находимъ тѣ же обычныя возраженія и протесты противъ панславизма.

IX

Общая замѣтка.

Что же такое, наконецъ, панславизмъ? Есть ли это чистая «фантазія мечтательныхъ головъ» — и тогда, убѣдившись въ этомъ, надо отложить ее въ сторону какъ произвольную и невозможную задачу; или же есть въ немъ нѣчто, —и тогда, въ чемъ оно заключается?

Прежде всего мы имѣемъ передъ собою фактъ возрожденія славянскихъ національностей, совершающіяся съ

конца прошлаго столѣтія. Не всегда замѣчаютъ необычайность этого факта. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлый рядъ народностей, находившихся цѣлые вѣка въ летаргическомъ снѣ, пробуждаются одна за другой. Повидимому, у нихъ уже не было будущаго; въ своей исторіи онѣ были страшно сломлены, или жизнь ихъ медленно подтачивалась; племена теряли свою національность, покоряясь властелинамъ, сильнѣйшимъ физически или умственно: обнѣмечивались, туречились, превращались въ грековъ, мадьяръ, итальянцевъ; почти вездѣ потеряли они свой высшій классъ, богатый и образованный; народность оставалась только въ безправной, лишенной образованія и сознанія массѣ, которой трудно было вырваться изъ-подъ политическаго и общественнаго гнета, сохраниться подъ вліяніями чужого высшаго образованія, и предстояло мало-по-малу затеряться въ господствующей національности. Но происходитъ совсѣмъ иное: въ этихъ подавленныхъ, едва понимающихъ свое состояніе племенахъ мелькаютъ первыя искры сознанія, и мало-по-малу создается за-ново національная жизнь, происходитъ формація языковъ, являются новыя литературы съ замѣчательными произведеніями поэзіи и науки, открываются богатые источники народной поэзіи — такой красоты, о которой уже забыла Европа и которая напоминаетъ ей о Гомерѣ. Съ народнымъ сознаніемъ возрождается мысль о сверженіи ига, о завоеваніи свободы: происходитъ возстаніе сербовъ — угнетенной рани, поселянъ, — и вскорѣ возрождается государство, погибшее еще въ XIV вѣкѣ; княземъ этого государства выбирается, какъ бывало въ младенчествѣ народовъ, предводитель, такой же поселянинъ, который на своемъ вѣку бывалъ и разбойникомъ. Правда, освободились тогда только сербы, и то одна часть; но «возрожденіе» распространилось во всемъ славянствѣ.

Пробудившіяся къ жизни племена не остаются одиноки. Они чувствуютъ между собою связь; единоплеменность внушаетъ имъ сочувствіе другъ къ другу, правда, долго туманное, невыясненное, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше оно крѣп-

нетъ; въ Россіи, самомъ крупномъ изъ славянскихъ племенъ и единственномъ сильномъ государствѣ, складывается понятіе о необходимости помогать единоплеменникамъ. Взаимныя сочувствія не оставались безплодны; тотъ, кто прошелъ дальше, помогалъ отставшему; владѣвшій бо́льшимъ просвѣщеніемъ помогалъ тому, кто былъ имъ бѣденъ; сильный помогалъ слабому. Такъ, на первыхъ шагахъ «возрожденія» русскіе помогли болгарамъ черезъ Венелина и другихъ ученыхъ историковъ, помогли сербамъ и черногорцамъ—своимъ политическимъ вліяніемъ; ученый словинецъ Копитаръ направлялъ предпріятія Вука; чехи помогли словакамъ и обратно; сербы—хорватамъ; чехи—лужичанамъ. Чешская, русская и польская наука, въ тѣсномъ союзѣ, выяснила старую судьбу племени, его общую древность, сосчитала славянскіе народы въ настоящую минуту, и этимъ дала имъ прочный и исходный пунктъ взаимнаго изученія и солидарности. Вскорѣ прямо была высказана мысль о необходимости ихъ умственнаго общенія, о литературной взаимности. Она и установилась до значительной степени. Введеніе славянскихъ каѳедръ въ русскихъ университетахъ открыло у насъ правильное (хотя и до сихъ поръ ограниченное лишь небольшимъ кругомъ спеціалистовъ) общеніе съ литературами западнаго и южнаго славянства, въ которомъ въ свою очередь есть свои спеціалисты того же рода. Это было уже начало панславизма—въ области литературы. Въ сороковыхъ годахъ въ Европѣ заговорили о панславизмѣ политическомъ, какъ о грядущемъ переворотѣ и опасности.

Таковъ былъ общій ходъ фактовъ.

Очевидно, мы имѣемъ дѣло съ широкимъ историческимъ явленіемъ. Мы указывали источники этого явленія, которые заключаются, съ одной стороны, во внутреннемъ развитіи, совершавшемся медленно, но постоянно въ средѣ самихъ славянскихъ племенъ; съ другой—въ обще-европейскомъ ходѣ вещей, во вліяніи освободительныхъ, образовательныхъ и гуманитарныхъ идей прошлаго и нынѣшняго вѣка.

Славянское возрожденіе совершалось именно въ этомъ духѣ — въ духѣ освобожденія и просвѣщенія. Благородная, внушающая глубокое уваженіе черта славянскаго возрожденія есть именно поднятіе народной массы къ сознательному человѣчному существованію, возвращеніе милліоновъ населенія къ свободѣ и просвѣщенію, уваженіе къ народной старинѣ, преданьямъ, обычаю, изученіе ихъ, въ которомъ славяне отчасти предварили европейскую науку. Это былъ своего рода романтизмъ, но не феодальный, а демократическій, — не оставшійся только капризомъ литературной школы, но соединенный съ заботой о практической помощи народному сознанію, о популярной литературѣ и пр. Результаты оказывались уже скоро. Для тѣхъ, кто заботился о «цѣлости и независимости» Турціи, кто хотѣлъ вѣрить въ турецкія реформы, можно было указать фактъ, что сербы, въ пятьдесятъ лѣтъ послѣ освобожденія, болгары въ нѣсколько десятковъ лѣтъ послѣ открытія ихъ первой школы въ тридцатыхъ годахъ, еще подъ турецкимъ владычествомъ, пріобрѣли такую степень народнаго образованія, какой турки не умѣли достигнуть въ пять столѣтій своей жизни въ Европѣ и владычества надъ этими народами. По всему этому характеру своего содержанія славянское возрожденіе есть одинъ изъ сильныхъ фактовъ обще-европейскаго прогресса; это — естественное и глубокое примѣненіе европейской идеи, которое такимъ образомъ можетъ свидѣтельствовать, что славянство — не какая-нибудь новая орда, грозящая потопить европейскую цивилизацію, а такое же европейское племя, возбужденное духомъ времени и стремящееся войти въ кругъ этой цивилизаціи съ тѣмъ сознаніемъ человѣческаго достоинства, какое прививается европейской образованностью.

Возрожденіе сильно именно тѣмъ, что племенные инстинкты, потребность національной свободы шли и идутъ въ немъ рядомъ съ потребностью гуманитарнаго просвѣщенія. Это очевидно изъ всего характера и содержанія новѣйшихъ славянскихъ литературъ: размѣры большей части

изъ нихъ очень незначительны, но онъ совершенно оправдываютъ сдѣланное замѣчаніе... Правда, что у противниковъ славянства нѣтъ особеннаго желанія убѣждаться въ этомъ.

Но если таковы источники и характеръ славянскаго движенія, очевидно, что его нравственно-политическое *право* не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, право не только на то, что имъ уже сдѣлано, но и на дальнѣйшее развитіе. То, что пріобрѣтено, — уже много въ сравненіи съ прежнимъ подавленнымъ состояніемъ славянства; сравнимъ нынѣшнюю Чехію съ тѣмъ, что была она сто лѣтъ назадъ, вспомнимъ, что была Сербія, Болгарія сто лѣтъ тому назадъ. Но говоря безотносительно, эти пріобрѣтенія еще чрезвычайно далеки отъ того, что необходимо для обезпеченія національной жизни. И прежде всего, не возстановлена самая цѣльность племенъ — по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это совершенно необходимо и было бы возможно (напр. относительно сербовъ и болгаръ, остающихся за Турціей); — или, въ австрійскомъ славянствѣ, не обезпечена внутренняя политическая равноправность славянской народности съ чужой господствующей, напр., чеха въ Богеміи, хорвата, серба, словака, русина въ Венгріи и т. п. Болгаринъ, сознавшій потребности разумнаго человѣческаго существованія для отдѣльной личности и для народа, *не могъ* не стремиться къ освобожденію своего народа; сербъ въ свободномъ уже княжествѣ или въ Черногоріи *не могъ* не помышлять объ освобожденіи своихъ ближайшихъ единоплеменниковъ (сосѣдей, друзей и братьевъ) изъ-подъ возмутительнаго ига; словакъ, хорватъ, сербъ, русинъ такимъ же образомъ *не могъ* не враждовать съ мадьярами, потому что не видѣлъ отъ нихъ простой юридической и общественной равноправности и справедливости. Всѣмъ имъ остается одинъ путь — борьба самая справедливая, потому что національность, въ которой они себя сознавали, не только не обезпечивалась, но была сама по себѣ причиной притѣсненія, — но борьба, страшно тяжелая.

«Національный принципъ» подвергался разнымъ теоретическимъ нареканіямъ, и заслуживалъ ихъ, когда извращался въ орудіе реакціонной политики или дипломатической интриги. Здѣсь роль его была иная; онъ дѣйствовалъ здѣсь своими элементарными силами и былъ единственнымъ орудіемъ политическаго, общественнаго и нравственнаго возрожденія цѣлыхъ племенъ. Гдѣ историческая судьба связала національности радикально несходныя, какъ въ Турціи, гдѣ политическая форма соединила азіатскія племена съ европейскими и поставила именно послѣднія, единственно способныя къ европейскому развитію, въ подоженіе иноговъ; или гдѣ — въ государствѣ европейскомъ нѣтъ однако равноправности, гдѣ именно національность подвиненнаго племени влечетъ съ собой «лишеніе нѣкоторыхъ правъ», какъ въ Австріи и т. п., тамъ этотъ же принципъ становится условіемъ народнаго развитія, высшимъ нравственнымъ началомъ. Сколько бы ни негодовала дипломатія на нарушеніе ея спокойствія, дѣйствіе національнаго принципа вызвало славянскій міръ изъ его вѣковой летаргіи, и онъ составляетъ основу славянскаго современнаго движенія.

Скучно бываетъ читать нападенія на славянство именно съ этой стороны. Славяне виноваты, что не хотятъ быть нѣмцами, венграми, турками; — какъ и у насъ (по мнѣнію многихъ), поляки виноваты, что не хотятъ быть русскими. Но во всей Германіи поднимается вопль, что Данія угнетаетъ трехъ нѣмцевъ въ Шлезвигѣ и изъ-за нихъ поднимается война, въ которой Пруссія и Австрія успѣшно побѣждаютъ Данію; во Франціи, завоеваніе Пруссіей и обратное онѣмеченіе Эльзаса есть національный трауръ, тема для тиртеевскихъ пѣсенъ, для политическихъ филиппикъ, сенсаціонный сюжетъ для живописи и скульптуры. Но если пруссакъ освободилъ теперь страждущаго шлезвигца, если французъ приходитъ въ патріотическую печаль объ эльзасцѣ, — то, кажется, должно быть еще болѣе имъ понятно, что болгаринъ и сербъ ненавидѣли турецкое господство, словакъ и хорватъ — венгерское, чехъ — нѣмецкое и т. д.

Нынѣшняя война, привлекшая въ Турцію нѣсколько первостепенныхъ европейскихъ публицистовъ и очень раскрывшая характеръ турецкой власти, выяснила, между прочимъ, тѣ вещи, которыя до сихъ поръ болгары и сербы выносили на себѣ и къ которымъ не желала приглядѣться пристально европейская дипломатія и публицистика. Стало ясно, что турецкое господство есть вещь невозможная, что въ борьбѣ славянъ съ турками шелъ вопросъ о борьбѣ европейской культуры съ азіатской «цивилизаціей». Въ другомъ видѣ, но также невозможно было (при *настоящемъ* порядкѣ вещей) примиреніе славянской національности съ нѣмцами, съ мадьярствомъ и т. д. Существуетъ фактъ, что славянская народность, самымъ своимъ присутствіемъ, есть поводъ къ общественно-политическому стѣсненію; понятно, что славянскій патріотъ не можетъ не относиться враждебно къ угнетателю, — согласиться съ послѣднимъ будетъ значить — измѣнить своему народу, стать самому въ ряды угнетателей.

Національное сознаніе, явившись, наконецъ, въ славянскихъ обществахъ, должно было развиваться все въ большихъ размѣрахъ. Новыя славянскія литературы выростали въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, онѣ наполнялись изученіемъ народности — историческія преданія прошедшаго, бытъ современный, народный языкъ, поэзія, все это стало предметомъ изслѣдованій, описаній, сличеній; съ другой стороны, онѣ стремились усвоить плоды литературъ европейскихъ, догнать результаты, выработанные европейскимъ развитіемъ въ тѣ вѣка, когда славянство поневолѣ бездѣйствовало. Наконецъ, вопросъ былъ поставленъ политическимъ образомъ. Отчасти приводило къ тому собственное логическое развитіе народности, воспоминаніе о временахъ старой свободы и политическаго могущества, стремленіе освободиться отъ стѣсненій, угнетающее дѣйствіе которыхъ стало ощутительнѣе; съ другой стороны, это естественное развитіе поддерживали внѣшнія событія —

какъ войны Россіи съ Турціей, возбуждавшія балканское славянство, какъ войны Наполеоновскія, какъ іюльская революція, какъ сорокъ-восьмой годъ.

Политическая борьба славянства за свою національную свободу большей частью была еще мало удачна, но далеко не безплодна: съ конца прошлаго вѣка и донынѣ южное славянство перешло отъ полнаго рабства къ образованію государствъ; при большемъ политическомъ искусствѣ, при большей сознательности славянскаго міра, результатъ могъ бы быть еще несравненно шире, чѣмъ онъ есть въ настоящую минуту. Мало-по-малу стала являться мысль о необходимости національной солидарности племенъ — панславизмѣ.

Эта мысль о панславизмѣ (въ какой бы то ни было формѣ, все равно) возникла естественно, сама, изъ родственности славянскихъ племенъ, какъ скоро эта родственность была сознана. Нѣкогда, и, повидимому, не въ очень отдаленной древности, славянство составляло группу племенъ, несравненно болѣе близкихъ одно другому по всѣмъ племеннымъ свойствамъ, чѣмъ теперь. Нашъ начальный лѣтописецъ еще знаетъ преданія о выселеніи сербовъ и хорватовъ на югъ и западъ изъ карпатской страны, гдѣ они прежде жили. Теперь собрано довольно много свидѣтельствъ, что въ средніе вѣка славяне даже далеко разселенные знали другъ о другѣ, помнили единство своего происхожденія и имѣли извѣстныя племенныя сочувствія; правда, это сочувствіе мало подѣйствовало на практическія событія, но ближайшіе сосѣди знали другъ друга очень хорошо, какъ болгары съ сербами, сербы съ хорватами, хорваты съ словенцами, чехи съ поляками, русскіе съ поляками, а въ старину съ болгарами, малоруссы украинскіе съ русинами галицкими, русины венгерскіе съ словаками и т. д. Исторія не однажды сближала сосѣднія племена въ общей судьбѣ. Такимъ образомъ, по всему славянству тянулась нить племенныхъ сношеній, болѣе близкихъ или далекихъ. Особенно тѣсная связь была между русскимъ славянствомъ и

балканскимъ, болгарами и сербами: они близки по происхожденію, принадлежа вмѣстѣ къ одному изъ двухъ главныхъ отдѣловъ славянскаго племени, близки по историческимъ отношеніямъ и единовѣрію, вслѣдствіе котораго нѣкогда южные славяне бывали нашими церковными учителями, а потомъ, подъ турецкимъ игомъ, искали книжно-церковной помощи у насъ, начиная еще со временъ московскаго царства. Отсюда ихъ надежды на русскую помощь, а поданная помощь оставляла благодарную память и усиливала надежды на будущее. Новѣйшее изученіе народностей указало между славянскими племенами столько родственнаго, что племенное чувство невольно оживилось; изъ ученыхъ круговъ это внезапное распространяется въ обществѣ и, какъ мы видѣли въ сербо-турецкой войнѣ, способно было вызвать даже въ нашемъ хаотическомъ обществѣ извѣстныя предпріятія на помощь сербамъ. «Взаимность» дѣлалась сознательной.

Въ Европѣ эта помощь славянству со стороны Россіи изображалась часто именно какъ «макіавелическая политика», скрывавшая завоевательные планы Россіи. Не пускаясь въ темную исторію дипломатическихъ плановъ, довольно замѣтить, что если были у Россіи макіавелическіе планы, то они исполнялись очень дурно, потому что въ войнахъ съ Турціей, въ большинствѣ счастливыхъ, Россія пріобрѣтала меньше, чѣмъ могла бы пріобрѣсти, русская политика менѣе заботилась о славянствѣ, чѣмъ могла; напротивъ, показывала слишкомъ много... добродушія, когда не только не пользовалась удобными случаями къ захватамъ, но еще заявляла, что желаетъ сохраненія «цѣлости и независимости» Турціи, — и дѣйствительно сохраняла. Выше приведено достаточно примѣровъ, что наши «Макіавели» вовсе не поощряли развитія у насъ славянскаго вопроса... Притомъ, если русская политика оказывала покровительство христіанамъ Турціи, помогала Сербіи, то въ этомъ принимали участіе и европейскія державы; а для Россіи было бы если уже не дѣломъ истинныхъ сочувствій,

то дѣломъ приличія оказать покровительство той церкви, которой принадлежитъ и ея народъ, какъ Франція оберегала Римъ для папы, какъ она вмѣшивалась въ дѣла сирійскихъ христіанъ. Россія притомъ помогала не однимъ славянамъ: въ прежнее время Россія, больше чѣмъ балканскому славянству, помогла Греціи, Молдавіи и Валахіи. Сама Европа дала Греціи свое покровительство.

Съ точки зрѣнія «макіавелизма», въ нашей помощи славянству удивительно не то, что она подавалась, а то, что она подавалась такъ медленно и такъ скудно. Въ прежнее время, дѣйствительно, русская дипломатія гораздо меньше думала о славянахъ Турціи, чѣмъ о принципѣ законной власти его величества султана надъ славянами.

Такъ или иначе, отрывочно, неполно и случайно обнаруживались факты политическихъ сочувствій; практически ихъ сила была еще крайне ограничена, но они считались уже несомнѣнными теоретически, и у отдѣльныхъ лицъ стали складываться въ теорію политической солидарности и славянскаго единства: это и былъ такъ называемый панславизмъ, т.-е. чистая теорія, или, вѣрнѣе, на половину теорія, на половину идеалъ національныхъ патріотовъ, философско-историческое построеніе,—справедливое или несправедливое, но которое *никогда* не было правительственною системой. Теорія развивалась различно въ разныхъ рукахъ и разныхъ обстоятельствахъ. Сначала выставлены были одни факты, именно факты племенного родства, общей старины и народныхъ преданій, сходства племенныхъ характеровъ и быта. Шафарикъ представилъ панславянскіе итоги древности и современнаго состоянія племенъ. Колларъ говорилъ о литературномъ панславизмѣ въ формѣ «взаимности». Для западныхъ славянъ трудно было говорить о панславизмѣ политическомъ,—отъ нихъ не могла идти его инициатива, по подчиненному состоянію и слабости племени; заговорили русскіе теоретики, какъ Погодинъ и славянофилы. Западный панславистъ Штуръ сталъ почти на ту же точку зрѣнія. Самой крайней (впрочемъ, для прак-

тическихъ вопросовъ славянской политики мало выясненной) теоріей была славянофильская теорія о противоположности двухъ міровъ, греко-славянскаго и романо-германскаго. (У нашего правительства ни эта централистическая, ни другая, федеративная, теорія панславизма не имѣли успѣха и не получали одобренія). Въ то же время въ Европѣ пошли толки о панславизмѣ какъ о явной будто бы системѣ русской политики. Фактовъ, доказывавшихъ это, конечно, не было; но въ Европѣ помнили о греческомъ проектѣ Екатерины (онъ показывалъ широкіе завоевательные планы, хотя доказывалъ противъ панславизма), вѣрили въ «завѣщаніе Петра Великаго», боялись могущества Россіи во второй четверти столѣтія, усмиреніе Польши и уничтоженіе ея конституціи считали первымъ шагомъ нивелирующей политики, видѣли вліяніе Россіи въ дѣлахъ балканскаго полуострова;—въ частности, считали книжки гр. Гуровскаго внушенными русскимъ правительствомъ, слыхали о московскихъ патріотахъ, считали правительственнымъ агентомъ Погодина (который былъ панславистомъ просто въ свою голову); наконецъ, знали о славянскомъ возрожденіи. Изъ всего этого составилось довольно матеріала, чтобы говорить о русскомъ панславизмѣ; присоединились частныя опасенія различныхъ противниковъ славянства и Россіи, и они стали указывать на грозящую опасность:—мадьяры, опасаясь (въ тѣ годы, передъ 1848) хорватовъ и сербовъ; нѣмцы, подозрѣвая чеховъ и другихъ славянъ; поляки, пугаясь Россіи и пугая ею. Существованіе панславизма, какъ злостнаго политическаго плана, было принято за фактъ. Сами славяне, наслушавшись толковъ, сознавая присутствіе племенныхъ связей, слыша нѣчто о московскихъ теоріяхъ, не зная хорошенько внутреннихъ русскихъ отношеній, также стали пугаться «поглощенія» и стали съ негодованіемъ открещиваться отъ панславизма.

Обѣ стороны, и Европа, и славянство, крайне преувеличивъ дѣло, несправедливо судили и самые факты. Одни были неправы, бросая тѣнь на естественное развитіе на-

національной жизни въ славянствѣ, какъ въ послѣдніе годы изъ-за «панславизма» отнималось у болгаръ право на свободное человѣческое существованіе. Были неправы и славяне, которые, изъ-за боязни «поглощенія», не оцѣниваютъ всей серьезной сущности вопроса, именно, что панславизмъ,— въ той или другой формѣ междуплеменной солидарности,— есть единственное обезпеченіе ихъ сохраненія и будущаго развитія.

Славяне чувствуютъ, что эта солидарность необходима, но до сихъ поръ не умѣли примирить этой необходимости съ чувствомъ своей народной индивидуальности. Опасеніе понести ущербъ для нея внушаетъ имъ опасенія; они знаютъ силу Россіи, разсчитываютъ на нее, но все-таки относятся къ ней сдержанно—и въ сущности мало интересуются ея внутреннимъ бытомъ. Разсуждая о Россіи, они (напр. чехи) съ удовольствіемъ отмѣчаютъ въ ея общественности и политикѣ проявленія «славянской идеи»; славяне радовались успѣхамъ русскаго дѣла въ Болгаріи;—въ чемъ же основаніе этой радости? Очевидно, не столько въ общечеловѣческомъ интересѣ дѣла, сколько именно въ интересѣ племенномъ, въ сознаніи, что «взаимность», какъ оказывается, можетъ стать политической силой, которая совершаетъ великія услуги славянскому дѣлу,—быть можетъ, со временемъ и ихъ собственному. Но если этой взаимности предстоитъ развиваться, то концомъ развитія можетъ быть только панславизмъ, который былъ бы высшей степенью взаимности. Славянство ищетъ политической свободы, понимаетъ необходимость собственнаго энергическаго усилія, кругомъ себя видитъ только враговъ, и нуждается въ помощи, потому что однѣхъ силъ каждаго отдѣльнаго племени мало для достиженія цѣли. Гдѣ же эта помощь?— ея можно ожидать только отъ племенной солидарности и союза. Кто будетъ отвергать этотъ союзъ, уходить отъ него, тотъ рискуетъ національной гибелью. Словомъ, панславизмъ—единственное средство политическаго обезпеченія, гарантія независимости, какая можетъ быть отыскана

славянствомъ. Славянство пугается той формы, въ какой выражались панславянскія тенденціи въ московской школѣ, пугается могущества Россіи и ея суроваго отношенія къ польской національности, и какъ будто никогда не ждетъ отъ Россіи другихъ взглядовъ и другого способа дѣйствія. Но едва-ли возможно думать, что нынѣшнія политическія условія останутся неподвижными; вѣроятнѣе, напротивъ, что время будетъ дѣлать свое, что придутъ болѣе широкія формы и идеи, которыя дадутъ мѣсто и такому славянскому союзу, какой теперь считается невозможнымъ; неизмѣнность формъ можетъ стать опасностью для самой Россіи. Само развитіе славянской солидарности можетъ здѣсь подѣйствовать, открывая новыя условія и потребности — если только сумѣетъ идти въ уровень съ лучшими стремленіями въ самомъ русскомъ обществѣ.

Панславянская солидарность необходима не въ одномъ политическомъ, но и во внутреннемъ, образовательномъ смыслѣ. Первое можетъ еще долго оставаться недостигнутымъ; политическія преобразованія въ самой Европѣ могутъ даже совсѣмъ устранить необходимость политическаго панславизма, — по крайней мѣрѣ, ослабить ее; но это не измѣнитъ необходимости образовательно-литературной солидарности. Западное славянство боится германизаціи, но послѣдняя производится не только политическими средствами, а также просто образовательнымъ превосходствомъ, — и, отставая въ этомъ отношеніи, славянство будетъ само себя подкапывать; слѣдовательно, надо стремиться къ тому, чтобы для пріобрѣтенія болѣе высокой культурной степени не было необходимо отказываться отъ своей національности и забывать ее. Въ этомъ отношеніи славянству остается сдѣлать очень многое. Справедливо замѣчено было, что раздѣленное, какъ теперь, славянство будетъ безсильно и въ развитіи образовательно-литературномъ: мелкія литературы, ограниченныя небольшимъ кругомъ силъ и публики, неизбѣжно будутъ стѣснены и въ развитіи своего содержанія. Чтобы слѣдить (хотя до извѣстной степени) за движеніемъ

европейской науки, четыре-пять славянскихъ литературъ должны будутъ рядомъ дѣлать одно и то же дѣло, отнимая время и силы отъ самостоятельныхъ работъ, и такъ какъ въ небольшихъ литературахъ просто не будетъ читателей для самостоятельныхъ спеціальныхъ работъ, то научныя силы будутъ уходить — какъ теперь — все въ ту же нѣмецкую литературу. Тѣсный горизонтъ частнаго племени долженъ ограничивать и дѣятельность поэтическую, которая несомнѣнно зависитъ отъ объема національной жизни, отъ развитія цѣлой литературы. Намъ кажется, что литературная солидарность (въ какой бы формѣ она ни произошла) и здѣсь оказала бы оживляющее дѣйствіе. Безъ всякихъ панегириковъ русской литературѣ, нельзя не признать, что кругъ ея литературныхъ идей, художественное достоинство ея произведеній, разнообразная выработка стиля, широта замысловъ стоятъ гораздо выше явленій всѣхъ другихъ славянскихъ литературъ (не исключая и польской).

Но, говоря все это, мы ни мало не думаемъ отвергать права другихъ славянскихъ литературъ, навязывать имъ русскій языкъ и т. п. То, что дѣлалось и дѣлается до сихъ поръ въ славянскихъ литературахъ, имѣетъ свое достаточное историческое объясненіе, и установленіе солидарности, о которой мы говоримъ, быть можетъ, всего больше должно быть дѣломъ самой русской литературы. Ея значеніе и интересъ къ ней въ славянствѣ возвысится только съ ея значеніемъ дома, а послѣднее тѣсно связано съ развитіемъ общественности.

Для того, чтобы взаимное сближеніе славянства могло осуществиться, нужно столь многое, что въ настоящее время панславизмъ справедливо можетъ казаться произвольной фантазіей и заявленія объ его необходимости съ русской стороны — національной жадностью (на что наводятъ идеи нѣкоторыхъ изъ нашихъ славянофиловъ).

Современный славянскій міръ почти безъ исключенія

протестуетъ противъ него, отстаивая впередъ свои племенныя и историческія особенности. Но самъ онъ въ настоящую минуту исполненъ такимъ противорѣчіемъ основныхъ принциповъ политическихъ и религіозныхъ, историческихъ преданій, общественно-національныхъ стремленій, что противорѣчія, кажется, несоединимы: православіе—и католицизмъ, неуклонная абсолютная монархія — и привычка къ (худой или хорошей) конституціонной жизни, къ народно-бытовой непосредственности, Россія—и Польша, «обрусеніе»—и упорная защита народной индивидуальности. Гдѣ нѣтъ разнорѣчія въ одномъ отношеніи,—оно сохраняется въ другомъ, и несетъ въ себѣ зародышъ разрыва. Такъ, восточное славянство (русскіе, болгары и сербы) соединяется единствомъ религіознымъ, многими историческими преданіями и недавней помощью; но и здѣсь отношенія деликатны, потому что у болгаръ и сербовъ является ревнивое опасеніе за неприкосновенность своей народности [1]). Въ западномъ славянствѣ сближеніе затруднено цѣлымъ рядомъ несогласій— до того, что (какъ мы видѣли выше въ словахъ Палацкаго) уже теперь, такъ-сказать, ничего не видя, оно, по чувству племенной особности, относится къ предполагаемой русской гегемоніи съ настоящей враждой. Эти протесты и указываютъ, гдѣ причины существующаго и возможнаго раздора, и какимъ путемъ возможны сближеніе и союзъ.

Въ какой формѣ устроится будущій панславизмъ (повторяемъ, въ какой бы ни было формѣ національной солидар-

---

1 Русское общество, не особенно привыкшее къ политической деликатности, въ теченіе послѣднихъ годовъ нерѣдко высказывалось отталкивающимъ для славянства образомъ: таковы бывали предположенія, что болгарамъ нужно бы теперь принять русскій языкъ, такъ какъ ихъ языкъ (неизвѣстныя тѣмъ, кто дѣлалъ эти замѣчанія) чрезвычайно сходенъ съ русскимъ; такъ, корреспонденты и публицисты съ удовольствіемъ приводили замѣчанія доброжелателей изъ простого народа, что-де сербы — это тѣже русскіе, только въ бѣлградской губерніи и т. п. Повторяившіе это, вѣроятно, не думали о значеніи своихъ словъ; но сербамъ и болгарамъ они не могли нравиться. Другіе случаи этого рода бывали покрупнѣе...

ности), и устроится ли онъ вообще — это, конечно, неизвѣстно, потому что возможно и то и другое. Славянство можетъ опоздать съ союзомъ, и останется въ видѣ membra disjecta, съ сомнительной способностью противодѣйствовать организованнымъ чужимъ вліяніямъ и вмѣшательствамъ. Но если признавать, что союзъ необходимъ для національнаго бытія славянскаго міра, то въ основаніи стремленій къ нему долженъ быть не духъ исключительности и нетерпимости, который еще продолжаетъ господствовать въ между-славянскихъ отношеніяхъ, а духъ примиренія. Когда извѣстная русская школа отожествляетъ славянскій вопросъ съ православіемъ, пророчитъ гибель европейской цивилизаціи, отталкиваетъ католическое славянство, а школа польская рѣшаетъ, что Россія есть племя варваровъ, которое должно быть отнѣснено въ Азію, говорить объ этомъ союзѣ смѣшно. Обѣ стороны, конечно, считаютъ себя непогрѣшимыми. Не находясь въ этомъ пріятномъ состояніи, мы думаемъ, что обѣ стороны находятся въ глубокомъ заблужденіи. Обѣимъ сторонамъ недостаетъ хладнокровной критики и вниманія къ положенію и интересамъ другого племени. Обѣ теоріи проповѣдуютъ нетерпимость и насиліе, и послѣдовательный результатъ ихъ была бы истребительная борьба — безсмысленная, между прочимъ, потому, что у обѣихъ сторонъ есть общіе враги, которымъ этотъ раздоръ служитъ бы только «къ пользѣ и увеселенію».

Первымъ условіемъ, необходимымъ для панславянскаго сближенія, были бы религіозная терпимость и уваженіе къ чужой народности. Было бы странно, если бы панславянскій союзъ отнимать или, по крайней мѣрѣ, стѣснять у нихъ то же, что у нихъ отнимали турки, мадяры и нѣмцы, — между тѣмъ, понятіе о правѣ народностей у насъ до сихъ поръ почти не существуетъ, объ «обрусеніи» у насъ говорили такъ легко, какъ о починкѣ мостовыхъ; стоило украйнофиламъ воспользоваться малорусскимъ языкомъ не для однихъ стишковъ, а для популярныхъ книгъ, какъ начались крики о сепаратизмѣ; поляки, испытывая національныя стѣ-

сненія въ царствѣ, дѣлали такія же стѣсненія русинскому языку въ Галиціи и т. д.

Право народности есть однако, капитальный пунктъ всего славянскаго движенія, — которое наполнено защитой этого права. Тяжесть нарушенія его испытывали различнымъ образомъ почти всѣ западные и южные славяне, и въ усиліяхъ сопротивленія народность стала еще болѣе чувствительна, и совершенно понятно, что они упорно стоятъ теперь за ея неприкосновенность. Одни, какъ поляки и чехи, два главныя племени западнаго славянства, имѣли издавна богатыя литературы, которыя составляютъ для нихъ предметъ гордости. У поляковъ эта литература не прерывалась, но въ нынѣшнемъ столѣтіи въ русской Польшѣ подвергалась все большимъ стѣсненіямъ, — такъ что свободная печать окончательно перешла въ польскія земли Австріи и Пруссіи, и въ пріютъ эмиграціи, Парижъ. Стѣсненіе пало и на другія стороны польской національной жизни, прибавляясь къ политическимъ мѣрамъ, принятымъ противъ Польши... У чеховъ была старая замѣчательная литература и свободная національная жизнь, но та и другая была насильственно прервана въ началѣ XVII столѣтія и заглохла на полтора вѣка; католическая реакція запрещала и истребляла національныя преданія и литературу, казнила людей, жгла книги и т. д. Съ возобновленіемъ литературы въ концѣ XVIII столѣтія здѣсь являлась снова на сцену національная жизнь, которая уже считалась не существующею.

У православныхъ сербовъ и болгаръ съ паденіемъ ихъ царствъ, съ XIV — XV вѣка письменность почти окончательно исчезла, не уцѣлѣло почти никакого книжнаго преданія, а литература, возникшая у нихъ съ конца прошлаго или нынѣшняго столѣтія, начиналась положительно вновь, на новомъ народномъ языкѣ, лишь съ слабыми воспоминаніями изъ старой книжности.

Такимъ образомъ, кромѣ поляковъ (и отчасти западныхъ сербо-хорватовъ) литература всѣхъ остальныхъ славянъ была въ полномъ смыслѣ слова возрожденіемъ. Мы

указывали особенныя свойства возрожденія, составлявшія его силу. Оно было по преимуществу народное, демократическое. Съ паденіемъ старыхъ государствъ славяне потеряли весь высшій «культурный» классъ, который или погибъ въ историческихъ катастрофахъ, или измѣнилъ народу и народности, вступивъ въ ряды побѣдителей. Такъ было у болгаръ, сербовъ, чеховъ, словаковъ, русиновъ; у послѣднихъ высшій классъ становился польскимъ или мадьярскимъ. Національная жизнь сохранялась только въ бытовомъ преданіи и могла возродиться только изъ среды народа. Такъ это дѣйствительно и было.

Новые дѣятели набирались изъ самыхъ глубокихъ народныхъ слоевъ: родиной первыхъ писателей, ученыхъ, политическихъ дѣятелей, военныхъ предводителей была деревня; родъ—поселяне, много сельскій священникъ; первыя впечатлѣнія — чисты народный бытъ. У людей этого происхожденія любовь къ народу могла быть и была прямая, непосредственная. Вновь начинавшіяся литературы выбирали своимъ языкомъ — языкъ самого народа, создавали новое содержаніе изъ народнаго матеріала, потому что старина была основательно истреблена или забыта. Это простонародный языкъ, мало-по-малу прилаживаемый къ книгѣ, литературный языкъ, построенный заново. Такъ, нынѣшній сербскій книжный языкъ не восходитъ дальше Вука Караджича; болгарскій считаетъ лѣтъ тридцать-сорокъ, и еще донынѣ не установился и т. д. Національность была такъ долго подавлена, что ее нужно было реставрировать: начинается изученіе элементовъ народности. Нужно было обезпечить основанія національнаго дѣла — возникаетъ забота о народномъ образованіи, основываются народныя школы, пишутся популярныя книги. Понятно, какую важность эти народныя литературы имѣли для возстановленія національности, для образованія народной массы.

Мы упоминали, какъ легко говорили у насъ о бѣдности этихъ литературъ, предлагая вмѣсто нихъ введеніе русскаго литературнаго языка; но это были литературы на языкѣ

своего народа, заключали въ себѣ все его поэтическое и патріотическое содержаніе, служили его начинающейся образованности, — словомъ, были дороги своему народу, какъ вообще бываетъ дорога литература, и только-что созданныя, онѣ были гордостью славянскихъ патріотовъ. Да и кромѣ того: русская литература несравненно богаче каждой изъ южнославянскихъ; но литература чешская, польская также не бѣдны, и имъ не легко предложить принятіе русскаго литературнаго языка. Дѣлать такимъ предложеній нельзя; нужно, чтобы русскій языкъ самъ по себѣ сталъ привлекателенъ и важенъ для славянства, а это можетъ быть достигнуто только внутреннимъ развитіемъ и свободой русской литературы. А теперь многія славянскія литературы въ этомъ послѣднемъ отношеніи гораздо ея выше. Странно, смѣшно сказать, что не только чешская или заграничная польская, но даже какая-нибудь русинская литература въ Галиціи, въ прежнее время даже болгарская въ Румыніи могли говорить свысока о подцензурной русской литературѣ и разныхъ случаяхъ, какіе съ ней бываютъ!

Слѣдовательно, если бы мы желали литературнаго объединенія, надо: не требовать отъ славянъ принятія русскаго языка, — это будетъ совершенно безполезно, да и невозможно, — а стараться поставить саму русскую литературу въ такое положеніе, чтобы она, безъ всякихъ хлопотъ и рекомендацій съ нашей стороны, получила для нихъ образовательный, научный и политическій интересъ. Слѣдовательно, прежде всего нужна забота объ обезпеченіи самой русской литературы, а она сводится, конечно, къ цѣлому положенію нашей общественности. — Въ частности, наша литература пріобрѣтетъ важность для славянства только тогда, когда будетъ сама владѣть большимъ знаніемъ славянскихъ дѣлъ, когда славянскіе интересы (которые стали у насъ обнаруживаться не далѣе, какъ только въ послѣдніе годы) получатъ въ нашей жизни полное право гражданства и возможность иниціативы: общество не можетъ довольствоваться однимъ пассивнымъ любопытствомъ, а дѣя-

тельная инициатива находится въ извѣстномъ положеніи, о которомъ можно имѣть понятіе по судьбѣ славянскихъ комитетовъ...

Со временемъ это положеніе вещей, вѣроятно, измѣнится, и русская литература въ состояніи будетъ занять въ славянскомъ мірѣ мѣсто, достойное «великаго народа» и «великой державы»,—какого она теперь не имѣетъ,—и привлечь къ себѣ умы славянства. Но для этого ей предстоитъ еще громадный трудъ—расширить свое содержаніе, пріобрѣсти столько самостоятельности, чтобы въ вопросахъ славянскихъ она могла высказывать не одно національное хвастовство или сантиментальность, а въ вопросахъ науки она не была только повтореніемъ (на половину недосказаннымъ, перечеркнутымъ) литературъ западныхъ: иначе въ первомъ случаѣ она не будетъ интересна для славянъ, а во второмъ славяне будутъ предпочитать обращаться къ подлинникамъ, какъ дѣлаютъ теперь.

Ближайшимъ дѣломъ славянскихъ литературъ остается взаимное изученіе своихъ народно-политическихъ отношеній, и для насъ, въ особенности, забота о внутреннемъ положеніи нашей литературы.

Чѣмъ долженъ стать панславизмъ въ политическомъ отношеніи?

Выше мы указывали, какія политическія теоріи строились о томъ, какъ можетъ быть достигнуто частное или полное объединеніе и освобожденіе славянства. Одни думали о «русскомъ панславизмѣ»; другіе о «западно-славянскомъ»; Погодинъ мечталъ о чемъ-то въ родѣ русско-славянской имперіи отъ Адріатики до Камчатки и Алеутскихъ острововъ; славянофилы не знаемъ хорошенько, о какой политической формѣ союза, но о союзѣ славянства, возвращеннаго въ православіе; о такомъ же союзѣ думалъ Штуръ; австрійскіе славяне, въ особенности чехи, надѣялись на федерацію австрійскаго славянства, или на славянскую Австрію; поляки думали сами стать во главѣ западнаго славянства, а чаще просто объ отдѣльной возстановленной въ старыхъ

границахъ Польшѣ; европейскимъ публицистамъ въ прежнее время мерещилась имперія славянскаго Чингисъ-хана, захватывающаго среднюю Европу и т. д.

Мы не беремся дѣлать предсказанія, какъ нѣкоторые изъ славянофильскихъ писателей; мы не имѣемъ такихъ свѣдѣній о будущемъ славянства, которое, напротивъ, кажется намъ очень загадочнымъ. Вѣрно только, что не будетъ ни чингисъ-хановскаго завоеванія, ни погодинской имперіи ни то, ни другое не въ духѣ новой исторіи. Затѣмъ, славянскій міръ можетъ принять самыя различныя формы, между прочимъ — въ худшемъ случаѣ потерять многихъ своихъ членовъ, въ лучшемъ достигнуть національной свободы, и при этомъ однако совсѣмъ обойтись безъ политическаго сліянія. Мы видѣли, какъ мало само славянство желаетъ объединенія, которое стѣснило бы частныя народности, и, вѣроятно, надолго удовлетворилось бы, если бы были удовлетворены первоначальныя требованія его внутренней свободы и политической цѣльности. Нужна только та «справедливость», о которой говорилъ Штуръ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, остаться спокойной Болгарія, разрываемая на части, на половину свободная, на половину отдаваемая обратно туркамъ? Не даетъ ли это одно достаточнаго повода къ политическому волненію, которое тотчасъ клеймятъ какъ панславизмъ? Можетъ ли оставаться спокойнымъ сербское племя, также разрываемое на куски, наперекоръ всѣмъ естественнымъ связямъ? Готъ и другіе факты, и подобные имъ будутъ по-прежнему производить броженіе въ славянскомъ мірѣ, пока не достигнется какое-нибудь болѣе разумное политическое устройство племенъ, которымъ такъ давно приходилось и приходится вести бездомную жизнь на своей родинѣ. Племенныя сочувствія имѣютъ, безъ сомнѣнія, свою роль въ между-славянскихъ отношеніяхъ; но здѣсь глубокое основаніе сочувствій и желаній подать помощь заключается не въ какомъ-нибудь отвлеченномъ ультра-національномъ задорѣ, не въ идеалистическомъ «панславизмѣ», а въ естественномъ побужденіи по-

мочь единоплеменнымъ народамъ, получить тѣ элементарныя обезпеченія, въ которыхъ не могло бы отказать имъ безпристрастно примѣненное народное право.

Когда существуютъ такія отношенія, противорѣчащія самому простому чувству политической справедливости, тогда имѣетъ всѣ данныя быть и развиваться политическій панславизмъ, стремленіе къ союзу, который одинъ можетъ обѣщать опору для справедливаго дѣла. Въ этомъ смыслѣ развитія нравственно-національныхъ связей, мимо всякихъ плановъ о какомъ-нибудь всеславянскомъ государствѣ, панславизмъ долженъ стать цѣлью для всего славянства. Начатки такого стремленія уже существуютъ. Россія (хотя мало и непостоянно) уже помогала Сербіи, Черногоріи, теперь Болгаріи. Въ своемъ нравственномъ и политическомъ интересѣ, и въ интересѣ самого славянства, она не должна покидать этого пути—никакого ущерба чужому настоящему «праву» здѣсь не произойдетъ; но справедливость давно бѣдствующимъ народамъ могла бы быть оказана. Что при этомъ развалится, напр., Турція, то это будетъ вовсе не нарушеніемъ человѣчески понимаемаго «права», а его возстановленіемъ.

Нравственно-политическая солидарность, о которой мы говоримъ, есть однако еще искомая вещь. Не только въ нашемъ обществѣ (мы не говоримъ здѣсь о дѣйствующей нынѣ политикѣ—взгляды ея намъ неизвѣстны), но и въ самомъ славянствѣ еще не умѣли выяснить себѣ отношеніи, какія должны бы связывать обѣ стороны для общихъ цѣлей. Славянство не умѣетъ отличать Россіи офиціальной отъ неофиціальной, государства отъ общества, дѣйствующей дипломатіи отъ нарастающихъ взглядовъ общества и литературы, отличать того, что можетъ быть сдѣлано въ настоящую минуту, и того, чего можно и надо ожидать въ близкомъ будущемъ. Быть можетъ, это мало пособитъ въ настоящую минуту; но думаемъ, что теперь болѣе внимательное изученіе взаимныхъ отношеній было бы очень полезно для будущаго—это приготовило бы взаимное пониманіе двухъ

обществъ, болѣе прочныя литературныя связи, разсѣяло бы недоразумѣнія, какихъ еще много, въ особенности ту взаимную нетерпимость, политическую и религіозную, которая составляетъ одно изъ главныхъ золъ славянской жизни, и помогло бы опредѣлить ихъ общіе интересы. Не меньше труда предстоитъ и для нашего общественнаго сознанія. Солидарность съ славянствомъ не была бы внѣшній политическій союзъ съ чужимъ государствомъ, который создается разсчетами данной минуты и всякими случайностями, здѣсь входитъ, напротивъ, нравственно-національный элементъ, потому что такой элементъ есть племенное единство; его историческое изученіе даетъ факты для объясненія нашей старины и народности, разумно понимаемое теперь, оно вырастаетъ въ сочувствіе къ національному развитію нашихъ единоплеменниковъ и отражается на нашемъ собственномъ самосознаніи. Вопросъ, слѣдовательно, не можетъ или не долженъ оставаться только дѣломъ государства и, напротивъ, требуетъ участія и иниціативы общества, — здѣсь основаніе къ тому требованію, которое выставленъ Штуромъ [1]. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы могла у насъ идти серьёзная и добросовѣстная рѣчь о панславянской взаимности и союзѣ, о славянской роли Россіи, нужны, какъ говоритъ онъ, основательныя преобразованія въ нашей общественности, которыя дали бы возможность открытыхъ обсужденій предмета въ свободной печатной рѣчи и возможность общественной иниціативы. Вотъ знаменательный пунктъ славянскаго вопроса; онъ былъ замѣченъ даровитымъ славяниномъ, горячимъ патріотомъ своей родины, но вмѣстѣ привязаннымъ глубоко къ Россіи и призывавшимъ общеславянскій союзъ, но у насъ все еще остается невразумителенъ.

Но нуженъ ли панславизмъ самому русскому обществу? Въ западномъ славянствѣ, имѣющемъ обыкновенно слабое понятіе о русской жизни и литературѣ, часто думаютъ,

1 «Славянство и міръ будущаго», стр. 181, см. выше, стр. 144

что въ русскомъ обществѣ есть «славянская» партія, т.-е. славянофилы (съ которыми, однако, какъ мы видѣли, они совсѣмъ не могутъ поладить), и партія, враждебная славянству, «западная», даже «нѣмецкая», какъ называли ее чехи (противники славянофиловъ выходили «нѣмцами»!). Въ чемъ дѣйствительно были несогласны русскія партіи, до недавняго времени оставалось непонятно на славянскомъ югѣ и западѣ. Тамъ знали нѣчто о спорахъ нашихъ партій въ сороковыхъ годахъ и продолжали примѣнять это и къ нынѣшнимъ партіямъ. Не знаемъ, увидятъ ли они теперь различіе нашихъ партій.

До послѣдней войны наше общество было порядочно равнодушно ко всякимъ славянскимъ дѣламъ, и имѣло о нихъ весьма умѣренныя свѣдѣнія.

И донынѣ, несмотря на то, что въ послѣднихъ событіяхъ обнаружилось много сочувствій къ славянству, вовсе нельзя сказать, чтобы они установились у насъ прочно и сознательно. Въ настроеніи общества были тогда самые различные мотивы: у однихъ (немногихъ) давній интересъ къ славянству; у другихъ — непосредственныя впечатлѣнія отъ варварскихъ убійствъ; далѣе — религіозныя сочувствія къ единовѣрцамъ; былъ обычный, безсодержательный шовинизмъ; наконецъ — у очень многихъ потребность въ какомъ-нибудь живомъ дѣлѣ, чтобы спастись отъ подавляющей апатіи и скуки... Начавшееся дѣло увлекало и вызывало самыя высокія нравственныя движенія. Но дѣло кончилось; домашняя жизнь возвращается въ старую колею, еще занимаютъ результаты событій, но возвращается и прежняя безжизненность общественнаго быта, возбужденнаго чувства ничто не поддерживаетъ, и въ концѣ-концовъ является полу-равнодушное отношеніе къ дѣлу, на которое потратилось столько силъ и столько жертвъ.

Положеніе русской общественности легко указываетъ причины этого равнодушія. Во первыхъ, событія идутъ мимо общества и оно охладѣваетъ къ ихъ теченію; съ другой стороны, всѣми чувствуется (а многими очень сильно), что

у насъ есть много вещей, для насъ гораздо болѣе важныхъ, чѣмъ славянскій вопросъ. Намъ слишкомъ часто «не до славянъ».

Въ этомъ именно издавна заключалась причина равнодушія нашего общества къ славянскому вопросу. Людямъ серьезнымъ, но не наклоннымъ къ національному идеализму, было ясно, что, по внутреннему положенію нашего общества, славянскій вопросъ ему недоступенъ; что какъ бы онъ ни былъ важенъ самъ по себѣ, есть гораздо болѣе-важные наши собственные вопросы, которые требуется рѣшить раньше, и притомъ только съ рѣшеніемъ этихъ настоятельныхъ домашнихъ дѣлъ мы имѣли бы возможность отнестись къ славянскому вопросу не съ одними голыми теоріями или наивно-поэтическими мечтаніями. Они думали и думаютъ до сихъ поръ, что постановка вопроса (какая дѣлалась нашей славянской школой), безъ этой существенной оговорки, есть вредная ошибка, потому что она отвлекала общество отъ ближайшихъ его задачъ, вводила въ заблужденіе объ его дѣйствительномъ положеніи, питала самообольщеніями; тѣмъ болѣе еще, что съ теоріей «греко-славянскаго міра» соединялась, относительно внутреннихъ нашихъ дѣлъ, идеально-консервативная теорія, которую не всегда можно было различить отъ теоріи совсѣмъ грубо-консервативной. Что самообольщеніе дѣйствительно питалось, это можно было видѣть вполнѣ на новѣйшихъ толкахъ о славянствѣ и Европѣ: когда нужно было позаботиться по крайней мѣрѣ узнать что-нибудь о балканскомъ славянствѣ, у насъ была уже обличена «Европа» и ея цивилизація; дошло до того, что человѣкъ, усомнившійся въ этой теоріи, заподозрѣвался ея партизанами въ недостаткѣ любви къ отечеству, а между тѣмъ Европа отхватила отъ Болгаріи Восточную Румелію и Македонію все для тѣхъ же турокъ, Боснію и Герцеговину (съ которыхъ и началась страшная борьба) подарила

[1] Въ «Вѣстн. Евр.» приведенъ былъ еще недавній приговоръ профессора русской исторіи и предсѣдателя здѣшняго славянскаго комитета, осудившихъ ихъ на погибель.

Австріи... Сколько подъ фразами объ освобожденіи славянства, какія стали ходить въ обществѣ, скрывалось лицемѣрія и абсолютной пустоты, объ этомъ будущій историкъ справится у сатирика, сочиненія котораго останутся изумительнымъ «зерцаломъ» нашего времени.

Была еще одна очень серьёзная сторона дѣла. Противники нашей славянской школы не желали, чтобы славянство было вводимо въ заблужденіе относительно Россіи: по ихъ мнѣнію, было самонадѣянностью говорить о предназначеніи Россіи быть универсальной защитницей славянства, какъ о фактѣ,— когда факта еще не было,— а также, рано было заявлять требованіе главенства. Во-вторыхъ, они думали, что школа безъ достаточнаго основанія присвоивала себѣ одной подлинный «русскій» взглядъ на славянскія отношенія,— думали это по очень простой причинѣ: русское общество не имѣло и до сихъ поръ не имѣетъ полной свободы для выраженія своихъ мнѣній. Могло быть (и пожалуй было бы), что если бы такая свобода существовала и если бы русскій «народъ» (которымъ вообще такъ смѣло распоряжаются наши теоретики) могъ самъ выражать свои мысли, независимо отъ газетъ, то онъ бы высказался не совсѣмъ такъ, даже совсѣмъ иначе, нежели тѣ, кто самозванно брался за него говорить.

Такія мысли являлись еще въ сороковыхъ годахъ, когда Погодинъ выступилъ первымъ публицистомъ по славянскому вопросу и когда начиналась славянофильская школа,— и высказываются донынѣ.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ слышалось — кромѣ тѣхъ выраженій сочувствія, какія вызывались ближайшими, сильными впечатлѣніями событій — два рода мнѣній о существѣ дѣла: одни (мы говоримъ о людяхъ убѣжденій, а не о фразерахъ) въ прежнемъ духѣ славянской школы говорили о предназначеніи Россіи, восторгались исполненіемъ его въ нынѣшней войнѣ, предвѣщали гибель европейской цивилизаціи и замѣну ея славянскою; люди одного оттѣнка этихъ мнѣній находили, что вопросъ еще не совсѣмъ созрѣлъ, но,

впрочемъ, смотрѣли на дѣло съ особеннымъ квіетизмомъ, въ убѣжденіи, что все-таки славянскіе принципы восторжествуютъ. Другіе, напротивъ, съ самаго начала смотрѣли недовѣрчиво на внутреннее противорѣчіе между характеромъ нашего общественнаго быта и свойствомъ предстоявшей освободительной задачи; они съ накипѣвшей горечью смотрѣли на ходъ и окончаніе событій, на ту массу «оборотныхъ сторонъ», которыя оказались въ освободительномъ дѣлѣ. Они убѣждались, что противорѣчіе дѣйствительно раскрылось...

Такой глубокій раздоръ мнѣній можетъ навести сомнѣніе, слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ русскому обществу тратить силы и время на задачи, которымъ не соотвѣтствуетъ наше внутреннее положеніе. Многіе и рѣшаютъ, что не слѣдуетъ. Малоизвѣстность славянскихъ дѣлъ и отношеній еще увѣряетъ ихъ, что это міръ — намъ чуждый, которому мы можемъ приносить только физическую силу, а отъ него ничего не получать. Но, тѣмъ не менѣе, славянскій вопросъ существуетъ и для насъ: онъ поставленъ исторически, и ведетъ за собой свои послѣдствія. Россія принимала участіе въ освобожденіи Сербіи, освободила (хотя пока только на половину) Болгарію; мы замѣшаны въ славянскій вопросъ со стороны Польши, а съ нею связаны черезъ западный и юго-западный край; Польша и Малороссія сближаютъ насъ съ дѣлами Галиціи. Все это — вопросы самые реальные, которые, рано или поздно, потребуютъ себѣ общественнаго вниманія — какъ уже случалось, и требовали его; надо желать, чтобъ они не заставали насъ врасплохъ, съ невыясненными понятіями. Съ другой стороны, славянское возрожденіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, безъ сомнѣнія, принесетъ новые факты сближенія. Кто слѣдитъ за «молодыми побѣгами» западныхъ и южныхъ славянскихъ литературъ, замѣтитъ, что возникаетъ, хотя еще немногими проявленіями, солидарность въ литературно-общественныхъ идеяхъ, какой досель еще не было. Литературная «взаимность», которая ограничивалась археологіей и филологіей, начинаетъ

захватывать область общественныхъ вопросовъ,— на которой только и можетъ со временемъ вырости полное взаимное пониманіе.

Мы должны бы кончить общимъ выводомъ, но мы не имѣли цѣлью выставлять программы. Настоящая минута очень неудобна для всесторонныхъ изслѣдованій, для полныхъ и ясныхъ заключеній; мы хотѣли только, сколько возможно, устранить тѣ ошибочныя мнѣнія, какія мѣшали и мѣшаютъ у насъ правильному пониманію самыхъ крупныхъ сторонъ въ славянскихъ дѣлахъ, и указать, какимъ единственнымъ путемъ можно придти къ вѣрной постановкѣ труднаго вопроса: наши панславянскіе взгляды выяснятся въ теоріи и будутъ прочно поставлены практически лишь тогда, когда наши общественныя силы будутъ имѣть прочное развитіе, дозволяющее на нихъ опереться. Только тогда мы будемъ въ состояніи говорить съ правомъ о нашемъ значеніи для панславянскаго союза и единства.

Нѣтъ въ продажѣ слѣдующихъ сочиненій

А. Н. ПЫПИНА:

Исторія русской этнографіи. Томы I—II: Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская; т. III: Этнографія малорусская; т. IV: Бѣлоруссія и Сибирь; указатель къ цѣлому сочиненію. Спб. 1890—1891.

А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

Исторія славянскихъ литературъ. 2 тома. 2-е изданіе. Спб. 1879—1881.

Цѣна 1 р.

Изданія помѣщаются въ Книжномъ Складѣ М. М. Стасюлевича
Спб., Вас. остр., 5 лин., собств. д. № 28.

Сокращенный каталогъ, спеціальный дѣтскій, со сводомъ отзывовъ, одобреній и рекомендацій на каждую книгу, и дополнительные каталоги высылаются каждый по полученіи 2-коп. марки.

1972

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

ARY

D
377
.3
P87
1913a

Pypin, Aleksandr Nikolaevich
Panslavizm v proshlom i
nastoiashchem

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 12 05 12 011 3